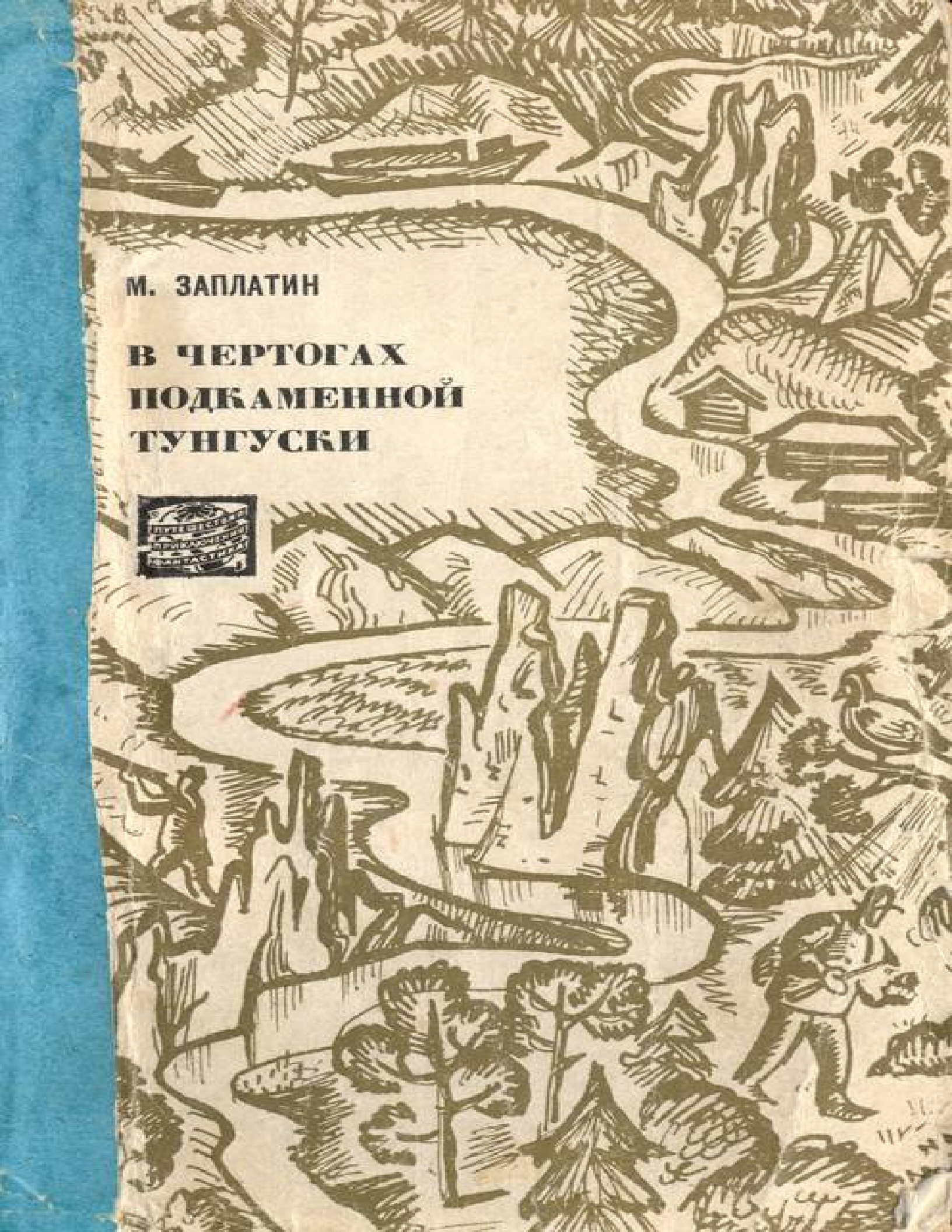

М. ЗАПЛАТИН

**В ЧЕРТОГАХ
ПОДКАМЕННОЙ
ТУНГУСКИ**

- [Михаил Александрович Заплатин](#)
 - [ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ](#)
 - [В ДАЛЕКИЙ ПОСЕЛОК ВАНАВАРУ](#)
 - [К МЕСТАМ МЕТЕОРИТНОЙ КАТАСТРОФЫ](#)
 - [У ГЕОЛОГОВ](#)
 - [ОТ ВАНАВАРЫ ДО БАЙКИТА](#)
 - [СРЕДИ КАМЕННОЙ ФАНТАЗИИ](#)
 - [В ПОЛИГУСЕ](#)
 - [ВПЕРЕДИ ГРОЗНЫЕ ПОРОГИ](#)
 - [К ПРОСТОРАМ ЕНИСЕЯ](#)
- [Примечание](#)
 - [1](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Михаил Александрович Заплатин
В чертогах Подкаменной Тунгуски

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Я с благодарностью вспоминаю тот счастливый случай, который неожиданно забросил меня на берега таежной реки Подкаменной Тунгуски.

Начиналось лето 1958 года. Меня тянуло в дальнюю дорогу. У главного диспетчера киностудии «Моснаучфильм» произошел такой разговор.

— Нет ли экспедиций подальше и потруднее? — спросил я.

— На Подкаменную Тунгуску хочешь?

Я оторопел: откуда он мог знать мои сокровенные мечты? Не размышляя, я почти крикнул:

— Хочу!

— Собирайся и уезжай с метеоритной экспедицией. Она отправляется через четыре дня.

Так началось мое увлекательное путешествие на далекую Подкаменную Тунгуску, путешествие, целью которого была съемка фильма о работах метеоритной экспедиции.

Перед отъездом я срочно занялся поисками книг о Подкаменной Тунгуске.

Мне удалось выяснить следующее.

В 1877 году половину реки от устья впервые обследовал геолог И. А. Лопатин, который оставил очень краткий геологический отчет, умещавшийся на трех-четырёх страницах.

В 1921 году плавание на плоту от верховьев Подкаменной Тунгуски до устья осуществил красноярский орнитолог А. Я. Тугаринов, который также оставил очень краткое описание реки.

Маршрут Тугаринова повторил в 1924 году геолог С. В. Обручев, оставивший более популярное, но тоже короткое описание пути по реке, в котором много внимания уделяется геологии.

Трудно было представить себе реку по этим кратким описаниям. Поэтому с особым нетерпением я мечтал о поездке.

...Мне посчастливилось побывать с метеоритной экспедицией в самых глухих уголках тунгусской тайги и снять для экрана работу ученых по исследованию тунгусской катастрофы.

Но речь в этой книге пойдет, собственно, не о Тунгусском метеорите, тайну исчезновения которого ученые до сих пор не разгадали до конца. Я как путешественник расскажу о местах, над которыми произошел взрыв, и о путях проникновения к ним. Расскажу о Подкаменной Тунгуске, о сказочной красоте ее берегов, о путешествии вдоль ее беспокойного русла, среди настоящей каменной фантазии и о хороших людях, с которыми мне довелось встретиться в пути.

Я был бы рад, если бы мои путевые очерки вдохновили любителей природы и путешествий на поездку в этот интересный уголок Сибири, который еще недавно для них был почти недостижим.

Сейчас в нашей стране самое широкое распространение приобретает кинолюбительство. Читатель найдет в этой книге некоторые советы по съемке в условиях путешествия: ночью при луне,

вечером у костра, в дождь, в предутренние и вечерние часы. Есть здесь и советы кинолюбителям, занимающимся в походах съемкой животных и птиц — киноохотой, которая в значительной степени служит делу сохранения природы.

Свои путевые записки я посвящаю тем, кто страстно любит природу и путешествия, кому милы утренние зори в лесу и хвойный аромат тайги, кто предпочитает палатку и неприхотливый ужин у вечернего костра самым роскошным гостиницам, кого влекут неизведанные горы и таежные тропы...

В ДАЛЕКИЙ ПОСЕЛОК ВАНАВАРУ

На трех самолетах с пересадками я добрался до Подкаменной Тунгуски, прилетев на несколько дней раньше метеоритной экспедиции, которая выехала из Москвы поездом. Исходным пунктом экспедиции был поселок Ванавара.

Я был один, без ассистента и администратора, с киносъёмочной аппаратурой весом до двухсот килограммов.

Воздушное путешествие от Красноярска до Ванавары доставило мне немало удовольствия. Я еще никогда не видел с борта самолета бескрайних просторов тайги. Никогда не видел широкой ленты Ангары, текущей среди зеленых берегов у Богучан и Кежмы. Даже с воздуха Ангара выглядела величавой рекой.

Особенно поразили меня таежные пространства между Кежмой и Ванаварой. Маленький самолет, как крохотное насекомое, парил над темно-зеленым океаном, которому, казалось, не было конца. Среди тайги мелькали иногда правильной округлой формы озера и болота. Пилот, показывая на одно из них, спросил:

— Не осколок ли метеорита угодил в это болото?

— А что, вполне может быть!

— Сколько летаю здесь, всегда удивляюсь. Очень похоже на воронку от метеорита!

Пилот внимательно смотрел на землю, будто что-то ища. Заметив, что я слежу за его взглядом, он, улыбаясь, сказал:

— Я частенько здесь вижу медведей. Встанет на задние лапы и стоит смотрит на самолет. А иной мишка, заведев машину, улепетывает во все лопатки. Забавно!

Вскоре среди леса заблестели ленты двух рек. Одна из них, поменьше, впадала в полноводную.

— Тэтэрэ! — показал пилот на меньшую реку. — А это Подкаменная Тунгуска.

Я с интересом смотрел на реку, извивающуюся среди глухих таежных берегов. Так вот ты какая, Подкаменная Тунгуска! А почему Подкаменная? Где же камни?

На берегу показалось большое село. Это Ванавара. Сотни три домиков раскинулось вдоль реки. Широкую ленту поселка прорезали пять просторных улиц с переулками. С самолета хорошо было видно, как по одной из улиц стремительно пронесся мотоциклист, за ним проехала светлая «Победа». У домов стояло несколько грузовиков.

Через минуту мы приземлились у бывшей глухой фактории, которая еще в 1928 году состояла всего лишь из трех-четырех изб.

Несколько часов я просидел в аэропорту в ожидании подводы, которая должна была перевезти в поселок мою киноаппаратуру.

Из прилетающих самолетов то и дело целыми семьями высаживались эвенки. Оказывается, чтобы попасть из одного поселка в другой, местные жители теперь редко ходят таежными тропами, как бывало в старину. Для эвенков самолет стал обычным видом транспорта. Любой горожанин не пользуется так часто самолетом, как жители затерянных в тайге селений.

Диспетчер объявил о прибытии очередного самолета. Через некоторое время в здание аэровокзала вошел бородатый худощавый старик с рюкзаком за плечами. Оглядев всех, он обратился ко мне:

— Вы не из Москвы?

— Да.

— Не скажете ли мне, метеоритная экспедиция уже в Ванаваре?

— Еще нет. Должна прибыть на днях.

— Вы имеете к ней отношение?

— Я иду в тайгу вместе с ними. Я кинооператор.

— О-о! Очень приятно. Янковский, — протянул он мне руку.

Передо мной стоял участник одной из экспедиций Л. А. Кулика — Константин Дмитриевич Янковский. О том, что он примет участие в предстоящей метеоритной экспедиции, я узнал еще в Москве. Это был уже немолодой, но бодрый человек и, как выяснилось впоследствии, неутомимый путешественник.

(Моя память сохранила с детства сенсации 1927 года, когда на поиски Тунгусского метеорита в труднодоступную тайгу отправился смелый исследователь Л. А. Кулик. Напечатанные в журналах того времени фотографии демонстрировали следы ужасной катастрофы среди безлюдных пространств Сибири. Многим тогда казалось, что это где-то там, на краю света, где люди уже не могут жить...)

Наконец пришла подвода за моей киноаппаратурой, и мы с Янковским отправились в поселок.

В этот день мы не разлучались. Константин Дмитриевич знакомил меня с Ванаварой и фактически сам знакомился заново с поселком, в котором не бывал с 1930 года. Он помнил только несколько захудалых домов, каким-то чудом уцелевших до наших дней. О старой Ванаваре напоминал и стоящий в центре поселка деревянный столб с вырезанной надписью: «Астрорадиопункт 1929 года».

На все остальные строения Янковский смотрел удивленными глазами и беспрестанно восклицал:

— Этих домов здесь не было! Здесь я собирал голубику!

На краю Ванавары, там, где на высоком берегу Подкаменной Тунгуски красуются дома больничного городка, он сказал:

— Вот отмахали! Ведь здесь была непролазная чаща!

На реке слышались протяжные гудки. На берег бежали дети, за ними спешили взрослые. Опираясь на палки, шли старики. Со всех сторон были слышны голоса:

— Пришла самоходка!

— Товары прибыли!

На берегу Подкаменной Тунгуски собралось почти все население Ванавары. Направились туда и мы.

К ровному, но круто обрывающемуся к реке луговому берегу причаливал караван илимок с большой самоходной баржей и катером. На борту самоходки белело название «Хакасия»; катер назывался «Кузбасс».

— Вы видите, что происходит, — сказал Константин Дмитриевич, — теперь до Ванавары плавают самоходка и катер, а при Кулике-то илимки тянули вверх только лямкой.

Началась разгрузка. Через час берег был уставлен ящиками, бочками, мешками, тюками.

Для населения Ванавары этот день был праздником. Один раз в год, весной, когда грозные пороги на Подкаменной Тунгуске скрыты большой водой, караван илимок и самоходная баржа из Красноярска привозят в Ванавару все необходимые товары и продовольствие. Таким способом далекий район обеспечивается на весь год продуктами первой необходимости.

К этому рейсу жители Ванавары проявляют большой интерес: какой товар прибыл в эту навигацию, что можно будет купить на зиму?

Капитан самоходки, плотный, небольшого роста человек, сосредоточенно поглядывал на размеченную рейку, стоящую в воде у берега, и покрикивал, обращаясь к грузчикам:

— Навались, ребята: вода падает! Застрянем на порогах!

Один из грузчиков шутя отвечал:

— Постараемся, капитан! С тебя магарыч!

— Будет!

От Ванавары до того места, где Подкаменная Тунгуска впадает в Енисей, по реке больше тысячи километров. Спад уровня воды грозит каравану многими неприятностями на порогах.

Разгрузка продолжалась до самого позднего часа, благо июньские ночи в северных широтах достаточно светлые. Мы с Янковским ушли с берега в полночь.

С Ванаварой я продолжал знакомиться и на другой день. Более подробные сведения о поселке я получил в райисполкоме, когда приступил к съемке.

Ванавара как центр Тунгусско-Чунского района начала строиться в 1935 году. До этого райцентр находился в селе Стрелке на реке Чуне, в более глухом, оторванном от селений районе. Теперь же Ванавара — большой населенный пункт. В самом центре его находится просторная площадь, которую окружают здания Дома культуры, райкома КПСС, исполкома райсовета, заготконторы, столовой, почты, банка, магазина, школы.

Еще в тридцатых годах трактор был здесь диковинкой, а теперь на улицах Ванавары можно видеть мотоциклы, грузовые и легковые автомашины. В наши дни на Подкаменной Тунгуске очень редко увидишь лодку, на которой, как в старину, передвигались бы с помощью шеста. Многие жители села имеют собственные лодочные моторы.

В Ванаваре, как и всюду в нашей стране, ни на день не прекращается строительство. Поселок быстро разрастается от берега в глубь тайги.

Подрастает и новое поколение. Глядя на жизнерадостные лица детей, веришь, что люди здесь живут счастливо.

Немало молодых специалистов со всех концов страны работают в Ванаваре. Здесь им есть где приложить руки: в качестве врачей в районной поликлинике, учителей в средней школе, зоотехников в колхозе «Северная искра», воспитателей в интернате, специалистов по пушнине в заготконторе, метеорологов на метеостанции, работников печати в редакции районной газеты «Чунский колхозник»... Ежегодно сюда приезжает молодежь, окончившая учебные заведения. Многим из них понравилась своеобразная сибирская природа и этот далекий таежный поселок.

Вот что такое Ванавара сегодня.

Через два дня метеоритная экспедиция в полном составе собралась в Ванаваре. Только теперь я по-настоящему познакомился со всеми ее участниками.

Руководил экспедицией кандидат геолого-минералогических наук К. П. Флоренский, бывалый путешественник и ученый. Его заместителем был опытный геолог, посвятивший много лет своей жизни исследованиям Колымы, крепкий старик, маститый таежный следопыт, лауреат Государственной премии Борис Иванович Вронский. Он давно уже на пенсии, но, как только наступает лето, ему не сидится в городской духоте, его неудержимо тянет в тайгу, к походной и палаточной жизни.

В экспедиции принимал участие доктор химических наук Петр Николаевич Палей, пожилой человек, страстный охотник и любитель таежных походов.

Эти трое опытных путешественников вместе с К. Д. Янковским составляли, так сказать, основной костяк экспедиции. Остальные ее участники — молодые специалисты; среди них были астроном, минералог, химик, физик...

Особое внимание привлекал к себе Кирилл Павлович Флоренский со своей черной окладистой бородой, закрывающей половину груди, с умными глазами под очками.

В один из вечеров в присутствии всех ведущих участников экспедиции Кирилл Павлович спросил меня:

— Вы бывали в тайге?

— По правде говоря, могу похвалиться только единственным походом на север Урала, к истоку Печоры.

— Ну что ж, это неплохо. Но здесь будет потруднее.

— Тунгусский комар самый лютей, — сказал Борис Иванович, потирая свою лысую голову.

Меня рассмешил этот жест. «Ох и достанется же этой лысине от комаров!» — невольно подумал я.

— Да и болот в здешней тайге порядочно, — добавил Янковский.

— А стрелять дичь и удить рыбу вы умеете? — спросил меня Палей.

— У меня с собой двустволка и спиннинг, — ответил я.

Как профессор, довольный ответом студента на экзамене, Петр Николаевич одобрительно кивнул головой.

Было ясно, что обо мне беспокоятся. Опытные путешественники, они имели на это право, так как не знали, достаточно ли я вынослив в суровых таежных условиях.

Пришлось заявить моим спутникам, что я вполне готов для трудной экспедиции.

— Пожалуй, самое главное — это когда чувствуешь себя готовым к любому походу, — сказал Флоренский.

Потребовалось несколько дней для того, чтобы собрать все необходимое снаряжение и арендовать оленей в колхозе. Обычно это самый трудный и малоприятный этап путешествия — сборы в поход. Идет кропотливая закупка продуктов, упаковка вьюков, всевозможные расчеты и заключения договоров. Нужно все предусмотреть, ничего не забыть. Работы в эти дни хватает всем.

Но постепенно сборы подходят к концу. Уже известно, кто из эвенков будут нашими проводниками. Это Афанасий Доонов и Андрей Дженкоуль. Они поведут нашу экспедицию к тем местам, где в 1908 году над тайгой произошла космическая катастрофа.

Афанасий Доонов, добродушный толстяк с круглым лицом, располагал к себе с первого взгляда. Андрей Дженкоуль был низенький и худощавый, с постоянной хитрецей в глазах. Он смотрел на нас, особенно на молодых участников экспедиции, с некоторым превосходством. Впоследствии я понял его: он считал нас совершенно не приспособленными к условиям суровой тунгусской тайги, которую сам знал превосходно.

Проводники собирались в тайгу со своими женами — опытными оленеводами Татьяной Дженкоуль и Ниной Дооновой. Между прочим, мать Нины — та самая известная эвенка Акулина, которая в момент

взрыва Тунгусского метеорита жила в тайге в непосредственной близости от места его падения.

Андрей Дженкоуль был сыном эвенка-проводника, который водил Кулика в тайгу. Во времена экспедиции Кулика Андрей был маленьким мальчиком, с отцом и матерью он жил в чуме и вместе с ними участвовал в таежных походах. Он хорошо помнил неутомимого исследователя метеоритов.

— Хороший был человек Кулик, — сказал мне Андрей.

Много лет прошло с того времени. Андрей был участником Великой Отечественной войны. Немало врагов скосила его снайперская пуля. Стал офицером, грамотным человеком. Но родная тайга неудержимо тянула к себе. Без нее он не мог жить. После войны Андрей ушел из армии и стал оленеводом и охотником.

В каждом человеке живет необъяснимая сила, которая настойчиво влечет его в родные места.

Ушли в далекое прошлое те времена, когда эвенки назывались кочевым народом. Теперь у них свой национальный округ, своя интеллигенция. Теперь они живут в домах. Уже не встретишь в тайге кочующих тунгусов, как называли до революции эвенков. Уже давно они перешли на оседлую жизнь, работают в колхозах, на зверофермах, в школах, интернатах, больницах, библиотеках, банках и многих других учреждениях. В этом уже нет ничего удивительного.

Родители наших проводников были кочевниками. А теперь у Афанасия Доонова большая изба с огородом. У Андрея Дженкоуля тоже дом. Но в глаза бросается удивительная эвенкийская деталь: во дворе у того и другого эвенка стоит чум.

Будучи с Андреем в дружбе с первых же дней, я спросил его:

— Андрей, ты же культурный, эвенк! Живешь в доме. Зачем тебе чум?

— Э, сон алан, ты ничего не понимаешь!

И здесь я выслушал длинную речь в защиту чума.

От наследия дедов отказываться не надо. Чум в летнее время имеет свои преимущества. Это прежде всего передвижной, быстро собираемый таежный дом. Он надежно оберегает людей от дождя и гнуса. Летом, когда большинство эвенков в качестве оленеводов, охотников и проводников проводят время в тайге, они живут в чумах.

Чум, стоящий во дворе дома, — это летняя «резиденция». В нем чище воздух, чем в избе, из него можно легче, чем из избы, выгнать дымокуром комаров. Потом кто же готовит пищу летом в избе! На костре, разведенном среди двора, можно быстрее все приготовить. А впрочем, иметь дом и чум одновременно не так уж плохо!

Я подумал, что совсем избавляться от чума эвенкам не обязательно...

К МЕСТАМ МЕТЕОРИТНОЙ КАТАСТРОФЫ

*...Все повалено и сожжено, а вокруг
многоверстной каймой на эту мертвую площадь
надвинулась молодая, двадцатилетняя поросль,
бурно пробивающаяся к солнцу и жизни... И жутко
становится, когда видишь десяти-,
двадцативершковых великанов, переломленных
пополам, как тростник...*

Л. А. Кулик

По Верхней Лакуре и Чамбе

Наконец наступил день выезда. Все снаряжение было доставлено на берег реки. Первую часть маршрута мы должны совершить по воде.

Мы погрузили все снаряжение на большую лодку и поплыли вниз по Подкаменной Тунгуске к устью Верхней Лакуры. Там в оленьем стаде Доонов и Дженкоуль должны взять оленей, предназначенных для нашей экспедиции.

Наступала яркая пора сибирского лета. Берега Подкаменной Тунгуски покрывались коврами цветов. Береговые поляны были разукрашены крупными розовыми пионами, ярко-оранжевыми жарками-купальницами, фиолетовыми аконитами. Цвела красная даурская лилия-сарана. Нигде, кроме Сибири, я не видел такого буйного цветения!

К вечеру мы доплыли до Верхней Лакуры. При впадении таежной речки в Подкаменную Тунгуску был устроен наш первый лагерь. Эвенки, забрав олени седла, отправились пешком в колхозное стадо.

Верхняя Лакура — правый приток Подкаменной Тунгуски — маленькая таежная река, каких сотни в этом крае. В верховьях ее несколько крупных озер, где много рыбы, а берега сплошь заросли

любимым кормом оленей — «оленьим мхом», или ягелем. Это и привлекает сюда колхозных оленеводов.

Рано утром нас разбудил топот у палаток. Из леса стремительно выскочило стадо оленей. Животные обступили наш костер, видимо спасаясь от комаров.

Толстые, налитые кровью молодые рога оленей служат для комаров лакомой приманкой. Чтобы как-то отогнать гнус от животных, эвенки разводят вокруг отдыхающего стада костры-дымокуры.

Вскоре вокруг нашего костра задымилось еще несколько дымокуров.

Сборы в дальнейший путь были долгими. Нужно было разделить все грузы на равные по весу вьюки. На оленя полагается грузить не более двадцати четырех килограммов — два вьюка по двенадцать килограммов.

Когда все животные были навьючены, Андрей Дженкоуль подошел к Флоренскому:

— Кириль Палич, пойдем?

Олений караван углубился в тайгу. За ним гуськом следовали участники экспедиции. Тайга сразу дала знать о себе: комары с остервенением набросились на нас, жалили руки, лезли под сетку накомарника. Над нашими головами слышался гнусавый комариный вой.

Густая тайга чередовалась с редколесьем и болотистыми местами. Петляла среди леса Верхняя Лакура. Переходя речку, я неуклюже оступился и вместе с фотоаппаратом свалился в воду. Караван остановился. Эвенки хохотали. Но мне было не до смеха: я был мокрый по самое горло, из фотоаппарата сочилась вода. И угораздило же меня так осрамиться перед всеми!

Кирилл Павлович помог мне стащить сапоги и, улыбаясь, сказал:

— Ну вот вы и получили крещение. Поздравляю.

Наш караван все дальше углублялся в тайгу. Но вот в воздухе запахло дымом. Вскоре между деревьями показались костры. Мы подошли к месту, где паслось колхозное оленьё стадо. Проводники развьючили оленей и расположились на отдых.

Первый этап пути, как это всегда бывает, был коротким. На первых километрах проверяют, правильно ли распределены грузы на оленях, не забыто ли что путешественниками, — да мало ли какие неполадки могут быть обнаружены в пути! Их можно исправить на первом привале.

Андрей Дженкоуль поманил меня пальцем:

— Посмотри!

Он подвел меня к одному из деревьев, среди которых лежали отдыхающие олени. В первое мгновение я испуганно отшатнулся от ствола: кора дерева шевелилась! Вглядевшись, я разобрался, в чем дело: ствол лиственницы снизу доверху был покрыт кроваво-красной массой насосавшихся крови комаров. Раздутые туловища насекомых готовы были лопнуть. Комары уже не могли летать. Было омерзительно видеть эту живую шевелящуюся корку из красных крохотных пузырей!

Это ужасное зрелище я даже не стал снимать на киноплёнку (о чем теперь сожалею).

...Едва заметными тропами, а подчас совсем по бездорожью среди сырой болотистой тайги вели нас эвенки. Идти было нелегко. Олени хорошо идут по сырым местам: их копыта устроены так, что не вязнут. Зато мы там, где копыта животных только слегка продавливали мох, проваливались по колено.

Но вот пройдена болотистая впадина. Мы поднимаемся на возвышенность, длинным гребнем тянущуюся над тайгой. По гребню проложена оленья тропа. Несколько километров по роскошному сосновому бору — и сквозь деревья блеснула речка Чамба. Эвенки спустились к берегу и развьючили оленей. Это означало — сооружай лагерь!

В течение дня мы прошли междуречье Верхней Лакуры и Чамбы.

Чамба — небольшая таежная река, правый приток Подкаменной Тунгуски. Она течет в узком русле среди живописных берегов; здесь к самой воде спускаются зеленые поляны, усыпанные пионами и лилиями. Над водой свисают деревья-великаны. Иные уже давно упали в реку, но не сдаются, держатся корнями за берег, и их зеленые ветви торчат из воды. Рощи стройных лиственниц тянутся вдоль берегов реки.

Угрюма тайга на Чамбе, но есть в этой угрюмости что-то необъяснимо прекрасное.

На зеленом, усыпанном цветами берегу реки мы заночевали. Комар лютовал. Высокие языки пламени костра сотнями жгли надоедливых насекомых. Обожженные, они падали в ведро с кашей. Извлекать их оттуда было бесполезно: вместо вынутых падали десятки других.

Егор Иванович Малинкин, дежурный повар, помешивал в ведре и приговаривал:

— Сегодня ужин с комариным мясом!

На ночь мы устраиваемся с Малинкиным в одной палатке. Чтобы выгнать из нее комаров, разводим перед входом маленький дымокур и долго воюем с каждым насекомым. Егор Иванович чертыхается:

— Вот зараза! Не выгонишь — не даст уснуть. Муха по сравнению с комаром — насекомое куда ласковее!

— А может быть, мошка тебя больше устроит?

— Не-ет! Комар мошки слаще!

К избушке на Хушме

На другой день по берегу Чамбы мы дошли до небольшого порога на реке. Отсюда начинается тропа Кулика, ведущая в сторону реки Хушмы. Когда-то в этом месте на берегу стояла избушка.

Через некоторое время тропа уперлась в болото и исчезла в нем. Проводники сели верхом на оленей. Нам приходится идти почти по колену в воде, прыгать с кочки на кочку. Двое, потеряв равновесие, свалились в воду.

На этот раз я торжествую: в воду упали те, которые усерднее всех смеялись, когда я искупался в Верхней Лакуре. Проходя мимо них, я шепчу:

— Поздравляю с крещением!

Малинкин шутя замахивается на меня сапогом, из которого только что вылил воду.

На сухом месте Флоренский остановил всех и торжественно сказал:

— Поздравляю вас, товарищи, со вступлением на тропу Кулика!

Собственно, никаких следов тропы не видно — сплошное болото да чахлая тайга. Лишь на бурой торфяной жиже виднеются следы только что прошедшего оленьего каравана.

— Тридцать лет назад здесь действительно была тропа, — сказал Флоренский.

Через несколько часов мы вышли к глухой таежной речке Макикте, протекающей среди бесконечных болот, и направились вдоль

ее русла. Приходится то и дело выливать из сапог воду и выжимать портянки. Начинает моросить дождь. Вода сверху и снизу!

Под ногами часто ощущается зыбун. Чтобы не пробить ногой шевелящуюся поверхность, мы, опираясь на палки, очень медленно переступаем с одного места на другое.

Метеоритная экспедиция пробирается сквозь тайгу

Идем следом за оленями, собирая на себя всю влагу с мокрых кустов. Одежда промокает насквозь. Комары назойливо лезут в уши, за ворот, больно кусают руки, лицо.

Наконец мы останавливаемся на чаевку. У костра оживаешь. Как только разгорается чудодейственный огонек, забываешь все таежные невзгоды. Магической силой обладает костер в тайге, ну а кружка крепкого чая буквально воскрешает человека!

Идя по тайге, я присматривался к участникам экспедиции. В Ванаваре произошло лишь официальное знакомство, а в походе я смог лучше узнать людей.

Две девушки, Оля и Тамара, старались всегда быть впереди. Правда, кавалеры находились сразу же, как только наши спутницы оказывались в затруднительном положении.

Самым старшим участником экспедиции был Петр Николаевич Палей. Но и он бодро отшагивал по болотам и не отставал от молодых.

Особенно восхищал меня начальник экспедиции Флоренский. Скромный и на первый взгляд неловкий человек, в тайге он оказался настоящим следопытом. Было удивительно, что коренной горожанин так свободно ориентируется в суровых таежных условиях. Он идет прямо через бурелом и сопки, бесстрашно пробирается через болота и топи. Ружье, спиннинг, компас и карта — вот его постоянные спутники. Неутомимый человек, истинный исследователь!

К вечеру мы достигаем верховьев Макикты. Перейдя ее, идем по болотистой впадине между сопками. На больших пространствах перед нами стоит сухой лес. На склонах некоторых сопки деревья сплошь повалены, причем стволы их направлены в одну сторону, словно здесь прошел гигантской силы ураган.

Кирилл Павлович остановил нас и показал вдаль:

— Обратите внимание: мы приближаемся к местам, которые подверглись действию взрывной волны метеорита. Цепь этих сопки Кулик назвал «Ожерелье Макикты».

В верховьях Макикты Кирилл Павлович вместе с небольшой группой остался на берегу для взятия проб грунта. Вместе с ними остался и я. Остальные с оленями ушли вперед. Мы развели костер, стараясь чаще подбрасывать в него сырой мох. Из костра валил густой белый дым, спасавший нас от наседавших комаров.

Когда были взяты пробы грунта, все уселись у костра. Зоткин с Кучаем старательно делали надписи на маленьких мешочках с землей — где и когда взята проба. Тамара складывала их в рюкзаки. Флоренский, развернув карту, помечал крестиками места, где еще нужно собирать пробы.

Вечернее таежное безмолвие окружало нас. Последние лучи солнца слабо пробивались сквозь стену темного леса. По берегам речки, разметав свои сучковатые ветви, стояли высокие старые лиственницы. Кое-где виднелись кедры, увенчанные густой хвойной шапкой. Чуть поодаль среди тайги возвышались небольшие бугры-сопки.

Над нами, вызвав всеобщее удивление, с шумом пролетел глухарь и скрылся в темной чаще леса. На речке были слышны всплески хариусов.

— Таежная глухомань... — задумчиво произнес Флоренский.

— И надо же было метеориту упасть именно сюда, в эти необитаемые леса, — сказал Игорь Зоткин.

— Кирилл Павлович, расскажите, пожалуйста, что произошло здесь в 1908 году, — попросил я.

Флоренский поправил очки, подумал. Я приготовился слушать.

— Вот что случилось много лет назад в этой сибирской глуши, — начал Кирилл Павлович. — 30 июня 1908 года над тунгусской тайгой произошла грандиозная космическая катастрофа. По небу пронесся огромный огненный шар. Раздались оглушительные взрывы. Воздушная волна сотрясла воздух на многие сотни километров. Говорят, что в далеких от Ванавары селениях в домах были выбиты стекла, от взрывной волны даже падали на улицах люди. На расстоянии более чем в тысячу километров был слышен взрыв и виден полет ослепительного тела. Такого события в истории Сибири еще не бывало.

Много толков, предположений и гипотез создавалось вокруг этого исключительного явления. Некоторые ученые, в том числе и Кулик, утверждали, что это был метеорит. Но поисками его никто тогда не занялся. Только после Октябрьской революции ученые получили возможность основательно взяться за изучение тунгусской катастрофы.

В 1924 году геолог С. В. Обручев путешествовал по Подкаменной Тунгуске. В Ванаваре он задержался, чтобы расспросить местных жителей о метеорите. Эвенки отвечали очень неохотно, уверяя, что в места падения метеорита ходить опасно, что там повален и сожжен весь лес. Ученому казалось, что они даже скрывают место падения, потому что считают его священным.

Но из расспросов Обручеву все-таки удалось выяснить, что область поваленного леса находится в верховьях знакомых уже вам, — Кирилл Павлович показал рукой на реку, — Макикты, Хушмы и Кимчу. По некоторым скудным данным Обручев составил карту этих мест.

Во время экспедиций Кулика много писали о Тунгусском метеорите. Но сам метеорит обнаружен не был: он таинственно исчез... В последние годы ученые высказывают предположение, что это было ледяное ядро небольшой кометы, которое взорвалось высоко над землей. Появилась даже фантастическая гипотеза, предполагающая, что над тунгусской тайгой потерпел аварию космический корабль, прилетевший к нам из других миров...

Не будем гадать, какая из этих гипотез ближе к истине. Будем верить, что это был все-таки метеорит и он должен был оставить после себя следы в земле в виде больших кусков или мельчайших распыленных частиц. Цель нашей экспедиции — собрать как можно больше проб грунта по всему району и обнаружить эти частицы.

Мы с вами достигли верховьев Макикты. Теперь направимся на берега Хушмы, затем посетим Кимчу и везде будем брать пробы.

— Вдруг обнаружим осколок метеорита! — сказал, улыбаясь, Зоткин.

— Что ж, это будет большой удачей!

После рассказа Флоренского прибрежная тайга стала казаться мне еще более таинственной...

Только с наступлением сумерек мы отправились следом за караваном, который, вероятно, был уже далеко от нас. Впереди шел Флоренский. Он внимательно высматривал оленьи следы, едва видные в сумерках. Мы послушно следовали за ним.

В пути я ловил себя на том, что обращаю внимание на каждое углубление в земле, на любую ямку: а вдруг на дне ее лежит осколок метеорита!

Через час мы приблизились к месту, где дымились костры.

Когда мы были метрах в двухстах от лагеря, раздались раскатистые звуки выстрелов из карабина. У костров мы увидели мирную картину: жены проводников хлопотали у чума по хозяйству, Афанасий таскал мох для дымокуров. Не было только Андрея.

— Афанасий, вы стреляли? — спросил Флоренский.

— Андрей стрелял. Медведь ходит, однако, — спокойно ответил эвенк.

Вскоре к лагерю подошел Андрей. Все с любопытством направились к нему. Шутка ли — медведь!

— Медведь бродил тут, — равнодушно сказал Дженкоуль, — я выстрелил по нему, промазал. Собаки удрали за ним.

Вечером мы долго сидели у костров, шутили по поводу медведя. И заснуть не могли долго: многим казалось, что медведь в эту ночь непременно должен нанести визит в наш лагерь...

На склоне хребта Вернадского мы были вынуждены провести лишний день, потому что не могли собрать всех оленей.

Ох и трудная же это работа — собирать стадо после ночевки! Олень далеко не такое послушное животное, как конь. Когда стадо на стоянке распускается, на шею некоторым оленям привязывают деревянный брусоч на длинной веревке — чемгай, как называют его эвенки, — для того чтобы животные не могли далеко уйти.

В поисках ягеля все стадо разбредается по тайге. Только изредка, чтобы отдохнуть от гнуса, олени приходят к кострам-дымокурам. Чтобы собрать оленей, эвенки каждый раз вынуждены совершать длительные вылазки в тайгу. На поиски уходит много времени: приходится ведь разыскивать поодиночке каждого оленя!

Но вот стадо согнали к кострам. Теперь на каждое животное надо надеть узду. Это не так просто. Оленеводам надо изрядно потрудиться, применив при этом и ловкость и хитрость. Соль — вот что пленяет животных. Они готовы в любую секунду шарахнуться от хозяина в сторону, но соблазнительная горсть соли на протянутой руке покоряет их — и вот узда уже надета на голову.

Наконец все олени переловлены и навьючены. Мы отправляемся дальше.

На склоне этого хребта нам пришлось наблюдать очень интересное явление. Здесь росло много странно изогнутых деревьев.

Силой взрыва, видимо, пригнуло к земле поросль, молодые деревца продолжали расти лежа и постепенно тянулись своими вершинами в небо. Их стволы изогнулись дугой. Любопытно, что дуги всех стволов ориентированы строго в одном направлении. Местами нам встречались лежащие на земле стволы лиственниц со слегка приподнятыми вершинами; из стволов вертикально росли толстые деревья. Вероятно, пятьдесят лет назад эти деревья были только ветвями молодых лиственниц, поваленных взрывной волной, образовавшейся при падении метеорита. Некоторые из поваленных деревьев не погибли и продолжали расти в горизонтальном положении, а их ветви со временем превратились в стволы самостоятельных деревьев.

К концу пятого дня пути мы вышли к долгожданной Хушме. Лил дождь, но глухая таежная речка была хороша и в пасмурный день.

Мы перешли вброд речку. Через несколько сотен метров на берегу у подножия невысокого холма, под сенью мощных лиственниц, показалась избушка. Рядом стояла низенькая баня. В стороне, среди леса, возвышался на двух столбах лабаз.

Хушма здесь течет среди живописных берегов, заросших высоким лесом. С бугра, под которым приютилась избушка, открывается замечательный вид на излучину реки. Под бугром в Хушму впадает ручей Чургим.

Это место нравилось Кулику; здесь во время двух его первых экспедиций была создана база, которую называли Пристань на Хушме. Были построены дом, баня и лабаз.

(Лабазом в сибирской тайге называют маленькое строение в виде амбарчика, предназначенное для хранения продовольствия, шкур и разного охотничьего снаряжения. Он сооружается на четырех столбах, а чаще на двух высоко спиленных стволах деревьев, чтобы медведи, россомахи и другие звери не могли проникнуть к хранящимся в нем продуктам.)

Теперь этот маленький хуторок — наш главный штаб. Отсюда экспедиция должна совершить несколько радиальных маршрутов.

Эвенки загнали оленей на бугор над избушкой и стали устраивать чум.

— Сон алан, — крикнул мне Андрей, — иди смотри, как строится тунгусский дом!

Афанасий и Андрей вооружились острыми «пальмами». Эвенкийская пальма — это длинный, тяжелый нож, насаженный на метровую деревянную палку. Она заменяет топор, когда караван идет через непролазную чащу, помогает расчищать дорогу. Она полезна и при устройстве чума, когда нужно нарубить тонких жердочек для каркаса.

Я с восхищением следил, как эвенки орудовали своими пальмами. Они нарубили десятка два молодых лиственниц, аккуратно обтесали их. Три из них, потолще, перевязали вверху и эту треногу поставили на то место, где будет чум.

— Вот это и есть «сон алан», то есть, по-вашему, треножка, — сказал Андрей.

— А меня-то ты почему называешь «сон алан»?

— Да ты все время бегаешь с треножкой. Вот ты и есть сон алан.

А я-то вначале не решался спросить Андрея о значении этого слова, думая, что это просто ласковое обращение вроде «дорогой». Мы оба от души рассмеялись.

Вскоре вокруг треножки было наставлено много жердей, и каркас чума был готов. Оставалось только обтянуть его брезентом, шкурами и обложить древесной корой.

Наконец внутри чума задымил маленький костер-дымокур, который выгнал всех комаров. Жены эвенков стали готовить пищу. На экспедиционном костре внизу под бугром тоже готовился ужин. Я поспешил возвратиться к своим товарищам, несмотря на уговоры Андрея остаться у него в гостях.

— В другой раз, Андрей!

Вернувшись в экспедиционный лагерь, я увидел, что старик Янковский ходит среди строений на берегу Хушмы; каждый предмет давал ему тему для рассказа. На чердаке избы он обнаружил оставленные Куликом пробы пород и различные предметы.

— Как будто вчера я здесь был: все лежит на своем месте! — с удивлением и легкой грустью говорил Янковский.

Мы молча смотрели на него и не задавали вопросов: всем были понятны чувства человека, попавшего в знакомые места через много-много лет... Потом все потихоньку разошлись: пусть старик побудет наедине со своими воспоминаниями!

На другой день участники экспедиции принялись за дело. В их распоряжении были миниатюрные устройства — бутары, напоминающие маленькие драги для промывки золота. В бутаре установлены сильные магниты, улавливающие при промывке почвы частицы магнетита, которым особенно богата земля тунгусской тайги.

Бронский и Зоткин ежедневно занимались кропотливой работой. В разных местах тайги они брали грунт и промывали его бутарой, собирали и высушивали порошок магнетита, тщательно сортировали и записывали, в каких местах взята проба.

Затем высушенный порошок поступал в распоряжение Петра Николаевича Палея. Он раскладывал на земле свою походную химическую лабораторию и начинал священнодействовать. Метеоритное вещество, как известно, содержит никель. Присутствие этого металла и должен был определить Петр Николаевич.

Ученые предполагают, что при взрыве Тунгусский метеорит мог разорваться на мельчайшие частицы. Они осели в грунт, и теперь их можно выявить только химическим путем. Если метеорит был металлическим, обнаружить продукты его распада не составляет большого труда. Повышенный процент содержания никеля в частицах — один из признаков их метеоритной природы.

Палей долго и упорно возился с реактивами. Наконец, утомленный, он оторвался от приборов и разочарованно сказал:

— Нет никеля!

Итак, в пробах у избушки на Хушме этот металл не обнаружен. Ну что ж, впереди еще много маршрутов по тунгусской тайге, и надежда не покидала исследователей.

На заимку Кулика

В 1929 году от Пристани на Хушме вдоль ручья Чургим в сторону Великой Котловины в лесу была прорублена тропа протяженностью восемь километров. Там среди болот, у подножия горы Стойковича, была построена последняя база — заимка Кулика.

Закончив работы на Хушме, наша экспедиция направилась к заимке. Мы идем по тропе мимо живописного водопада Чургим. Бурный ручей вытекает со стороны болотистой котловины. Пересекая

невысокую цепь возвышенностей и образуя ущелье, он почти отвесной струей падает с двадцатиметровой высоты.

Водопад Чургим — одно из самых красивых мест по тропе Кулика. Шумные потоки, бегущие между камнями, спускаются, как по ступенькам, к ущелью, где брызжет прозрачная струя водопада. Струя падает в глубокий бассейн, в котором снуют маленькие ручьевые рыбки — гольяны. Тропа проходит вблизи Чургима и, поднявшись на гору, тянется вдоль каскадов.

Олений караван направляется по тропе. Вронский и Янковский вместе с некоторыми из молодых участников экспедиции избирают путь возле самой струи водопада. Цепляясь руками за камни, они поднимаются по ущелью к каскадам и от них выходят на тропу. Тропа заросла, слабо угадывается давняя просека. Поваленные стволы преграждают путь.

Дальше тропа выходит к болотам, окруженным цепочкой сопок. Мы приближаемся к знаменитой впадине, над которой произошел взрыв метеорита.

Ощущается легкое волнение перед этими известными всему миру мрачными и совершенно необжитыми местами, затерянными в глухомани тунгусской тайги.

Мы идем храня молчание. Очевидно, каждый из нас как-то посвоему переживает приближение к местам, ставшим уже почти легендарными.

Тропа подводит нас к горе Стойковича. Большим лесистым куполом она выделяется среди огромной болотистой впадины. В густом лесу у подножия горы неожиданно показываются домики. Рядом с ними на покосившихся столбах — лабаз. Это заимка Кулика, основная база куликовских экспедиций.

Константин Дмитриевич обходит домики. Как заросло лесом их старое становище! Молодые деревца, окружавшие когда-то заимку, превратились во взрослые деревья. Он подходит к избе, в которой хранилось буровое оборудование, заглядывает внутрь. Там все лежит на своем месте, как в 1929 году.

— Это мое хозяйство. Тридцать лет пролежало... — с грустью говорит Янковский.

Главная изба, в которой жил Кулик, заросла березняком. Чтобы попасть внутрь дома, перед самой его дверью потребовалось вырубать

настоящую березовую рощу. Долго стучали топоры по стволам, пока открылся доступ к двери.

Внутри был беспорядок. Валялись груды журналов и газет с датой «1929 год», пустые спичечные коробки, склянки, пробирки, колбы и пачки фотопластинок с этикеткой «Ред Стар».

Казалось, что изба покинута всего несколько лет назад. Я вспомнил: мне было лет восемь, когда я впервые услышал о Кулике. В моем детском воображении он был настоящим героем. И вот прошло тридцать лет, я стою в избе, в которой он жил, трогаю вещи, которых касались его руки...

Зимой 1927 года Академия наук СССР направила в тунгусскую тайгу экспедицию во главе с Леонидом Алексеевичем Куликом — известным исследователем метеоритов. В мае, когда в таежном лесу местами еще лежит снег, отважный ученый добрался до места предполагаемого падения метеорита — Великой Котловины. Он увидел поразительную картину: вся тайга какой-то неведомой силой была повалена в строго определенном направлении.

Кулик обошел всю Великую Котловину и установил радиальный характер вывала леса. Двигаясь к западу от котловины, он видел, что деревья лежат вершинами на запад; к востоку же от нее бурелом своими вершинами был направлен в восточную сторону.

«Огромным кругом обошел всю котловину я горами к югу, и бурелом как замороженный вершинами склонился тоже к югу... Сомнений не было: я центр падения обошел вокруг!» — писал Л. А. Кулик.

Во время своих последующих экспедиций (1928, 1929—1930, 1937—1938 и 1939 годов) Кулик все внимание сосредоточил на поисках глыб метеорита; однако их не оказалось в воронках.

Великая Отечественная война прервала работу Кулика. Он ушел добровольцем в народное ополчение и погиб 12 апреля 1942 года.

Прошло много лет. Наша метеоритная экспедиция под руководством К. П. Флоренского, который уже осматривал район падения в 1953 году, должна была продолжить прерванное войной изучение Тунгусского метеорита. Что сулит она? Исчезнет ли таинственность, которой овеяна история этого метеорита? Каждый из участников экспедиции хранил в душе надежду. А мне как

кинооператору хотелось непременно заснять момент, когда будет обнаружен первый осколок небесного тела.

Оленевод Нина Доонова

Мы поселились в избах заимки. Первый день был целиком посвящен уборке. Выметали мусор из домов, сооружали топчаны, столы и скамейки. Усердно трудились все члены экспедиции.

Гора Стойковича, возле которой разместилась заимка Кулика, стоит в центре впадины, среди болот, разделяя их на Северное и Южное. У самого подножия горы в Северном болоте находится так называемая Сусловская воронка — болотце довольно правильной круглой формы диаметром около тридцати метров. Кулик занимался его осушением, предполагая, что воронка образовалась в результате падения крупного осколка метеорита. Была прорыта траншея, чтобы вода стекала из воронки в соседнее сухое понижение. Спустив воду и очистив дно от мха, в центре воронки обнаружили... пенёк, корни которого глубоко уходили в ил. Эта неожиданная находка опровергала метеоритное происхождение Сусловской воронки. Но Кулик был непреклонно убежден, что осколок метеорита все-таки лежит на дне этого болотца.

У края воронки была построена буровая изба.

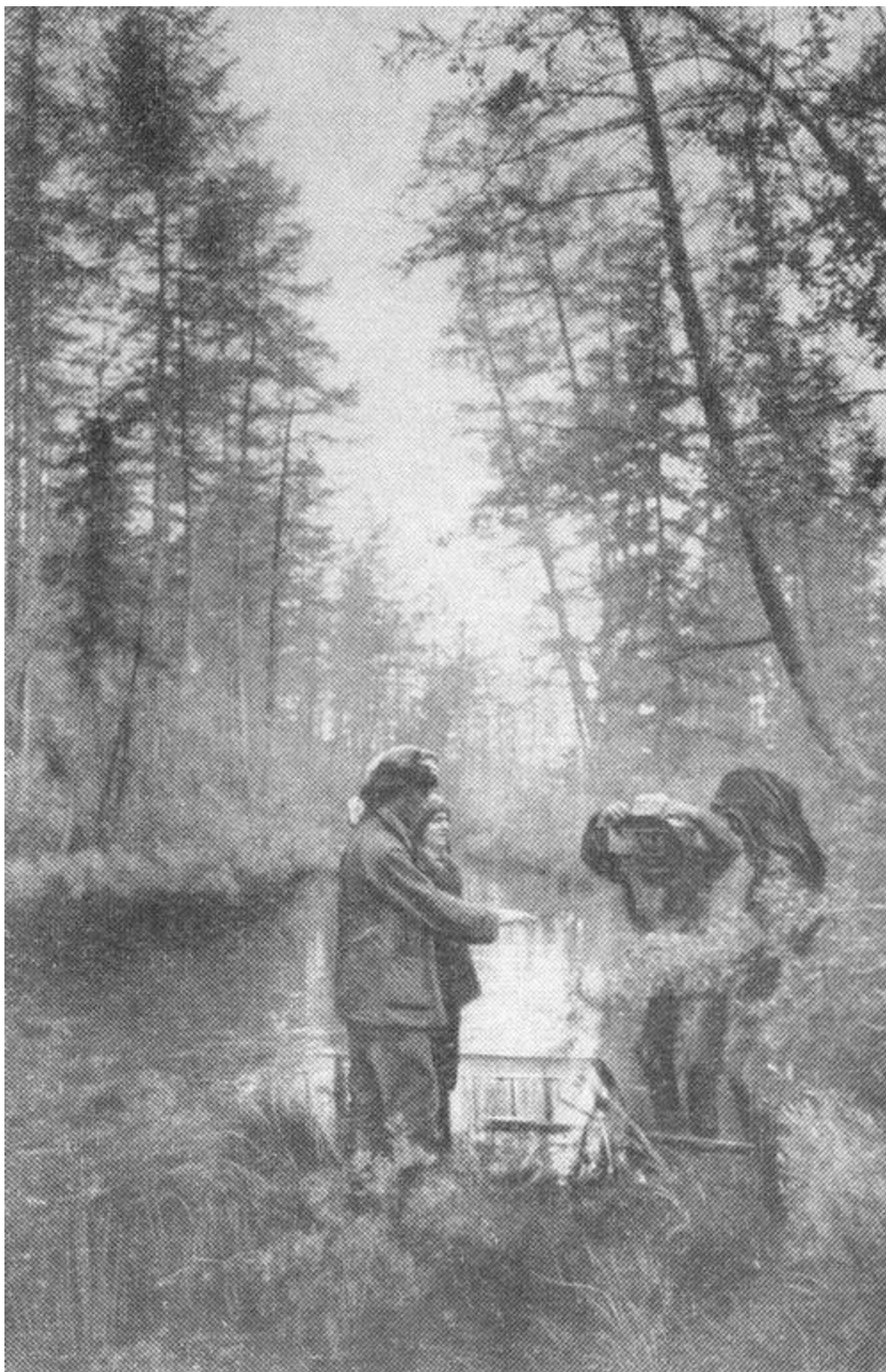
Кстати говоря, во многих других местах тайги, например между Кежмой и Ванаварой, можно наблюдать с самолета совершенно круглые озера и болота. Сверху их вполне можно принять за метеоритные кратеры.

Кулик искал метеоритные кратеры и в Южном болоте. На одном из участков болота его внимание привлекла такая же округлая яма, как Сусловская, ее он тоже принял за метеоритную воронку и назвал Клюквенной.

Наша экспедиция брала пробы грунта как в Сусловской, так и в Клюквенной воронке. Но и в этих пробах никель обнаружен не был.

Южное болото самое большое в котловине. Оно тянется километров на пять с востока на запад, огибая центральную группу возвышенностей во главе с горой Стойковича.

Все окружающие котловину сопки Кулик назвал именами русских и зарубежных астрономов и исследователей метеоритов: Мухина, Севергина, Кларка, Вюльфинга и многих других.

У костра можно наконец снять надоевшие накомарники

К северо-востоку от Северного болота возвышается гора Фаррингтон, названная в честь американского метеоритолога. На ее вершине сооружена вышка из березовых жердей и водружен камень с надписью: «Фаррингтон. Астрорадиопункт ГГК. 1929 год». С вершины этой сопки открывается широкая панорама тайги, гор и болот. Далеко на горизонте маячит сахарная голова горы Шахрамы. В центре болот группа сопки. А справа, ниже, стоит небольшая скалистая гора Эйхвальд.

На горе Фаррингтон мы побывали с Афанасием Дооновым специально для киносъемки. Киноаппаратуру везли на двух оленях. Комары и оводы не давали им покоя, и на вершине пришлось развести дымокур. Афанасий добросовестно выполнял роль ассистента.

Мы засняли вершину горы Фаррингтон и широкую панораму болотистой котловины. Перед тем как спускаться с горы, Афанасий долго и внимательно вглядывался в подернутые сизовой дымкой дали.

- Зимой буду здесь охотиться.
- Как же ты доберешься сюда?
- Э-э, тунгус в тайге, как дома. Пару оленей, продукты, ружье — и айда!
- Один?
- А чего!
- Какие же звери тут есть?
- Соболь есть. Белку добывать можно. Шишек на лиственке нынче мно-о-го.

Зная, что эвенки большие любители мяса, я спросил:

- А без мяса зимой, наверно, туго?
- Зачем туго? Иногда сохатый попадет. А то белку едим.
- Ее можно есть?
- Мы едим. Мясо ничего, жирное. Собакам тоже еда.

Я представил себе Афанасия на охоте. Вот он пробирается по сугробам. Верные друзья охотника — собаки выискивают ему пушистых зверьков, поднимают их на дерево и облаивают. Афанасий направляется на лай, выслеживает и метким выстрелом в глаз, чтобы не попортить шкурку, добывает зверька. И так в течение дня исходит он с собаками десятки километров по зимней тайге. Где-нибудь под

лиственницей разведет костер и приготовит нехитрый ужин из беличьего мяса для себя и для своих четвероногих помощников.

Водопад Чургим

Афанасий еще раз внимательно посмотрел на тайгу и сказал:
— Так пойдем, однако.

Мы спустились по крутому склону сопки в лес. Афанасий с оленями скоро ушел вперед и скрылся среди деревьев. Идя наугад в ту же сторону, я внезапно вышел на просеку с тропой.

Это была просека, которую прорубили участники экспедиции 1929—1930 годов вместе с геодезическим отрядом.

Тропа вывела меня прямо к домикам заимки.

На озеро Чеко

После продолжительных обследований болотистой впадины экспедиция наметила два маршрута: на северо-восток от заимки Кулика, в обход района болот, и на северо-запад, к озеру Чеко на реке Кимчу.

Отряд разделился на три группы.

В первую группу вошли Вронский, Кучай и Янковский. Во второй группе, которая шла с оленьим караваном, были Флоренский, Зоткин и я: мне удобнее присоединиться к отряду с оленями, которые могут везти мою киноаппаратуру. Остальные участники экспедиции во главе с Палеем должны были вернуться к избушкам на Хушме.

Заимка Кулика

В назначенный день мы разошлись в трех направлениях. Наш караван, пройдя Северное болото, остановился на Кобаёвом острове, который расположен в стороне от Сусловской воронки. Он назван так по весеннему крику самцов белых куропаток, которые издают звук «кобай, кобай». Это действительно остров. В центре его находится небольшая каменистая сопка. Вид этих мест со времени падения метеорита сильно изменился: новая поросль поднялась над островом и скрыла следы катастрофы. О ней запоминают лишь полуистлевшие стволы деревьев, устилающие весь Кобаёвый остров. Деревья лежат параллельно друг другу, вершинами в одну сторону — наружу от центральной болотистой впадины.

За пятьдесят лет лежащие на земле стволы сгнили, превратились в труху, обросли мхом и брусникой. Над ними уже шумят стройные молодые лиственницы.

На Кобаёвом острове очень характерный вывал леса, и здесь я заснял лучшие кадры следов метеоритной катастрофы.

Комар, как нигде, поддавал нам жару. Только тщательно разведенные Андреем и Афанасием костры-дымокуры спасали нас и оленей от этого гнусного порождения природы.

Попав в клубы дыма, комары ослабляли свои яростные атаки и как будто одурманенные улетали в сторону. Андрей закладывал костры мокрым мхом и сырыми гнилушками, которые давали едкий дым. Когда мох прогорал, языки пламени лизали вьющихся над костром комаров, и они сотнями падали в огонь. Насекомые с опаленными крыльями жужжали на земле возле костра.

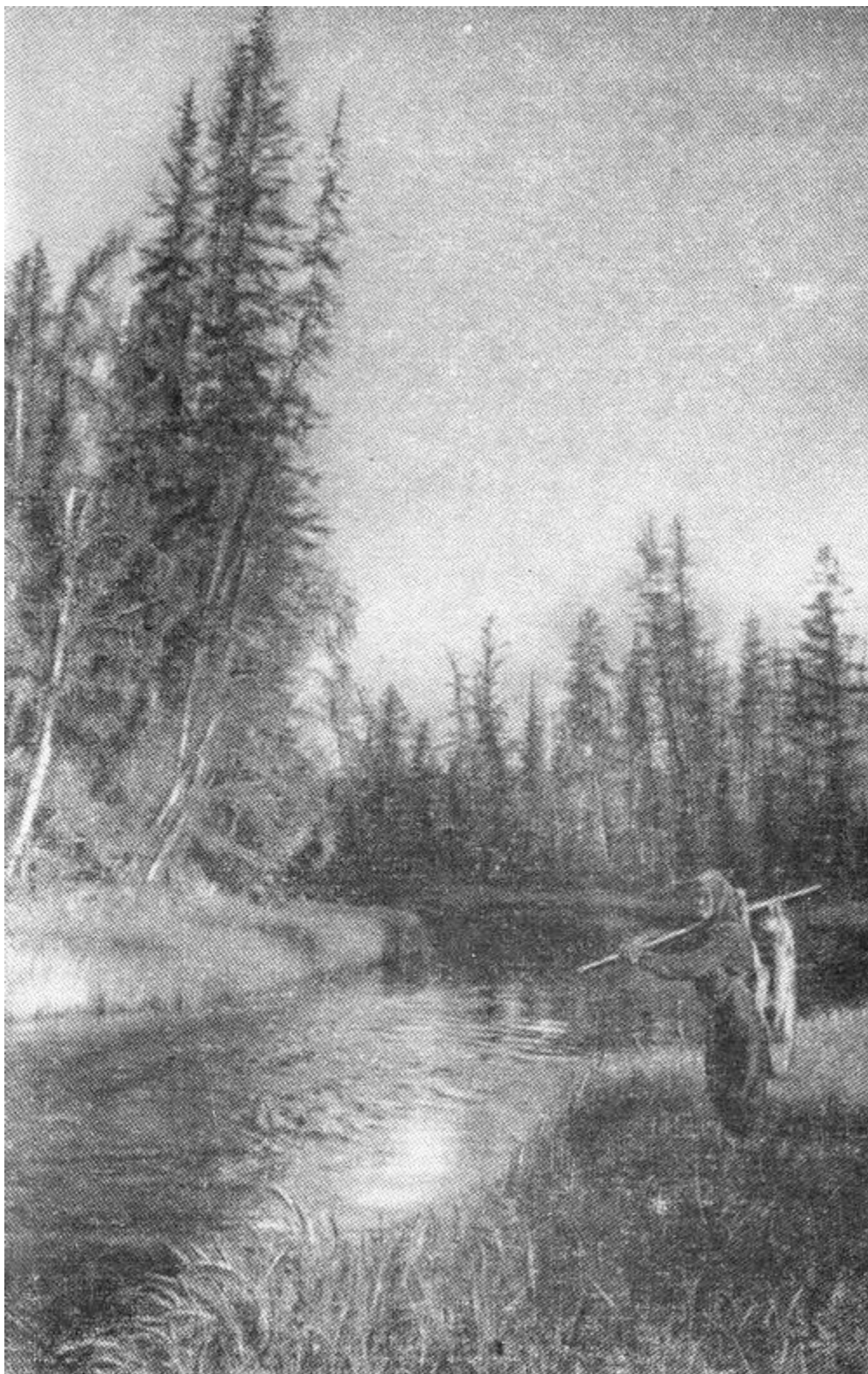
Андрей Дженкоуль, улыбаясь, спрашивал меня:

— Ну как, сон алан, нравится тебе тунгусская тайга?

С яростью давя насекомых на своих руках, я отвечал:

— Жить в тунгусской тайге можно!

Эвенк с хитрецей в глазах смотрел на меня. Сам он, казалось, был совершенно равнодушен к комариным укусам.

На берегу Маикты. Андреи Джэнкоуль с уловом

Конечно, комары никого не радуют, и тем более таежных жителей. Но что же делать — тайга, и особенно тунгусская, не бывает без комаров!

Один из убежденных горожан как-то сказал мне: «Я не люблю тайгу и вообще лес, потому что там кусают комары».

Можно ли не любить лес только за то, что в нем водятся комары?! А я Сибирь полюбил такой, какая она есть, даже с комарами!

На Кобаёвом острове Флоренский и Зоткин весь день обследовали вывал леса. На острове мы и заночевали, а на другой день направились в сторону реки Кимчу. Чтобы перебраться с острова на возвышенности, обрамляющие котловину с северо-запада, надо переходить большое болото с опасной зыбью.

Мы вышли на северную оконечность Кобаёвого острова. Здесь болотистая полоса была как будто уже. Эвенки ушли вперед. С нами осталась жена Андрея Таня с несколькими оленями. Она уселась верхом на ездового быка с огромными рогами и повела свою связку животных через болото. Ноги оленей сразу погрузились до колен в мох, залитый водой.

Мы с Флоренским и Зоткиным стали осторожно продвигаться следом за караваном. Под ногами хлюпало. Мы стояли на мягкой почве, которая при каждом шаге опускалась вниз, под воду. Достаточно было пробить эту тонкую преграду ногой, и человек мог опуститься в трясину.

Смешно растопыривая руки, мы медленно передвигались друг за другом по следам только что прошедших оленей. Таня ждала нас на берегу.

— Шибко топкое место, — сказала она спокойно, когда мы подошли к ней.

Это было сказано таким тоном, как будто Тане всего-навсего пришлось обойти упавшее дерево, загородившее тропу.

Можно только восхищаться умением таежных следопытов находить безопасную дорогу среди болот. Они пройдут сами и проведут олений караван там, где земля колыхнется под ногами и пройти, казалось бы, совершенно невозможно.

К вечеру мы вышли к глухой таежной речке Кимчу.

В верховьях Кимчу течет среди болот и топей. Близ озера Чеко путь ей преграждают подошедшие к берегам лесистые увалы. Среди

болот Кимчу глубокая и тихая, как озеро. В горах река превращается в узкий стремительный поток, даже с небольшими порогами.

Лес по берегам Кимчу в основном чахлый, угнетенный, но местами встречаются целые рощи деревьев-великанов. Корабельные исполины растут густо — между отдельными стволами едва можно протиснуться.

Упираясь в горы, Кимчу образовала большое круглое озеро. Название ему дает маленький ручей Чеко, впадающий в Кимчу двумя километрами выше озера. Берега ручья утопают в живописных березовых рощах.

Здесь мы встретились с группой, обследовавшей северо-восток Великой Котловины. Эвенки быстро соорудили чум. Мы поставили три палатки.

Когда устройство лагеря было закончено, Андрей Дженкоуль спросил меня:

— Хочешь увидеть диких лебедей? Бери свое «ружье», пойдем!

Я взял кинокамеру, и Андрей повел меня по берегу реки. Вскоре сквозь береговой березняк заблестела водная гладь тихого таежного озера. Под моими ногами хрустнул сучок.

Андрей приложил руку к губам:

— Тише, сон алан!

Мы пригнулись и, скрываясь в зелени кустов, стали продвигаться к воде.

— Смотри! — эвенк показал рукой на озеро.

Я выглянул из-за дерева. Два лебедя тихо плавали у противоположного берега. Я навел киноаппарат на птиц и заснял их. Теперь мы уже не соблюдали осторожности и вышли из укрытия. Лебеди насторожились. Через телеобъектив было видно, как птицы следили за нами.

По словам Андрея, на Чеко издавна гнездятся дикие лебеди, и всегда только одной парой. Они будто бы не переносят соседства своих сородичей и выбирают для гнездования самые глухие таежные озера, придерживаясь одного и того же лесного водоема.

Янковский подтвердил, что дикие лебеди гнездятся только по одной паре. Он вспомнил 1930 год. Тогда на Чеко тоже жила пара птиц, которую он сумел так приручить, что они при его появлении не улетали с озера.

На другой день Флоренский, Вронский и я вместе с Андреем Дженкоулем отправились в поход от озера Чеко вниз по Кимчу. Нужно было выяснить, есть ли вывал леса вдоль реки. Мы шли через чахлую тайгу. Крутые холмы, покрытые лиственничным лесом, обступали Кимчу со всех сторон. Места глухие — здесь приволье таежному зверю. На влажном мху видны медвежьи следы.

Всю дорогу наши исследователи тщетно выискивали остатки метеоритной катастрофы. Но странное дело: оказалось, что район озера Чеко не задет влиянием взрывной волны и здесь почти нет поваленных деревьев.

Больше всего поваленного леса было на юго-востоке от центра вывала, а меньше всего на севере, где расположены река Кимчу и озеро Чеко.

В одной из прибрежных лиственничных роцц на нашем пути на земле валялся череп лося с массивными рогами.

Это был, вероятно, крупный бык. Вронский потрогал череп ногой, потом взял за рога и повесил на дерево.

— Бедный сохатый...

— Это работа волков. Зимой они много лосей губят, — сказал Андрей.

Продвигаясь вниз по Кимчу, мы подошли к месту, где реку сжимают крутые лесистые увалы. Здесь начинаются пороги, и тихая болотистая Кимчу превращается в бурную горную речку. Среди тайги разносился равномерный шум бегущей по камням воды.

На левом берегу перед порогом раскинулись луговые поляны, заросшие высокой травой. Сколько здесь зеленого, сочного корма! В некоторых местах трава была примята, словно в ней валялись кони.

— Это лежанки сохатых, — сказал Андрей.

Мы остановились, с интересом рассматривая места отдыха лосей. Почуввав приближение людей, они ушли перед самым нашим приходом — отдельные прижатые травинки еще медленно выпрямлялись. Мы потревожили мирный отдых животных на роскошных лугах в таежной глуши, куда редко заглядывают даже охотники.

Для пополнения продовольственных запасов экспедиция имела лицензию на отстрел одного лося. Поэтому все участники предвкушали встречу с лесным великаном.

Пока мы рассматривали свежие лежанки лосей, Андрей достал леску с блесной, подошел к берегу и по-эвенкийски, без удилища, стал рыбачить.

После первой же закидки он крикнул:

— Есть! Таймень, наверно!

Андрей быстро вытащил крупную извивающуюся рыбину на берег. Это была большая щука. Флоренский, Вронский и я приготовили спиннинги. Мы все устроились вокруг одной ямы под перекатом. Яма была небольшая, но глубокая.

Это была удивительная рыбалка. Никогда еще я не видел, чтобы рыбаки громко хохотали при ловле. При каждом забросе блесны на крючке билась солидная щука.

За десять минут мы добыли в яме двадцать четыре рыбыны весом по пять-шесть килограммов каждая.

Внезапно рыба перестала брать блесну. Все пришли к заключению, что в яме ее больше нет — выловили всю. Мы уселись на берегу передохнуть и покурить. Было удивительно, что так много щук скопилось в одном месте под порогом. Борис Иванович Вронский, ощупывая мясистые туловища речных хищниц, говорил:

— Попробуй, Расскажи кому-нибудь из московских рыболовов про такую рыбалку — не поверят!

— Да, это будет похоже на анекдот, — согласился Кирилл Павлович.

Удивлялся и таежный житель Андрей Дженкоуль:

— Много иной раз рыбы в тайге, но такое бывает редко.

Общий вес щук составлял, по-видимому, килограммов сто двадцать. Мы не могли унести на себе такую тяжесть и оставили рыбу в тайге, зарыв ее под мох у холодного ручья: под толстым слоем мха была вечная мерзлота. Договорились с Андреем, что завтра он приедет на трех оленях и заберет щук. Наша экспедиция будет надолго обеспечена рыбой.

После рыбалки мы перешли вброд по перекасту через Кимчу на высокий правый берег. Исследователи хотели и здесь поискать остатки вывала леса. Путь был трудный. Небольшие сопки чередовались с болотистыми впадинами. Ноги почти до колен утопали в жидкой грязи и глубоком мху. Таежная глухомань удивляла своей безмолвностью, как будто все живое в ней замерло. Ружья на наших плечах висели бесполезным грузом.

— Почему нет дичи? — спросил я Андрея.

— Какая сейчас птица, сон алан! Глухарь линяет, копалухи и рябчики с цыплятами притаились, — ответил он.

В Сибири, на Урале да и в других районах копалухой называют глухарку, от слов копать, копаться. Глухари в поисках мелких галечек для перетирания пищи часто копаются в земле, как курицы, или просто пурхаются в земляной пыли, чтобы избавиться от насекомых, заводящихся иногда в перьях. Такие места называют пурховищами. В тайге их можно встретить часто.

— Жаль, поохотиться нельзя, — сказал я.

— Подожди осени. Сейчас только рыбу можно добывать.

Было начало июля. Пернатые выводили потомство, ягоды в тайге еще не успели. В эту пору в тайге голодно, и рыба является основной

пищей экспедиционного работника и таежника.

Я часто вспоминаю записки одного из молодых участников самостоятельной метеоритной экспедиции 1960 года, очевидно впервые попавшего в настоящую сибирскую тайгу.

По тайге идешь, как по зоопарку, писал он. Можно подойти к сидящему на дереве глухарю, сесть на пенек и выкурить сигарку. Глухарь будет сидеть. Потом не спеша приложишь ружье к плечу и выстрелишь.

Такое вряд ли видят даже эвенки, проводящие все лето в тайге!

Во-первых, сравнение тайги с зоопарком явно неудачно. Во-вторых, молодой человек, очевидно, спутал глухаря с глухаркой. Так, как описано выше, ведут себя только самки глухаря. Глухарь же долго не усидит вблизи опасности. Если рядом притаился выводок, глухарка действительно может долго сидеть на дереве и близко подпустить охотника. Но истреблять копалух, когда они с цыплятами, — это жестокое браконьерство, которое надо преследовать. Неопытный охотник, сам того не замечая, смакует запрещенный способ добычи.

Рыба в Чеко кишит кишмя, писал далее восторженный романтик. По утрам на озере то и дело раздаются пыхтение. Рыба высовывает морды из воды. Здесь достаточно взять нож, нагнуться над водой, подкараулить рыбу и пришпилить ее.

Добывать ножом рыбу — это браконьерский способ ловли. Да и, кроме того, ножом можно «пришпилить» только мелочь вроде бычка-подкаменщика, но не крупную рыбу.

Эти охотничьи рассказы были помещены в газете, и многие таежники, конечно, смеялись над их наивным автором. Наша экспедиция, и даже ее бывалые участники, никогда не видела в тайге ничего подобного тому, что описано выше.

К вечеру мы вышли на берег Кимчу напротив нашего лагеря. Нужно было форсировать реку, которая была в этом месте тихой и глубокой. Как же перебраться на другой берег?

Из лагеря притащили для нашей переправы резиновую лодку, надули ее и поставили на воду. Но как теперь переправить ее к нам?

Флоренский первым проявил находчивость. Он вынул из чехла спиннинг и, взмахнув им, перебросил блесну с одного берега на другой. Афанасий прицепил блесну к лодке, привязав к ней и свою леску. Флоренский начал вертеть катушку, и лодка поплыла к нам.

Таким образом, перетягивая лодку за лески с одного берега на другой, мы переправили все наши грузы и сами переплыли Кимчу.

Переправа затянулась надолго. Последним был Борис Иванович. Он не захотел садиться в лодку, разделся, сложил в нее белье, а сам бросился вплавь. Над лысой головой, торчащей из воды, вилось облачко комаров.

Надо сказать, что среди участников таежных экспедиций далеко не все осмеливаются плавать в холодных речках, опасаясь жалящих укусов комаров. На это отваживаются только смельчаки вроде Вронского.

Эту переправу я заснял на кино пленку.

Снова на Хушме

С глухой Кимчу мы вернулись на Хушму. Здесь, в избушке, ждали нас четверо участников экспедиции во главе с Петром Николаевичем Палеем. Они приготовили нам приятный сюрприз — истопили баню по-черному. Для людей, утомленных ежедневными походами, она была неописуемым удовольствием.

Охотникам, промышляющим в этих глухих местах, не найти лучшего жилья, чем избушка на Хушме. Любая экспедиция, проходя через Хушму, может иметь хорошую русскую баню. Это важно и для туристов, которые пожелают увидеть отдаленные места тунгусской тайги.

Наступило 30 июня 1958 года. Экспедиция готовилась отметить пятидесятилетие падения Тунгусского метеорита. В честь знаменательной даты были отменены все исследовательские работы. Дежурные хлопотали уже с утра, готовя праздничный обед. Для праздника предназначался особый паек.

Во второй половине дня в избушке был накрыт стол. Основную закуску составляли жареные щуки. Среди мисок и кружек стояли фляга со спиртом, бутылки с коньяком и шампанским. Все чинно уселись вокруг стола. Кирилл Павлович Флоренский произнес небольшую речь.

— Друзья мои, пятьдесят лет прошло после падения Тунгусского метеорита, тридцать лет — после большой экспедиции Кулика. Теперь

честь поисков досталась нам. Я знаю, многие из вас лелеют в душе надежду найти воронки от осколков метеорита. Ну что ж, надежды юношей питают, будем надеяться, что обнаружим остатки исчезнувшего небесного тела. За это я и предлагаю поднять тост.

Все по достоинству оценили жареных щук. Похвалили девушек, приготовивших праздничный обед. По адресу рыбаков, ловивших щук, тоже было сказано несколько комплиментов. Аппетит у всех был отменный. Скоро на столе осталась только бутылка шампанского.

Константин Дмитриевич Янковский предложил:

— Товарищи, прогуляемся к водопаду Чургим и там поднимем последний тост!

Все с радостью согласились. Четыре километра в тайге — не расстояние. И вот мы сидим на камнях под водопадом. Живописная обстановка создает некоторую романтичность. Пустая бутылка из-под шампанского с запиской о том, что в 1958 году здесь праздновалось пятидесятилетие падения Тунгусского метеорита, торжественно вкладывается в небольшое углубление в скале над водопадом.

На другой день все снова принялись за работу. Вокруг Великой Котловины собрано много проб. Участники экспедиции сортируют их, запаковывают в мешочки и укладывают в ящики. Как ни старался доктор химических наук Палей, анализы не обнаружили в пробах никеля. Исследователи озадачены: куда же девалось метеоритное вещество? Вся надежда на более тщательные анализы в Москве, в Институте аналитической химии.

Исследования продолжались. Группы отправлялись в радиальные маршруты: одна — в верховья Хушмы, другая — вниз по реке, третья — на хребет Сильгами.

Прекрасна тунгусская тайга летом. Огромная и безмолвная, она вся наполнена цветением, солнечным светом. На берегах Хушмы я видел сказочные вечера с малиновыми закатами, снимал на кинолентку необыкновенные пейзажи в таежной глуши.

Помимо съемки работ экспедиции я целыми днями был занят киноохотой на рыб. Я ходил с кинокамерой по берегу Хушмы и, завидев в воде сигов, начинал преследовать их. Мелкая речка с неглубокими ямами давала мне возможность не упускать рыбу из виду. Эта съемка дала много интересных и уникальных кадров.

Наши проводники Андрей и Афанасий занимались рыбной ловлей. Особо отличался в рыбалке Андрей. Зоркий глаз эвенка без труда замечал в воде притаившуюся щуку или сига.

Однажды, возвращаясь с реки, Андрей подозвал меня:

— Сон алан! Пойдем угощу сырым хариусом.

Я сделал удивленные глаза. Он молча взял меня под руку и повел к чуму. Там он развязал рюкзак и вывалил на землю его содержимое. Я не мог оторвать глаз от богатейшего натюрморта: на земле лежало десятка два крупных рыбин с большими спинными плавниками и с каким-то радужным отливом на туловищах.

Андрей сказал что-то по-эвенкийски своей жене, та улыбнулась, взглянула на меня, взяла несколько хариусов и пошла на речку.

Через несколько минут мы сидели в чуме. Здесь были и Афанасий с Ниной. На чистой дощечке Таня разрежала на куски очищенных хариусов.

— Кушай, — сказал Андрей.

Он первый взял большой кусок, посыпал его солью. Остальные сделали то же самое. Все стали с большим аппетитом есть. Я, однако, не решался последовать их примеру.

— Ешь, — повторил Андрей, — В сырой рыбе много витаминов. Полезно!

Во время этой необычной трапезы он рассказал мне, что эвенки никогда не варят рыбу, они только пекут ее на костре или солят. После варки рыба почти бесполезный продукт: все витамины в ней исчезают. Это особенно важно среди лета, когда еще не созрели ягоды в лесах, когда глухари и рябчики заняты выводением потомства и в тайге трудно добыть мясо; сырая, богатая витаминами рыба в это время основная пища эвенков.

Я убеждал себя, что сырую рыбу есть полезно, смотрел на эвенков, видел как исчезали кусочки на доске, и это меня подбадривало. Я набрался храбрости, взял самый большой кусок хариуса, посыпал его солью. Сначала было неприятно есть хрустящее сырое мясо, но потом я уже с удовольствием съел несколько кусков.

Теперь, когда мне удастся попасть в глухие сибирские места, я упрямо сырую рыбу за обе щеки. Нравится!

Известный путешественник по Сибири геолог С. В. Обручев писал, что лучше строганины из сырой мороженой рыбы он не пробовал блюда за всю свою жизнь. Полностью присоединяюсь к этому мнению: в своих последующих путешествиях по зимней мансийской тайге я предпочитал это блюдо всем другим.

Сырая рыба — прекрасное противочинготное средство. Многие северные путешественники уберегли себя от цинги только потому, что вводили в свой рацион сырую рыбу.

Время летело незаметно. Мы были в тайге уже месяц. Экспедиция в основном завершала свою работу по сбору проб. Запасы продовольствия кончались, и нам необходимо было выходить из тайги.

Я снял за это время несколько сотен метров пленки, запечатлев работу экспедиции, маршруты по местам, связанным с метеоритной катастрофой. Хотелось заснять хотя бы микроскопический осколок небесного тела. Каждый из участников экспедиции мечтал про себя обнаружить воронку с осколком метеорита.

Мне представлялось, как одна из групп находит среди тайги воронку, заросшую деревьями. Метеоритные исследователи убеждены, что на дне ее под толщей грунта скрыт осколок метеорита. Начинается долгая и упорная работа. Мне тоже хочется схватить лопату и помогать ученым, но надо снимать. Я опасаюсь пропустить момент, когда из земли покажется небесный камень...

Проходят часы. Вдруг раздается стук — лопаты ударяются о твердое тело. Крики «ура!» оглашают тайгу. Вверх летят шапки, лопаты, комья земли. Вот он, пришелец с неба, которого ученые искали много лет! Наконец раскрыта тайна глухой безлюдной тайги!

На самом деле ничего этого не было. Исчезновение тунгусского дива продолжало оставаться загадкой^[1].

Исполнился ровно месяц нашего пребывания в тайге, когда мы покинули избушку на Хушме.

Снова наш путь идет через болота, по вершинам сопок, по берегам ручьев и рек. Олени, предназначенные для моей аппаратуры, везут драгоценный груз — сотни метров отснятой цветной и черно-белой пленки.

У ГЕОЛОГОВ

Хорошо, когда в тайге встречаешь людей!

С незапамятных времен в лесах существует неписанный закон — помогать в трудную минуту незнакомому человеку. Все таежные жители свято чтут его. Нередко в тайге можно встретить признаки заботы о неведомом путнике. В охотничьих избушках оставляются котелки, береста, чтобы разжечь костер на случай дождливой погоды, соль, а иногда и продовольствие. Эвенки не сжигают на кострах остоу своего чума, оставляют его стоять — пригодится для других.

Иногда в лабазах среди тайги хранятся продукты. Голодный человек может ими воспользоваться. В таких случаях он честно оставляет хозяину записку с перечислением взятого.

Продовольственные запасы нашей экспедиции иссякли еще в пути. Проводники-эвенки тоже съели все свои продукты. Где запастись продовольствием? Если бы еще нас было двое-трое, а как быть с экспедицией в пятнадцать человек? Кто может обеспечить продуктами такую ораву?

На одной из стоянок на хребте Хладного Янковский предложил:

— Давайте свернем к геологам на Чамбу: у них есть запасы, выручат.

— Правильно! — подтвердил Вронский. — Геологи всегда помогут.

— Пожалуй, этот вариант приемлем, — согласился Флоренский.

Было решено идти не прежней дорогой, по тропе Кулика мимо горы Шахрамы, а свернуть с хребта Хладного в сторону реки Чамбы. И Андрей Дженкоуль повел экспедицию по краям болот, по вершинам сопков, через непролазные заросли и бурелом.

Через два дня пути мы вышли к Чамбе близ ручья Огний.

Там, где Хушма впадает в Чамбу, ниже устья находится база геологов. Рядом с избами на крутом берегу огромным амфитеатром зияет карьер. Изрыт весь берег, большими кучами лежит выработанная порода.

Наш приход вызвал оживление на базе. Экспедиционный олений караван привлек внимание всех обитателей лагеря. Из первой избы

нам навстречу вышли двое юношей с симпатичными бородами.

— Откуда вы, путешественники? — спросил один из них.

Черная окладистая борода и голубые глаза делали его похожим на богатыря из русской былины.

— Из самого кратера Тунгусского метеорита! — пошутил один из нас.

Мы познакомились. Оба парня, Сергей и Александр, оказались московскими студентами-геологами, проходившими здесь практику.

Завязалась непринужденная беседа. К нам подошли другие.

— Приход вашей экспедиции для нас приятное событие, — сказал один из геологов.

— Да, но мы пришли к вам за помощью, — ответил Кирилл Павлович.

— Можете не говорить. Что, продукты?

— Вы угадали.

Наши продовольственные затруднения не удивили геологов: это извечная проблема в тайге — экспедициям почти никогда не хватает продуктов на обратный путь. Без лишних слов они открыли амбар и снабдили нас маслом, сахаром, сгущенным молоком, крупами и хлебом. Настоящим белым хлебом, испеченным здесь, в их таежной пекарне!

— Берите сколько хотите! — сказал Виктор. — Нам скоро из Ванавары привезут продукты.

Вечером у костра было многолюдно и весело. Полыхали огромные языки пламени, освещая склоненные к огню лица. С треском неслись искры в ночное небо. Над макушками сосен мерцали звезды. У костра начались интересные разговоры.

Геологов интересовала история падения Тунгусского метеорита. Кирилл Павлович Флоренский был в центре внимания. Он отвечал на многочисленные вопросы. Я слушал и смотрел на пламя костра...

Если бы меня спросили: «Где вы пережили самые счастливые минуты в своей жизни?» — я ответил бы: «У костра!»

Попробуйте просидеть с приятными собеседниками всю ночь до рассвета у таежного костра — и вам эта ночь запомнится на всю жизнь.

Догорает костер, кончаются разговоры, расходятся люди по палаткам — и становится жаль минут, которые только что ушли. И уже

назавтра они становятся воспоминанием...

У костра геологи рассказывали много интересного о минералах, которые они ищут на берегах Чамбы. И мне захотелось задержаться здесь...

К утру я принял окончательное решение: остаюсь! Геологи поддержали мое намерение и по-приятельски приняли меня в свою компанию.

— Через три дня придет моторка с продуктами; с ней вы сможете вернуться в Ванавару, — сказал Виктор.

Я пошел попрощаться со своими спутниками.

— Сон алан, покидаешь нас? Жалко, — сказал Андрей Дженкоуль.

— Так мы в Ванаваре еще увидимся, Андрей!

— Можем и не увидеться.

— Почему?

— Я уйду на речку Корду,

— С другой экспедицией?

— Нет. Посмотрю, уродилась ли нынче шишка на лиственке.

— Это зачем?

— Белковать зимой думаю там.

— Ну что ж, прощай, Андрей! Желаю тебе удачи.

— Приезжай к нам в другой раз весной. Поедем на Корду. Медведей там много. Будешь снимать.

Я простился с участниками метеоритной экспедиции. В полдень они отправились в Ванавару.

Река Чамба перед базой геологов делает крутой поворот и образует большой затон, называемый по-сибирски уловом. С высокого берега от изб открывается широкая живописная панорама реки.

Весь склон к реке зарос иван-чаем. У самой воды краснеют сараны.

Из Ванавары по радиации было получено сообщение, что на базу плывет несколько лодок с продовольствием. Вечерами все выходили на бугор и смотрели вдаль, ожидая появления лодок.

И вот однажды вечером на Чамбе прозвучали выстрелы. Из-за поворота реки медленно выплыла моторка, которая тянула за собой две лодки.

Обитатели базы спустились с бугра. Вскоре мы приветствовали прибывших из Ванавары Владимира Цветкова и Виктора Макарова.

— Ох и досталось же нам на Большом пороге! — сказал Владимир. — Со вчерашнего дня никак не просохнем.

Прибывшие были мокры по пояс.

— Валентина Григорьевна! Чайку бы горяченького! — взмолился Виктор Макаров.

— Уже давно ждет вас!

— Нам чего-нибудь и покрепче не мешало бы! — весело воскликнул Цветков. Эти измученные и совершенно промокшие люди могли еще шутить после нелегкого рейса!

С прибытием лодок продовольственные запасы геологов пополнились. Было привезено все основное, что нужно людям, работающим в тайге: масло, сахар, соль, чай, мука, папиросы, сгущенное молоко, мясные консервы и различные крупы.

Через несколько дней караван должен был вернуться в Ванавару. Вместе с ним намеревался отправиться и я. Было интересно проплыть по Чамбе, испытать все трудности плавания по таежной реке. Манили и ночевки под открытым небом у костра, охота и рыбная ловля... Кроме того, маршрут по Чамбе давал мне возможность заснять на киноплёнку много интересных кадров.

Незаметно прошли два дня. Геологи занимались своими обычными делами, а я снимал живописные окрестные места. Один из геологов, Борис Долгов, помогал мне. Вечерами мы собирались все вместе на крутом берегу, и я слушал занимательные истории из походной жизни таежных разведчиков. Геологам есть что рассказывать!

Говорили они о том, какие бывают у них маршруты, какие невзгоды приходится порой претерпевать в лесах.

Нередко я слушал их самодеятельные песни. Одну из них я даже записал:

От сопки и до сопки, без единой тропки,
Пробирались всюду с молотком.
С рюкзаком, блокнотом, обливаясь потом,
Мыли шлих старательским лотком.

Если карты ввали, мы не унывали,
Шли тогда сквозь чащу напролом,

На кочках спотыкались, про себя ругались,
Проклиная частый бурелом.

В маршрутах мы не брились, часто и не мылись,
И порой бывало очень лень,
Но в шесть часов вставали и до ночи шагали —
Так бывало чуть не каждый день.

И если друзья спросят: где вас черти носят?
Мы тогда ответ такой дадим:
На Лене иль Алдане, Алтае, Магадане —
Путь геологов всегда один.

— Хорошие люди собираются у вас в экспедициях! — сказал я Виктору Дикунову.

— В основном народ правильный, — подтвердил он. — Но встречаются и другие...

Геологи — веселый, неприхотливый народ, особенно молодежь. Это романтики, любознательные и пытливые люди, искатели, следопыты. Но их палаточная, походная жизнь без удобств и комфорта, конечно, не может увлечь человека с низменными и ограниченными стремлениями.

Такой субъект, даже если он внешне приличен — не пьет, не совершает аморальных поступков, — маскируется, старается подделываться под общий тон: работает, что-то делает. Но все, что он делает, — только для себя.

В моих киноэкспедициях такие тоже встречались. Однажды был человек с красивым именем Давид. Волею злой судьбы он попал вместе с нами в тайгу. Намечалось путешествие на лодке по глухой реке. Первое, о чем он проявил беспокойство, — это «будут ли матрацы и постельное белье?» Матрацы на лодке!..

Второй вопрос был: «А что мы будем есть?»

Ему отвечали: «В тайге много ягод, грибов, рыбы, дичи».

— О! От ягод может быть расстройство желудка! А грибов я вообще не ем. Охота, рыбалка — не мое занятие!

Над ним смеялись.

— В лесу же комары кусают! Сыро! Я не намерен мочить ноги!

Над ним уже не смеялись, а были очень встревожены его присутствием.

Дальше выяснилось истинное лицо этого человека. Туризм, по его мнению, занятие неумных людей. Геологов он называл помешанными бродягами. Он ничем не увлекался. Книги — а зачем ему они? Разве только для того, чтобы заснуть... Музыка — он был слишком груб, чтобы понимать ее. Два-три пошленьких мотива составляли все его музыкальное богатство. Природа — постольку, поскольку она полезна и дает вкусные плоды. По отношению к ней он требовательный потребитель.

Его ничем нельзя было удивить. Лицо его всегда выражало тупое, отталкивающее самодовольство.

Великодушия от него мы не могли ожидать. Он не взял бы на себя лишних забот, кроме забот о самом себе. Доброта ему незнакома. У него все рассчитано: за свои ничтожные услуги он делал людей своими должниками. Честных людей с прямым характером он не любил: они разоблачали его хитроумные комбинации.

Этот человек издевался над моей страстью к походной, палаточной жизни:

— Ну что ты носишься со своей тайгой!? Валяешься у костра, ешь всякую всячину!

— Почему ты так плохо судишь о тайге?! — возмущался я.

— Захолустные станции, деревни, тайга — эти места не для меня. Люблю ездить в Киев, Ленинград, Харьков... Ресторан, гостиница, ванна, душ... Люблю я эту жизнь! А тайга... — он брезгливо морщился.

— Как мало тебе надо, — качал я головой.

Да, судьба иногда награждает нас такими спутниками.

В далекие поездки спутников надо подбирать тщательно, выбирать таких, которые неоднократно проверены в любых условиях. Если человек зарекомендовал себя так, что в трудную минуту жизни на него нельзя положиться, с таким лучше не иметь дела.

А в тайге бывает много трудных минут! Там, как нигде, нужна товарищеская спайка и выручка. Плох тот спутник, о котором говорят, что с ним нельзя оказаться вдвоем на необитаемом острове. Хуже славы быть не может!

Это отступление я должен был сделать для любителей путешествий. Если в туристской группе окажется такой человек, о каком я рассказывал выше, надо сделать все возможное, чтобы избавиться от него. Иначе путешествие будет отравлено.

Быстро пролетело несколько дней. Мне полюбились геологи, эти люди, собравшиеся здесь из разных мест страны. Мне нравилось, что, покинув насиженные места, они каждое лето едут в таежную глушь.

Перед прощанием я заполнил свою записную книжку адресами: московским, подмосковным, красноярским, ленинградским, муромским...

Владимир Цветков и Виктор Макаров стали готовить лодку к обратному рейсу. Недолгое дружеское прощание — и быстрая Чамба уносит нас от базы геологов. С бугра нам вслед машут руками обитатели крохотного таежного поселка. Крутой поворот реки с глухим лесом на берегах скрывает их от нас. Мы плывем среди молчаливых зеленых стен, углубляясь все дальше в тайгу.

Чамба, один из многочисленных правых притоков Подкаменной Тунгуски, берет свое начало в глубинах тунгусской тайги, в глухих местах, которые у эвенков испокон веков считаются богатыми охотничьими угодьями.

В верховьях Чамбы есть несколько опасных для плавания порогов. Но и в среднем течении река не менее труднопроходима. Нам предстояло пройти один из мощных порогов, называемый Большим.

Между прочим, на многих реках Сибири есть свой Большой порог. Есть такой на Енисее, на Нижней и Подкаменной Тунгуске и на их многочисленных притоках.

В первый день нашего плавания мы то неслись в узких и быстрых протоках, то попадали на тихие, широко разлившиеся плесы. Тайга стеной сопровождала нас всю дорогу. Солнце село за ее зеленый частокол, и оранжевый диск иногда мелькал между стволами, то ослепляя нас своими лучами, то погружая в темноту.

Было что-то сказочное в этом вечернем пейзаже: темные фантастические силуэты деревьев на фоне огненного диска, бурелом и темная чаща по берегам...

— Красотища-то какая! — взглянув на меня, сказал Владимир Цветков.

Я вынул из ящика кинокамеру и стал снимать с лодки вечернюю тайгу с заходящим солнцем.

Позже, на киностудии, меня хвалили за эти кадры. Но дело было совсем не во мне. Таежная природа так прекрасна, что заснять ее плохо было просто невозможно...

...Мы плыли по тихому, широкому плесу. Вода в реке как будто стояла. У берегов росли кувшинки и белые водяные лилии. Это озерное затишье казалось подозрительным.

— Почему вода не течет? — спросил я Цветкова.

— А это перед Большим порогом ее прудит. Своего рода естественная плотина, — ответил он.

До наступления темноты мы успели приплыть к порогу. Форсировать его в сумерках мы не решились и устроили лагерь для ночлега на луговом берегу против скал.

Район Большого порога — самый красивый участок на Чамбе. Здесь отроги хребта близко подходят к реке и, сжимая ее, образуют узкое русло с нагромождениями многочисленных камней. Река бешено устремляется в это русло, шумит и пенится. Весной вода здесь, говорят, клокочет и бросается на прибрежные скалы.

Теперь мне было понятно, почему выше порога много таких плесов.

Между прочим, здесь, на Большом пороге, однажды чуть не утонул Кулик. Когда переводили лодки через порог, одна из них, в которой сидел ученый, перевернулась. Кулика спасла счастливая случайность — он зацепился ногой за причальную веревку лодки. Этот момент был заснят на киноплёнку кинооператором Струковым, путешествовавшим вместе с Куликом.

Кстати, Струков оставил истории уникальные съемки второй метеоритной экспедиции 1928 года. Он заснял тяжелые таежные переходы Кулика по рекам Чамбе и Хушме. Заснял первые домики заимки у подножия горы Стойковича и работы по осушению Сусловской воронки. Теперь эти исторические кинодокументы хранятся в Комитете по метеоритам Академии наук СССР.

Мы развели костер. Что бы такое приготовить на ужин? Консервированные продукты были отвергнуты единодушно.

— К черту тушенку! — сказал Володя. — Она у меня стоит вот здесь, — он провел ладонью по горлу.

— Завалить бы сейчас глухаря! — мечтательно произнес Виктор.

— Есть выход из положения!

— Какой?

— Предлагаю шашлыки по-эвенкийски!

Это означало, что надо наловить рыбы. Мы направились со спиннингами под порог, и через каких-нибудь полчаса у костра лежали хариусы, щуки и окуни.

Мне на блесну почему-то попадались только крупные горбатые красавцы окуни. Им я и отдал предпочтение у костра.

Мы выбирали каждый по рыбине, солили ее, насаживали на вертел и втыкали его в землю перед огнем. Из пекущейся рыбы сочился сок, дым костра придавал ей необъяснимо приятный вкус и запах. Это и был шашлык по-эвенкийски.

Каждый из нас мог одолеть только по одной рыбине. Запив рыбу крепким чаем, довольные ужином, мы легли спать.

На другой день наша лодка, которой управлял Володя, лихо проскочила порог, лишь несколько раз ударившись о подводные камни.

— Это по течению легко проходить порог, а вверх куда сложнее по нему пробираться! — сказал Виктор.

— Жаль, вы не ехали с нами из Ванавары! Нам здесь пришлось изрядно помолотить винтом воду! — добавил Цветков.

Я оглянулся на бушующие валы на пороге. Да, трудно, наверно, преодолеть их бешеный напор! Разбушевавшаяся вода может в два счета залить лодку.

Под порогом Чамба стала более стремительной, чаще стали попадаться перекаты, мели и небольшие порожки. Нам приходилось больше протаскивать наш караван по мелям, чем плыть. Тянешь изо всех сил лодку по мели, и вдруг нога обрывается в яму, в которой воды по пояс. Преодолев одну мель, забираемся в лодки, выливаем из сапог воду. Но недолго длится блаженство: впереди снова мель, нужно опять лезть в реку. Несколько таких сцен я заснял на кино пленку.

Ближе к устью Чамба стала полноводнее. Мы спокойно плыли по реке, наблюдая картинки таежной природы. Стали появляться выводки уток. Через реку то и дело перелетали едва научившиеся летать молодые рябчики. Иногда с берега с шумом поднимался застигнутый врасплох глухарь. Вслед ему раздавались беспорядочные выстрелы.

— Пока не добудем мяса на ужин, на ночевку не остановимся! — сказал Цветков.

Впереди нас, хлопая крыльями по воде, мчались молодые, но уже крупные крохали. Когда мы настигали выводок, мать-кροхалиха взлетала, а птенцы скрывались под водой и выныривали далеко от наших лодок.

Хариус

Проплыли устье речки Маикты, вдоль которой шла наша метеоритная экспедиция. Десятью километрами ниже ее я узнал знакомые берега: здесь экспедиция свернула с Чамбы на Маикту.

Вечерело. Второй день нашего пути был на исходе. Владимир Цветков неожиданно выключил мотор, схватил ружье.

— В чем дело?

— Глухарина! — шепотом проговорил он.

Впереди на склоненной к воде лиственнице мы увидели большую черную птицу. Остальные тоже схватились за ружья. Лодки медленно и бесшумно приближались к глухарю. Вытянув длинную шею, он следил за нами. Еще мгновение — и птица улетит...

Я потянулся за кинокамерой. Но Цветков опередил всех. Раздался выстрел. Глухарь камнем свалился в воду и забил по ней могучими, как у орла, крыльями.

Мы приблизились к месту, где упала птица. Володя поднял из воды черного таежного красавца.

— Вот теперь разобьем лагерь. Разжигай костер, братва!

Глухарь оказался худой и старый, и его пришлось долго варить в котелке. Но все-таки это была не мясная тушенка, а настоящая похлебка из лесной дичи.

...И снова ночевка на берегу таежной реки, бесконечные разговоры у костра, поблескивание звезд в ночном небе над головой. Снова сказочные видения в причудливых изгибах вывороченных коряг, в мохнатых ветвях дремучих елей на фоне холодного ночного светила. Снова таинственность, окутывающая ночной лес с его едва уловимыми шорохами и жутким затишьем...

Сибирская тайга молчалива и утром. В ней не услышишь неугомонного щебетания птиц, которое наполняет утренний лес в средней полосе России. Чаще всего по утрам в тайге можно услышать только далекое кукование кукушки да глухое дудуканье дикого голубя.

В туманной пелене надлесом показался расплывчатый огненный тар. Туман на реке пришел в движение, стал клубиться и медленно подниматься к небу. Солнечные зайчики заиграли на палатке. Зашевелились в спальных мешках мои спутники. Спать уже не хотелось.

— Поплывем дальше? — спросил Цветков.

— Подождем немного, когда разойдется туман, — ответил Виктор.

От реки и леса исходила приятная утренняя свежесть. Мы выкупались в Чамбе, Холодное глухариное мясо и крепкий чай

составили неприхотливый таежный завтрак. Тем временем река освободилась от тумана, и мы отправились дальше.

Плывем мимо знакомых мне берегов, заросших отцветающими пионами. Кое-где среди травы еще краснеют сараны. Вот и высокий берег с сосновым бором на вершине. Здесь наша метеоритная экспедиция вышла к берегам Чамбы со стороны Верхней Лакуры. Мне запомнились даже отдельные деревья, возле которых я снимал проходы оленьего каравана.

Через несколько часов мы выплыли на широкий простор Подкаменной Тунгуски. Ее стремительный напор сразу поубавил скорость нашей моторки.

Впереди белели буруны Чамбинского порога. Сидящий за рулем Володя Цветков повернулся ко мне.

— Боюсь за вашу аппаратуру: может залить водой.

В принципе я не возражал против острых ощущений, но со мной был весь материал, отснятый в метеоритной экспедиции и у геологов. Рисковать им было нельзя. Во избежание неприятностей я согласился высадиться на берег вместе с аппаратурой и пленкой.

Вместе со мной на берег сошел и один рабочий, сопровождавший караван. Он помог мне перенести киноаппаратуру, а тем временем Цветков и Макаров благополучно преодолели опасное место.

Вскоре из-за поворота реки показалось знакомое село Ванавара.

ОТ ВАНАВАРЫ ДО БАЙКИТА

Я не знаю ничего увлекательнее и приятнее путешествия в небольшой лодке по порогам, и удовольствие тем острее, чем больше камней, чем выше валы и сильнее струя.

С. В. Обручев

В Ванаваре

Сказать по правде, уезжая из Москвы, я лишь робко надеялся, что мне все-таки удастся осуществить свою давнюю мечту — проплыть по Подкаменной Тунгуске. Тогда это зависело от того, насколько затянется экспедиция. После возвращения из тайги стало ясно, что у меня еще много времени и я могу продолжить свое путешествие.

В Ванаваре я еще застал начальника метеоритной экспедиции Кирилла Павловича Флоренского. Отправив своих спутников в Москву, этот неутомимый человек собирался лететь еще и на Камчатку.

— Куда теперь? — спросил он.

— Вниз по Подкаменной.

— Рискованно. А не боитесь порогов?

— Нет.

— Завидное путешествие!

— Не составите ли мне компанию? — предложил я.

— К сожалению, не могу. На Камчатке меня ждет другая экспедиция.

Через день, закончив все формальности, связанные с арендой оленей в колхозе, Флоренский улетел из Ванавары.

Андрея Дженкоуля я не увидел: он снова ушел в тайгу.

Июль был на исходе. Стояли теплые солнечные дни. В тайге наступила пора ягод. Жители Ванавары с ведрами уходили в лес за голубикой, брусникой и красной смородиной, по-здешнему кислицей.

Косили сено, готовились к охотничьему сезону, собирали грибы. Чувствовалось приближение осени.

Я торопился: впереди меня ждал путь более чем в тысячу километров по незнакомой опасной реке. До наступления зимы нужно было проплыть знаменитые пороги, причудливые береговые скалы, посетить населенные пункты и заснять все интересное и неведомое, что встретится в пути.

Вечерами я сидел над картой, днем расспрашивал бывалых людей, советовался. Все, кто хоть раз в жизни проплывали Подкаменную Тунгуску, восторгались ее красотой.

Хотелось, правда, несколько сократить путь и перелететь из Ванавары в Байкит самолетом, а уже оттуда начать лодочное путешествие. Но ванаварские старожилы отсоветовали мне делать это.

— Что ты, родимый! — сказал мне один из стариков. — Ты ее, Подкаменную-то, проплыви всю от Ванавары до Енисея. Тогда и узнаешь нашу реку по-настоящему.

Старый человек был прав. Разве можно сравнить кратковременный перелет на самолете с увлекательным путешествием на лодке!

Нужно было нанять проводника и арендовать небольшую лодку с мотором. Но сделать это оказалось непросто. Желающих плыть по всей Подкаменной Тунгуске найти было трудно. Все, кому я предлагал, отказывались:

— До Байкита плыть еще можно, а дальше страшно вато.

Один из ванаварцев сказал мне:

— Вы немного опоздали! Была здесь московская зоологическая экспедиция. Начальник ее — Сыроечковский, у них несколько лодок. Они только недавно отправились вниз по реке.

Было очень жалко, что я раньше не встретился с экспедицией Сыроечковского, тем более что я никак не мог найти себе проводника. Это обстоятельство задержало меня в Ванаваре больше чем на неделю. Наконец я обратился в райсовет; там мне порекомендовали нескольких владельцев лодок, хорошо знающих реку.

Один из рекомендованных был Анатолий Савватеев, молодой парень, страстный охотник и рыболов. С ним я познакомился на почте, где он работал связистом. Вниз по Подкаменной он плавал только до Байкита. На мое предложение Анатолий не согласился, сказав, что

свой очередной отпуск хочет посвятить рыбалке и охоте в верховьях реки, которые хорошо знал.

Я загрустил не на шутку. Однако судьба все-таки вскоре мне улыбнулась.

Вниз по Подкаменной Тунгуске

Не знаю, что заставило Анатолия Савватеева неожиданно переменить свое решение, — то ли моя съемка понравилась ему (я совершил с ним две поездки на лодке вверх по реке), то ли он заинтересовался поездкой вниз по Подкаменной Тунгуске, — но однажды он сказал мне:

— На днях ухожу в отпуск. Пожалуй, поплыву с вами. Но только до Байкита.

Лучшего попутчика я не желал. У Анатолия была своя лодка. Мне оставалось только обеспечить его бензином. Я думал так: доберусь с ним до Байкита, а там будет видно, что делать дальше. Меня беспокоило одно — как бы Савватеев не переменял своего решения!

Мои опасения окончательно отпали только в тот день начала августа, когда мы с Анатолием стащили на берег свое снаряжение. Наш груз состоял из палатки, двух спальных мешков, запаса продовольствия, ружей, спиннингов, киносъемочной аппаратуры, бочки с бензином, длинной веревки и нескольких шестов.

Никто нас не провожал, как будто мы с Анатолием просто отправлялись на рыбалку.

Стоял самый благоприятный для путешествия день. Небо было покрыто мелкими кучевыми облаками. Воздух казался удивительно прозрачным.

Я оттолкнул лодку, Анатолий завел мотор, и мы быстро помчались от высокого ванаварского берега.

Сколько дней я ждал этой минуты! Наконец-то мое путешествие началось!

Спокойно катит свои воды Подкаменная Тунгуска ниже села Ванавары. Широкая и полноводная, она течет среди лесистых и луговых берегов. Лишь изредка на крутых поворотах реки виднеются невысокие скальные обнажения.

На правом берегу показались две избы. Это заимка Чамба. Здесь никто не живет. Только иногда в избах ночуют рыбаки и охотники да косцы во время сенокоса. Путешественники здесь всегда могут найти приют.

Но вот и первая знакомая преграда — Чамбинский порог. Мы причаливаем к правому берегу: зачем напрасно рисковать драгоценным грузом и губить киноплёнку!

Мы идем по берегу к порогу и выбираем наиболее безопасное место.

— Вот смотрите, — говорит Толя, — здесь сильный слив, но нет опасных камней в воде, а у левого берега буруны кипят, там можно удариться о камень.

— Не зачерпнем водички?

— Думаю, что нет. Еще раз внимательно посмотрю дорожку, и поплывем.

Чамбинский порог расположен на повороте Подкаменной Тунгуски. Русло здесь разделено скоплениями камней посредине. При малой воде там появляется даже каменный островок. У левого берега русло мелкое и загромождено многочисленными подводными камнями. У правого берега русло глубокое и менее опасное для прохождения лодок. Все рыбацьи лодки, а весной и баржи-самоходки из Красноярска стараются проходить именно по сливу у правого берега.

Осмотрев порог, мы вернулись к лодке и поплыли. Быстрое течение подхватило лодку и, как щепку, в один миг пронесло по сливу. Лодка несколько раз подпрыгнула на волнах, громко хлопая по ним днищем, потом спокойно заскользила по реке.

Под Чамбинским порогом Подкаменная Тунгуска снова стала широкой и полноводной.

Анатолий показывает мне первую достопримечательность — высокий обрыв на левом берегу:

— Гора Карандашная.

— Странное название!

— Здесь каменный уголь выходит наружу. Некоторые камешки пачкают руки, видимо графит. Поэтому и называют Карандашная.

Я внимательно смотрю на берег. В отвесном обрыве видна толстая темная полоса, тянущаяся на несколько сотен метров вдоль берега. Это

только маленький предвестник несметных богатств, которые хранит в своих недрах Тунгусский каменноугольный бассейн.

Вот и устье Чамбы. Еще недавно плыл я по ней с друзьями-геологами.

Эта часть Подкаменной Тунгуски мне уже знакома.

Вскоре я узнал устье Верхней Лакуры со следами лагеря метеоритной экспедиции.

Дальше потянулись лесистые берега, глухие, безжизненные. Шум лодочного мотора оглашал реку. Только через пятнадцать километров после Лакуры на правом берегу в лесу показалась ветхая охотничья избушка. Возле нее дымил костер. Рядом сидели два человека.

— Наши, ванаварские, — сказал Анатолий.

Мы обменялись приветствиями, и скоро избушка скрылась за деревьями.

Таежная глухомань снова обступила Подкаменную Тунгуску. Среди берегового леса виднелись рощи гигантских лиственниц в три обхвата. Местами русло реки неожиданно суживалось. Течение здесь было быстрое. На Подкаменной Тунгуске такие узкие места называют горлышками.

На правом берегу показалась небольшая скала со странным названием Хорек. Справа в Подкаменную здесь впадает речка Нижняя Лакура. Когда мы подплывали к устью, перед нами с шумом взлетела стая уток.

— Пора и охотой заняться, — сказал Толя.

Мы приготовили ружья, я поудобнее устроился на носу с двустволкой. Так мы проплыли еще несколько километров, но утки больше не встречались.

— Скоро будет Панолик! — крикнул Анатолий.

В Ванаваре я слышал об этом коварном пороге, о его крупных бурунах, которые будто бы разом захлестывают лодку. Панолик находится двумя километрами ниже речки Нижней Лакуры.

— Это самый грозный порог в верховьях Подкаменной, — добавил Толя. — Чамбинский порог по сравнению с Паноликом — фитюлька!

— Что будем делать? Поплывем через него?

Хотелось, конечно, рискнуть, испытать острое ощущение, и в то же время я очень дорожил кинопленкой и съемочной аппаратурой.

Лесистые невысокие холмы приблизились к реке; она заметно сузилась. Вскоре Подкаменная повернула вправо; слышался шум порога.

— Вот он, сердешный! — улыбнулся Савватеев.

Наша лодка на большой скорости приближалась к месту, где белели крупные барашки. Это бурлила вода над подводными каменными глыбами. Всю реку от одного берега до другого словно перегородили камнями. Да, это более серьезное препятствие, чем порог близ устья Чамбы!

Перед порогами у берегов обычно образуются маленькие заводи — улова. Вода в таких местах, прежде чем низвергнуться в пучину, затихает и течет в обратную сторону. Здесь удобно причалить лодку.

Слово улова происходит от улавливать: здесь всегда скапливается, улавливается многое, что плывет по реке, — мусор, пена, смытые с берегов деревья.

Анатолий увидел такое место у правого берега и направил туда лодку. Мы вылезли из лодки и пошли осматривать Панолик.

В шуме порога слышались звуки, напоминающие звериное рычание. Вода кипела над огромными подводными камнями. В местах бешеных сливов катились цепочки гигантских валов. Каждый постепенно нарастающий вал всей своей громадой обрушивался против течения. При этом раздавался глухой удар, как будто с отвесной скалы в воду падал большой камень.

Было удивительно, как могут большие, тяжело груженные самоходки преодолевать это, казалось бы, совершенно непроходимое препятствие.

Порог Панолик — самый коварный на участке Ванавара — Байкит. О нем с почтением говорят все сплавщики на Подкаменной Тунгуске. В малую воду он непроходим и для илимок. Поэтому караваны с грузами, ежегодно идущие в Ванавару весной, стараются пройти через него до первых чисел июня, когда река наполняется водой из своих многочисленных притоков.

Упустит время караван — и сидеть ему в Ванаваре до следующей весны!

Но наша лодка — не илимка и не самоходка. Грозные валы Панолика поглотят ее в два счета. Внимательно осмотрев порог, Анатолий предложил:

— Давайте-ка сгрузим наши товары, лодку на веревке переведем у берега, а вещи перенесем под порог на себе. Зачем рисковать!

Анатолий привязал длинную веревку к носу лодки, к одному из сидений и к корме. Меня попросил взять длинный шест, а сам, сдерживая лодку веревкой, пустил ее по течению. Шестом я должен был слегка отталкивать лодку от берега, чтобы ее не прибивало сильным напором воды.

Это была трудная работа. Лодка часто застревала на прибрежных камнях, а оттолкнуть ее дальше от берега мы не решались: в один миг захлестнет волной! Приходилось забираться почти по пояс в воду и сталкивать лодку с камней. Мы намучились, вымокли, но благополучно перевели наше судно под порог.

Затем в несколько приемов туда были перенесены все грузы. Путешествие продолжалось.

Был уже поздний час. Солнце скрылось за береговым лесом. В долине Подкаменной постепенно становилось сумеречно.

Из-за поворота реки на правом берегу показались дома. Это был Панолик.

— Отдохнуть и перекусить бы, — сказал Савватеев.

— Не мешало бы остановиться уже на ночлег.

— В Панолике и заночуем!

Село Панолик, когда-то большое, состояло всего из трех домов. Анатолий быстро разыскал знакомых, предоставивших нам ночлег в своей просторной избе. Только теперь мы почувствовали сильную усталость и голод, да и не мудрено: мы проплыли девяносто километров и преодолели два порога. Для первого дня путешествия это было неплохо.

Рано утром мы отправились дальше.

Потянулись такие же однообразные берега, как и вчера. Лес и лес... Казалось, ему нет конца. На болотистых низинах лес был чахлый, исключительно лиственный, с редкими группами высоких и стройных елей. На холмах, иногда подходивших к реке, были видны сосновые боры.

Сколько зеленого богатства на этих пустынных берегах!

Подкаменная Тунгуска здесь течет по равнине. Низкие берега тянутся на десятки километров.

— Теперь не будет скал до самого Байкита, — сказал Анатолий. — А вот там, говорят, по берегам стоят огромные утесы. И пороги такие, что наш Панолик по сравнению с ними — перекастик.

Я слышал в Ванаваре, что более мощные пороги на реке находятся ниже Байкита, но мне казалось, что опаснее Панолика уже ничего не может быть.

— А почему река называется Подкаменной?

— Вот по тем утесам за Байкитом она и называется Подкаменной — среди камней течет, значит, под скалами.

Правда, происхождению слова Подкаменная есть другое объяснение. Как писал в 1921 году Красноярский исследователь А. Я. Тугаринов, «Подкаменная Тунгуска носит это название только на устье, выше это имя населению не известно, и реку зовут Катангой».

Дело в том, что выше устья Подкаменной Тунгуски на Енисее находится довольно внушительная преграда — знаменитый Осиновский порог, который в старину называли Камнем. Все, что было ниже этого порога по Енисею, называлось «под Камнем». И большая река Катанга, которую русские называли Средней Тунгуской, постепенно стала именоваться Подкаменной, то есть рекой, впадающей в Енисей под порогом, под Камнем.

— Долго ли нам плыть до Байкита? — спросил я.

Анатолий подумал:

— Дней пять проплывем. Может, и дольше.

Слева в Подкаменную Тунгуску впадала река Соба. В полукилометре от ее устья мы увидели маленькую безлюдную деревушку.

— Это Соба, — сказал Толя. — Там теперь никто не живет: все перебрались в Панолик и в Оскобу.

— А что случилось, почему разъехались жители?

— Да ничего, просто переселился народ в более крупные деревни, в колхоз, на зверофермы — вот и опустели дома. Таких деревушек на Подкаменной, говорят, много.

После Собы опять потянулись равнинные берега с многочисленными болотами и чахлой тайгой.

Неожиданно впереди взлетела большая стая уток.

— Утятинки хочется, — сказал Савватеев. — Давайте поохотимся!

Я взял ружье и уселся на носу лодки.

— Сейчас они сядут впереди нас, — сказал Анатолий.

Утки, сделав большой круг над рекой, снова опустились на воду. Савватеев немного сбавил скорость и направил лодку к стае. Это были чирки. Анатолий заглушил мотор, и мы стали по инерции приближаться к уткам.

Метрах в тридцати от нас стая взмыла вверх. Я выстрелил. Две птицы, кувыркнувшись в воздухе, упали на воду.

— Ну вот, ужин обеспечен.

Мы подобрали убитых птиц, и наш мотор снова заревел на всю реку.

— Где будем сегодня ночевать? — спросил я.

— Можем остановиться в Оскобе, а можем плыть еще дальше, до Кривляков.

— Где лучше?

— Кривляки далековато, а Оскоба близко. Там самая передовая звероферма во всем Красноярском крае.

— Тогда, конечно, остановимся в Оскобе!

С левого берега в Подкаменную впадала большая река, заросшая высокими кустами ракитника.

— Оскоба, — сказал Анатолий. — Скоро будет и деревня.

Через шесть километров на правом низком берегу показалась и сама деревня Оскоба. Это был уже более крупный населенный пункт, чем те, которые мы встречали в пути после Ванавары. Несколько десятков домов цепочкой тянулись по берегу. Широкая улица разделяла деревню.

В Оскобе мы сделали остановку. Анатолий направился к одной из изб, стоящих близко от берега. На крыльце сидел молодой парень.

— Мне нужен Попов, — обратился к нему Толя.

— Я Попов, — ответил, вставая, парень.

— Привет! Савватеев, — протянул Анатолий руку.

— Савватеев! — радостно удивился парень. — Наконец-то увиделись!

Я с удивлением наблюдал эту непонятную для меня сцену.

— Это коллега, радист, — сказал Толя, показывая на парня. — Много лет каждый день разговариваем по рации, а увиделись только сейчас!

Анатолий ежедневно принимает и передает по радио телеграммы в Байkit, Чемдальск, Стрелку, Муторай, Туру, Мирюгу, Куюмбу, знает по имени всех радистов в этих и многих других пунктах Эвенкии, но никогда еще не виделся со своими коллегами.

В Ванаваре я однажды слышал его разговор с Байкитом.

— Привет, Манечка! Как жизнь молодая? — кричал Толя в микрофон.

Радистка Манечка из Байкита отвечала:

— Здравствуй, Толик! Ну, как погода в Ванаваре? У нас идет дождь. Прими телеграмму.

Это было похоже на разговор радистов береговых полярных станций с радистами судов, плывущих за десятки километров от берега.

Наше путешествие даст Анатолию возможность увидаться со многими из своих заочных знакомых в селах вдоль берегов Подкаменной Тунгуски.

Попов любезно пригласил нас в свой дом на ночлег.

На передовой звероферме

В сибирских деревнях встают рано. Чуть показалось за тайгой утреннее солнце — все жители Оскобы уже были на ногах. Колхозники, используя августовские солнечные дни, торопились закончить сенокос.

Не спалось и нам.

— Ну что, посмотрим сегодня черно-бурых лисиц? — спросил я Анатолия.

— Не черно-бурых, а серебристо-черных! — поправил он меня.

Мы направились на звероферму, которая находилась в лесу, в трех километрах от села. Попов, замещавший в это время начальника почты, выделил нам подводу, на которой мы повезли нашу киноаппаратуру. Неприятный запах, доносившийся из леса, давал знать, что звероферма близко.

Живописная лесная дорога скоро вывела нас к высокому деревянному забору.

У ворот нам встретился низкого роста, скромный на вид молодой мужчина в очках.

— Здравствуйте. Мне только что позвонил Попов и сказал, что едет кинооператор. Это вы?

— Это мы, — важно ответил Анатолий. — Гримируйте ваших лисиц!

Человек в очках улыбнулся и пригласил нас в контору зверофермы. Мы познакомились. Это был знатный зверовод Иван Егорович Пикалов.

После знакомства Пикалов повел нас осматривать звероферму. Проходя вдоль забора, мы с Анатолием обратили внимание на две высохшие медвежьи лапы, прибитые гвоздями к доскам. Я удивился и хотел было спросить, зачем они здесь, но Пикалов опередил меня:

— Пршшлое лето повадился к нам Топтыгин. Видно, почуял лисий запах. Мы его и прикончили. Сами попробовали медвежатники, а большую долю мяса лисам скормили. Эти лапы прибили на память.

Лапы были огромные, с когтями чуть ли не в десять сантиметров длиной, и вызвали восхищение у Толи, заядлого охотника:

— Ох, и здоровый, видать, был!

— Да, мяса с костями было до четырехсот килограммов да плюс шкура — все вместе почти полтонны, — сказал Пикалов.

Иван Егорович показал нам серебристо-черных лисиц в клетках, в вольерах и под специально затененным навесом. Торопясь использовать драгоценное светлое время, я заснял несколько эпизодов у клеток с участием самого Пикалова и его помощницы-кормача. Мы даже зашли с киноаппаратом прямо в вольер, где бегали уже подростки лисята. Они сначала дичились нас, потом, привыкнув, начали резвиться, перепрыгивать друг через друга.

Я смотрел на молодняк и удивлялся этой оригинальной породе лисиц с черной шерстью и длинными седыми ворсинками, за которые и называют их серебристыми.

— Встречаются ли такие в тайге? — спросил я Пикалова.

— Старые эвенки рассказывали, что очень много лет назад встречались как исключительная редкость отдельные особи, отдаленно похожие на современных серебристо- черных лисиц.

— А эти откуда появились?

— Эту породу постепенно вывел и улучшил человек.

В далекие времена охотникам иногда случайно попадались лисицы, цветом шерсти совершенно непохожие на своих рыжих собратьев. К этим особям люди проявляли больший интерес, чем к рыжим лисицам, стараясь всеми способами добыть их живьем. Одному из охотников, очевидно, повезло — он стал обладателем пары живых зверьков, которые дали приплод, унаследовавший все признаки своих родителей. Этот счастливец-охотник невольно стал первым селекционером, первым звероводом.

Благодаря особому уходу и питанию шкурки зверьков постепенно улучшались. Звероводство стало массовым явлением. У одного охотника зверьки давали лучший приплод, чем у другого. Люди обменивались ими и постепенно, может быть невольно, улучшали породу.

— Вот и мы стараемся улучшить качество шерсти серебристо-черных лисиц, пользуясь, конечно, при этом многолетним практическим опытом и достижениями пауки.

Пикалов повел нас к вольеру, который был совершенно изолирован от солнечного света; клетки в нем стояли почти в темноте. Здесь он продолжил свой рассказ:

— На опыте мы убедились, что под действием солнца шкурки у лис становятся хуже, чем у тех зверьков, которые содержатся в полумраке. Оказалось, что в темноте шерсть созревает до нужной кондиции примерно на двадцать пять дней раньше, чем в нормальных световых условиях, и бывает гораздо темнее той, которая подвержена действию солнечного света.

Благодаря этому открытию оскобская звероферма стала одной из лучших и передовых не только в Эвенкийском национальном округе, но и во всем Красноярском крае — она сдает государству шкурки высокого качества в сокращенные сроки.

К концу дня, закончив киносъемку, мы вернулись в Оскобу вместе с Пикаловым. Прощаясь с нами у своего дома, он сказал:

— Прошу вас часика через полтора зайти ко мне. Посидим за чашкой чаю, поговорим. Угощу вас сибирским деликатесом — рыбой с душком. Пробовали когда-нибудь?

Вечером мы с Анатолием сидели за столом в кругу семьи Пикалова. Стол был уставлен едой. На одной из тарелок лежала рыба, издававшая специфический запах, который нельзя было назвать

приятным. Это были сиги, окуни и даже щука. Были и маленькие рыбки, величиной с кильку.

— Это тугунок — наше местное лакомство, — сказал Иван Егорович.

Я впервые пробовал рыбу с душком. На первый взгляд она кажется полуразложившейся: мясо слабое, едва держится на костях.

Чтобы не обидеть хозяина, я заставил себя съесть несколько тугунков. Пикалов и Толя следили за мной. После нескольких кусков я как будто привык к необычной пище, а через некоторое время уже был абсолютно убежден, что рыба с душком — замечательная закуска. По вкусу это несколько напоминало анчоусы.

— Кто же придумал это интересное блюдо? Сибиряки? — спросил я Пикалова.

— У сибиряков оно широко распространено, но придумали его, наверно, северные народы. Эвенки, например, складывали пойманную рыбу в ямы, держали ее там некоторое время и, когда она приобретала душок, употребляли в пищу. Это считалось лакомством.

Некоторые с пренебрежением относятся к подобным народным блюдам, но что поделать с силой привычки? Здоровые простые уральцы с наслаждением, например, едят редьку с квасом, от которой воротит скулы; эвенки едят сырую печень северного оленя и теплый костный мозг только что убитого лося.

Я сам видел на охоте, как молодой эвенк, потрошивший только что подстреленного глухаря, вынул его печенку и тут же съел ее.

В другой раз я видел, как восьмимесячная эвенкийская девочка, капризничая, выплевывала картофельное пюре, но уцепилась ручонками за кусок вареного мяса и с наслаждением стала его сосать.

О разных вкусовых привычках мы разговорились за столом. Вспомнили о грибах.

— Ну что вы скажете, — начал Пикалов, — некоторые эвенки, особенно старые, удивляются, что мы, русские, с удовольствием едим грибы. Они считают грибы оленьей пищей и смеются над нами.

— Мой батя ежегодно засаливает на зиму полную бочку грибов, — сказал Анатолий.

— Мы с женой тоже очень любим грибы и готовим их на зиму. Это в привычке у всех сибиряков, — подтвердил Пикалов.

Я вспомнил, что во время метеоритной экспедиции по пути мы собирали грибы и потом клали их в кашу, в суп, а проводник Андрей Дженкоуль смеялся над нами:

— Зачем у оленей отбираете еду!

По дороге он тоже собирал грибы, но отдавал их своим оленям. Андрей с детства привык употреблять в пищу дичь, лучшие породы лососевых рыб, мясо сохатого, северного оленя и, конечно, не понимал, как можно есть то, чем питаются животные.

Наша беседа затянулась далеко за полночь. Когда мы вышли втроем на улицу, Оскоба спала. Над крышами домов блестело звездами ночное небо. Огромный ковш Большой Медведицы висел над деревней. Черной стеной окружала Оскобу тайга. Стояла тишина.

Мы посидели на крыльце дома, покурили. На прощание Пикалов сказал нам:

— Счастливый вам путь на завтра!

В Кривляках

Рано утром мы покинули Оскобу. Туман еще не успел подняться с реки. Временами наша лодка оказывалась в молочной пелене и берегов не было видно. Савватеев приглушил мотор, боясь наскочить на мель.

Мы плыли в утренней прохладе. С берегов тянуло лесными запахами: были в них и аромат цветов, и сырость болот, и пьянящий дух багульника.

Проплыли таежную речку Чавиду. После большого поворота Подкаменной на левом берегу показались разрушенные строения. Это Сользавод. Когда-то здесь добывали соль и возили на подводах в Кежму.

Несколько ниже того места, где в Тунгуску впадает Рассольная, мы причалили к берегу. Анатолий нагнулся через борт и, зачерпнув в ладони воду, попробовал.

— Соленая!

Я тоже зачерпнул пригоршней воду. У самого берега она действительно имела слабый солоноватый вкус. Очевидно, вода в Рассольной насыщена соленым раствором, и в месте своего впадения в Подкаменную Тунгуску эта речка слегка подсаливает ее воды. Говорят,

что соляные ключи выходят по берегу реки у самой воды, но мы не стали искать их.

Поплыли дальше. Над нами чистое небо и яркое солнце. Погода для съемки, казалось бы, идеальная, но я редко беру в руки кинокамеру — берегу киноплёнку для вечера.

Я давно уже отказался от любительского убеждения, что снимать можно только при ярком солнце, и для съемки пейзажей ловлю утренние или вечерние часы. И вот почему. Днём все залито солнечным светом и нет той приятной светотени и характерных нюансов освещения, какие бывают ранним утром и особенно в вечерние часы, перед закатом. Днём фотографическое изображение получается чересчур резким и монотонным, лишено тональной перспективы.

...Неожиданно пейзаж резко изменяется — берега приобретают живописные очертания, становятся холмистыми.

Подкаменная принимает характер горной реки, течение усиливается, кое-где показываются небольшие скалы и утёсы.

— Толя, мне здесь нравится!

— Это Кривляки. Названы так за то, что река в этом месте туда-сюда кривляет.

Помню, в Ванаваре мне говорили, что Кривляки — самое интересное место на участке Ванавара — Байкит. Не знаю, что будет дальше, но здесь хорошо! Веселые пригорки с сосновым бором сбегают к реке. Тунгуска петляет из стороны в сторону, на крутых поворотах упирается в высокие лесистые холмы со скальными обнажениями.

Время за полдень. Можно ещё плыть да плыть, но не хочется пропустить живописное место на реке, не засняв его на киноплёнку.

— Анатолий, давай остановимся!

— И верно! Порыбачим и поохотимся.

Он круто поворачивает лодку, и мы с разгону влетаем на каменистый берег.

Выгружаем снаряжение. Здесь будет поставлена наша первая палатка.

Мне хочется увидеть эти места в вечерние и утренние часы.

— Здесь можно и заночевать! — говорю я Анатолию.

— Правильно! Вечер — лучшее время для охоты, а раннее утро — для рыбалки.

— И поснимаем!

В хлопотах по устройству лагеря быстро проходит время. Пока ставили палатку, таскали дрова из лесу, разводили костер и готовили еду, день перевалил на вторую половину, а потом подкрался и вечер. Я не ошибся в своем предположении: в лучах вечернего солнца Кривляки приобрели еще большую прелесть.

Савватеев приготовил спиннинг и пошел по берегу, время от времени закидывая блесну в реку.

— Таймешка хочу изловить! — крикнул он.

Я занялся кинокамерой. Рядом с нашим лагерем отцветали последние даурские лилии. У одного симпатичного цветка я и установил киноаппарат, чтобы заснять его крупно, во весь экран. Долго и не спеша пристраивался, выбирая наилучший ракурс.

Вдруг возле меня упал мелкий камешек. Я вздрогнул от неожиданности и посмотрел на Савватеева. Толя энергично махал руками и показывал куда-то вниз по реке. Я тревожно взглянул туда... и замер: в полукилометре от нас вдоль освещенного заходящим солнцем берега двигалось какое-то животное.

— Это же медведь!

Савватеев бросил спиннинг и, пригибаясь к земле, побежал к лодке за ружьем.

По берегу, медленно удаляясь от нас и настороженно посматривая в нашу сторону, действительно шел медведь. Я схватил кинокамеру и бросился за телеобъективом. Судорожными движениями я старался заменить один объектив другим. Ничего не получалось.

— Снимайте! Снимайте, а то удерет! — кричал Анатолий, заряжая двустволку.

Наконец я включил киноаппарат. Через телеобъектив было видно, как зверь, с опаской оглядываясь, удалялся по направлению к лесу.

— Ушел! — сказал с досадой Анатолий. — Вы что-нибудь засняли?

— Сам не пойму: то ли снял, то ли не снял, — с не меньшей досадой ответил я.

Киноохота не удалась. Случай с медведем на какое-то время ошеломил нас, и мы уже не могли ни за что взяться. Сидя у тлеющего

костра, мы обменивались мнениями по поводу неожиданного появления зверя на берегу.

— Не заглянет он к нам ночью? — спросил я.

— А кто его знает. Надо зарядить на всякий случай ружья жаканом.

Встреча с хозяином тайги, как называют медведя, всегда вселяет в людей некоторый страх и настороженность. Шутка ли, встретиться с ним в безлюдном лесу! В Сибири говорят: «С медведем лучше не встречаться!» Ну, а если он сам пожелает с нами встретиться? Что тогда?

Анатолий, чтобы развеять мрачные мысли, взял ружье:

— Пойду-ка поохочусь на рябчиков, что ли. Посвистывали вон там, по ручью.

— Не забудь жакан взять с собой!

Анатолий направился в лес, а я пошел со спиннингом по берегу. После долгих и бесполезных закидываний блесны мне попалась небольшая щука. Вскоре в лесу один за другим прогремели два выстрела. Спустя несколько минут из тайги показался Анатолий. Он подошел к лагерю и бросил возле костра двух рябчиков. Я положил рядышком с ними свою щуку.

Незаметно подкралась темнота. Мы развели костер посильнее, запекли наши трофеи на палочках. Лучшей еды нельзя было желать!

Черной стеной стоял прибрежный лес. Ярко горели звезды над рекой. Громко потрескивали сучья в костре. Искры роем неслись в вышину, исчезая в ночном звездном небе.

Мы сидели у огня, прислушиваясь к шорохам в тайге. Я ловил себя на мысли: «Не смотрит ли на огонек нашего костра пара звериных глаз из темной чащи?» Уж очень свежо было впечатление от недавней встречи с медведем.

Ночь прошла тревожно.

Утренний туалет (фотоснимок А. Миссюры)

Ранним утром, когда едва только рассветало, мы вылезли из палатки. С опаской оглядели берега: не пожаловал ли Топтыгин утречком на водопой?

— Рыба сейчас должна хорошо брать, — сказал Анатолий. Пoryбачим?

Мы разошлись со спиннингами в разные стороны по берегу.

Эти места порадовали нас прелестными картинами рассвета. Сначала заалели вершины деревьев на высоких береговых холмах. Потом над водой пополз низкий туман. Пурпурно-малиновый оттенок на деревьях сменился теплым оранжевым; на реку легли длинные тени берегового леса.

На воде заискрились в струйках солнечные блики. Природа вдруг наполнилась какой-то неумемной радостью пробуждающейся жизни. В лесу слышались голоса птиц.

Я сменил спиннинг на киноаппарат. В эти минуты киносъемка для меня была дороже рыбалки. Да и к тому же я поймал только двух окуней. У Савватеева, как я заметил, дело шло куда лучше. Он часто вытаскивал на берег бьющихся рыб.

Всю оставшуюся часть утра я посвятил киносъемке.

Анатолий закончил рыбалку и притащил к палатке свой улов. У него тоже были окуни и несколько щук.

— Так хочется поймать тайменя! Что-то не берут они здесь, — сказал он с досадой.

Позже у костра мы снова на палочках готовили свой неприхотливый завтрак. Рыбы было много. Часть ее засолили в дорогу.

— Поплывем, Анатолий, дальше. Утро уж очень хорошее!

— Правильно. Пораньше отправимся — дальше будем.

К устью реки Тайги

Приятно плыть по реке ранним утром!

Неподвижен воздух. Водная гладь не морщится от порывов ветра, какой бывает среди дня. В реке как в зеркале отражаются береговая тайга, крутые пригорки и нежно-голубое небо. Какая тишина!

Но к полудню погода меняется. От легкого ветерка уже колышутся листочки на осинах. Из всех деревьев листья осины наиболее чувствительны к самым ничтожным движениям воздуха.

Закачались ветви лиственниц. Это подул ветерок посильнее. А вскоре и легкие порывы ветра местами сморщили поверхность реки. На наших глазах над Подкаменной Тунгуской стали возникать облака.

На одном из крутых поворотов Кривляков на левом берегу стоит небольшая скала Поп. Трудно сказать, за что получил такое название береговой утес: то ли за некоторое сходство с фигурой священнослужителя, то ли за то, что торчит он таким приметным столбом, какие на реке нередко называют попами.

Кое-где по руслу реки нам встречались мели и шиверы. Шиверой в Сибири называют гребневидное повышение дна, через которое река бурно перекачивает свои струи. Дно в таких местах, так же как и на порогах, бывает устлано беспорядочно разбросанными камнями.

На мелях лодка то и дело скребла дно реки, но нас это не беспокоило. Зато на шиверах, когда она неожиданно ударялась о подводный камень, Анатолий настораживался:

— Здесь надо держать ухо востро! Потонуть можно!

Надо сказать, шивер в Кривляках довольно много, и в низкую воду там легко затопить лодку. Удар о камень, лодку резко разворачивает, вода захлестывает ее — и вы оказываетесь в реке. Проплывать шиверы следует с такой же осторожностью, как и пороги. Невзрачная, казалось бы, шивера, а сюрпризы может преподнести такие, каких порой не ждешь и от порога.

Перед устьем реки Чадошемо окончились крутые повороты Кривляков. Снова потянулись невысокие однообразные берега. Показалась одинокая изба на правом берегу, несколькими километрами ниже — другая.

— Что за дома?

— Наверно, скоро будет Мирюга.

Я смотрю на карту. Правильно! Это Мирюгинская заимка. Скоро будет и сама деревня.

Мы плывем по длинному, десятикилометровому плесу. Берега Подкаменной Тунгуски здесь очень похожи на те, что выше Ванавары, когда плывешь к устью Тэтэрэ, — холмистые и заросшие густым лесом.

Река круто повернула влево, и на правом берегу показались серые домики небольшой деревни Мирюги. Здесь мы делаем небольшую остановку: Анатолию надо перелить бензин из бочки в бачок.

К нашей лодке подбежали две деревенские девочки и, стоя в стороне, робко разглядывали нас. До нашего слуха долетел разговор:

— Купаться будем?

— А плавать-то научилась?

— Нет еще.

— Так ты чё, Манька, с ума спятила ли, чё ли!

— А што? Утону так утону. Не все же мне жить на белом свете.

Мы с Анатолием посмотрели друг на друга и прыснули со смеху. Девочки притихли. Немного погодя одна из них шепотом сказала:

— Эспедиторы.

Это относилось к нам. Взрослые здесь часто называют экспедиторами геологов и прочих путешествующих людей.

От домов на берег спустился старичок, подошел к нашей лодке. Мы поздоровались с ним.

— Докуда плывете-то?

— До Байкита.

— Панолик-то как прошли?

— Берегом провели лодку.

— Вот молодцы! Впереди-то, за деревней, с версту, тоже порожек будет, Мирюгинский. Не лезьте на рожон! Всяко бывает.

— А мы не имеем права рисковать, дедушка, у нас аппаратура. Мы опять бережком переведем, — объяснил Толя.

— Ну вот, это будет дело. Смельчаки-то тут не раз купались. Да и то было бы ничего, а то ведь погибнуть можно! Страсть как там кипит вода!

— Спасибо, дедушка, за совет. Мы будем осторожны.

— Ну вот. Плывите с богом.

Бачок был залит бензином. Мы еще поговорили с дедом, доставив ему этим большое удовольствие, и отчалили от берега.

Перед нами проплыли последние домики деревни Мирюги. Вскоре впереди на реке забелели буруны. Это Мирюгинский порог. Мы снова жмемся к правому берегу, куда устремляется основной слив и где гораздо глубже. Беспокойство за пленку и аппаратуру заставляет нас и на этот раз остановиться и посмотреть русло. Следуя советам деда, осторожно проводим лодку у правого берега.

Мирюгинскому порогу далеко до Панолика! Он кажется совсем ничтожным после грозных валов своего верхнего собрата. Правда, при неосторожности можно и здесь разбить и потопить лодку.

Мирюгинский порог, как и все другие, расположен в полосе каменистых выходов, называемых траппами. Русло реки в пороге

узкое, сжато каменными обнажениями, течение быстрое. Местность кругом дикая и очень красивая.

Порог показался нам неопасным. Мы с Анатолием пожалели, что послушались старика.

— Надо было плыть прямо через порог! — сказал Толя.

— Пожалуй, можно было бы, — согласился я.

Быстро двигались мимо нас берега с редкими лиственницами. Местами среди тайги показывался сухостой.

На одном из береговых холмов мы вдруг увидели олений караван. Цепочкой, один за другим, олени бойко спустились к реке и остановились, припав мордами к воде. Каюр, не слезая с переднего оленя, подождал, когда они напьются. Потом он дернул за узду, ткнул своего оленя ногами под бока, и караван снова торопливо пустился бежать вдоль берега.

Эта картина напомнила мне своеобразные гравюры красноярского художника, известного мастера эвенкийского пейзажа В. И. Мешкова, удивительно точно передающие облик этого далекого таежного края.

Анатолий посмотрел на небо:

— Тучки собираются!

С северо-запада тянулись дождевые облака. Вскоре солнце скрылось в тучах, и на поверхность реки начали падать тяжелые капли. Каждая капля оставляла после себя большой пузырь, который звучно лопался.

Постепенно дождь усиливался. Частые выстрелы лопающихся пузырей перешли в сплошной шум. На нас обрушился ливень. Анатолий заметил устье ручейка и направил лодку к берегу. Прикрыв брезентом аппаратуру, мы побежали под деревья.

Дождь хлестал свирепо и долго. Наполовину промокшие, мы нетерпеливо стояли под лиственницами.

Ливень прекратился так же неожиданно, как начался. Мы разожгли большой костер, развесили вокруг него свою одежду, вскипятили чай.

Постепенно небо очистилось от туч, выглянуло солнышко, все вокруг повеселело. В солнечных лучах заискрились тысячи капелек на листьях, на хвое, на траве. До деревьев нельзя было дотронуться — они сыпали тучами брызг. Пройдешь по траве — ноги до колен становятся мокрыми.

— После дождичка клюет хорошо, — сказал неугомонный рыболов Толя.

Спустившись к берегу со спиннингами, мы быстро наловили несколько окуней и щук на шашлык.

— А где же твои таймени? — спросил я.

— В верховьях рек скопились все, скоро будут спускаться...

У костра в разговорах время летит быстро. Незаметно наступили сумерки. Мрачной стеной окружала нас прибрежная тайга.

— Смотрите-ка! — крикнул мой спутник.

Я с испугом повернул голову в сторону тайги, куда показывал Анатолий. В темной чаще леса полыхнул яркий огонь.

— Это же луна восходит!

Ночное светило медленно поднималось за лесом. Черные силуэты деревьев и крадущийся между ними диск луны были удивительно, сказочно таинственны...

Я потянулся к аппарату.

— Помоги мне, Толя, — заснимем луну.

— А разве что-то может получиться?

— Попробуем!

Мы отошли от костра, выбрали точку съемки и приготовили кинокамеру. У меня был с собой телеобъектив «Телецентрик» с фокусным расстоянием 325 миллиметров. С его помощью я и хотел заснять луну как можно крупнее. Хотелось схватить момент, когда луна выглянет из-за леса.

Я открыл полностью диафрагму объектива, сбавил ход кинокамеры до четырех кадров в секунду. Когда луна стала показываться из-за острых вершин деревьев, включил киноаппарат. В ночной тишине был отчетливо слышен звук работающего механизма. Стрелка тахометра вздрагивала с каждым кадром.

Среди неподвижных силуэтов деревьев оранжевый диск медленно двигался от одного ствола к другому. Через окуляр кинокамеры движение луны ощущалось еще сильнее: телеоптика значительно укрупняла светило.

— Тысячу раз смотрел на луну ночью, и ни разу она не казалась мне такой красивой, как теперь, — сказал Анатолий.

Ну что ж, бывает и так: человек ни на что не обращает внимания, равнодушен ко всему и вдруг однажды увидит много раз виденные

вещи такими, что поражается, как это он ничего подобного не замечал раньше. Вероятно, и с Анатолием произошло нечто подобное: наша киносъемка открыла ему маленькое окошечко в мир прекрасного.

— Интересная у вас работа, — задумчиво сказал он. — Вам приходится, как художнику, подмечать все красивое в природе.

Через минуту пленка в кассете закончилась. Луна была заснята.

Чем выше поднималось над лесом светило, тем больше изменялся его цвет: из оранжевой луна скоро стала серебряной.

Река при лунном свете была великолепна. Я посматривал то на луну, то на Анатолия, а в голове у меня вертелось: «Согласится или не согласится?»

Анатолий стоял как зачарованный и тоже посматривал то на луну, то на меня.

— Поплыть бы сейчас, — сказал он.

— Ну, ты прямо прочитал мои мысли! — воскликнул я. — Плыдем!

— Только чур без мотора, самосплавом, — предупредил Толя.

— Конечно! Зачем же нарушать ночную тишину?

— Нет, не из-за этого, просто чтобы не наскочить в темноте на подводные камни.

Мы быстро затушили костер и собрали аппаратуру.

Стояла такая тишина, какая может быть только ночью на глухой таежной реке.

Представьте себе: наша лодка, бесшумно уносимая течением, плывет по тихой реке среди ночной тайги. Черные мрачные стены леса сжимают Подкаменную Тунгуску. Крупной серебряной монетой висит луна в зеленовато-дымчатом небе. От нее на воде чуть колеблется световая дорожка. Воздух напоен таинственным безмолвием, разговоры кажутся лишними...

Молчит Толя, молчу и я. Только иногда он пошевелит веслом, поправит лодку, от этого легкий всплеск нарушит тишину, и снова наступает безмолвие.

Вдруг Анатолий что-то заметил впереди.

— Смотрите-ка, смотрите на берег! — прошептал он.

На вдающейся в реку каменистой косе, у самой воды, как изваяние, черным силуэтом стоял лось. Его массивную голову венчали огромные развесистые рога.

Лунный пейзаж теперь приобрел еще большую сказочность. Мы с удивлением смотрели на лесного зверя, который с любопытством следил за нами.

— Вот это бычина! Полтонны мяса! — тихо сказал Толя.

Световая лунная дорожка своим ярким блеском на какое-то мгновение ослепила нас. И как будто он ждал этого мига, лось бесшумно повернулся и тихо пошел по направлению к береговому лесу. Вскоре черная стена тайги скрыла его от наших глаз.

Только сейчас я вспомнил о киноаппарате и пожалел, что картину эту невозможно заснять: увы, нет еще такой пленки, на которую можно было бы снимать при лунном освещении!

Мы снова молчим, наслаждаясь прелестью ночной реки. Внимательнее, чем прежде, смотрим на берега, надеясь снова увидеть какого-нибудь зверя. Так мы плывем долго.

Но вот на правом берегу показались огоньки и едва различимые очертания домов. Послышался лай собак. Это небольшое сельцо Таимба, в прошлом фактория. В ночной тишине отчетливо слышны голоса на берегу. Мы едва различаем темные силуэты людей, зато до нашего слуха ясно доносятся голоса.

— Это кто же ночью-то плывет? Очумели, что ли, они!

— Наверно, лодку украли — вот и гонят ее в темноте!

Мы с Анатолием, улыбаясь, прислушиваемся к разговору.

С берега раздается голос:

— Эй! На лодке! Не хотите ли у нас в Таимбе переночевать?

— Спасибо. Нам и в лодке неплохо! — отвечает Толя.

— Ну как знаете. Было бы предложено.

Быстрое течение скоро уносит нас от деревни, и безмолвные берега снова окружают лодку. Мы так захвачены необычным ночным плаванием, что совершенно забыли о ночлеге! Какое там спать! Хочется плыть и плыть всю ночь до рассвета.

— Спать мы сегодня будем или нет? — спрашиваю я.

— А что-то не хочется! Поплывем до утра!

Река здесь широкая и безопасная, даль при лунном свете просматривается хорошо. Иногда мы чувствуем, что нас подхватывает быстрое течение. По-видимому, в таких местах есть небольшие перекаты, незаметные ночью.

Большинство людей спят ночами и не видят удивительных ночных картин. А ведь не велика беда не поспать одну ночь...

Пока мы плыли, луна заметно переместилась. Теперь она находилась в самом зените. По часам была полночь. Чувствовалась ночная прохлада. Анатолий стал надевать ватную телогрейку.

— Бр-р-р! Холодновато малость!

Я последовал его примеру.

...Мы с Анатолием почти не разговариваем, больше молчим и зорко вглядываемся в черноту береговой тайги. Тишина лесных берегов оказывает какое-то гипнотическое действие — прислушиваешься к ней с замиранием сердца. Вся природа будто уснула, но это только кажется... Мы знаем, что тайга и сейчас полна жизни, — там осторожно бродят звери, летают ночные птицы...

Среди ночного безмолвия я вдруг слышу испуганный шепот Анатолия:

— Михаил Александрович! Михаил Александрович!

Опять что-то заметил, неугомонный человек! Несколько шагов на четвереньках (иначе в лодке не пройдешь), и я возле него. Шепотом спрашиваю:

— Что?

— Вон там кто-то бродит по берегу.

Мы оба уставились вперед. На левом берегу, куда показал Толя, едва различимы три темных пятна: одно большое, два поменьше.

— Это камни лежат на берегу, — шепчу я Анатолию.

— Какое камни! Я видел — только что двигались.

— Может быть, таимбенские жители решили подшутить над нами?

— Да нет! — машет он рукой.

Мы следим за неподвижными черными фигурами. Вдруг два маленьких темных пятна ожили и приблизились к большому, слились с ним. Большая круглая глыба осталась неподвижной. Что за черт! Не собаки ли спрятались за камень?

Но как током пронизывает нас, очевидно одновременно, одна и та же мысль:

— Это, брат, медведица с медвежатами, — совсем тихо говорит Анатолий. — Шутки плохи.

Последнее было сказано таким тоном, что я, ничего не говоря, потянулся к ружью и стал заряжать его жаканом.

Медведица с медвежатами — с этой мохнатой семейкой лучше не встречаться! Самые бывалые охотники-медвежатники не советуют иметь дело с такой опасной компанией. Если одинокий медведь при встрече с людьми, как правило, убегает, то у медведицы-матери совсем иной нрав — ей ничего не стоит бесстрашно броситься на человека. Можно ли быть уверенным, что медведица не кинется сейчас вплавь к нашей лодке?

Анатолий, не выпуская из рук ружья, подсосал шлангом бензин в карбюратор и приготовил пусковой шнур на моторе. Казалось, все было готово для обороны и на тот случай, если потребуется удрать от зверя.

Тихое течение медленно приближало нас к берегу. Мы напрягали зрение, не спуская глаз с таинственного пятна.

Вдруг глыба зашевелилась; до нашего слуха долетело глухое рычание. В ту же секунду из бесформенной темной массы выросли четкие силуэты медведицы и двух медвежат.

Впервые я по-настоящему ощутил страх.

Но вот медведица повернулась и не спеша заковыляла от берега к лесу. За ней, путаясь в ее лапах, бежали два медвежонка. Мы молча следили за неторопливым шествием звериной семьи. Наконец медведи слились с темнотой ночной тайги.

— Вот это да! — произнес Анатолий.

Я вытер ладонью пот со лба.

Как водится в таких случаях, нами овладела неудержимая болтливость.

— А я уже хотел было выстрелить! — с азартом сказал Толя.

— Ну, брат, наделал бы ты кутерьмы! Медведица, пожалуй, бросилась бы к лодке!

— Удрали бы! Я приготовил мотор к запуску.

— А если бы не завелся мотор? Что тогда?

— Да-а, дело было бы хуже. Одна надежда на ружья.

— Кажется, отделались счастливо. Могло быть хуже.

— Похоже на то!

Мы разговаривали довольно громко, позабыв, про ночную тишину. Наши голоса разносились по береговому лесу. Мы слышали

свое эхо и притихли.

На северо-востоке небо над тайгой посветлело. Постепенно зеленовато-матовый оттенок лунного освещения превратился в какой-то неопределенный, сизоватый.

Луна поблекла. Так ярко и величаво сверкала она на ночном небе, а теперь потухла, стала едва заметной. Ночь уступала место дню.

Сильнее стал ощущаться холод. Чувствовалась усталость. Слипались глаза.

Впереди на левом берегу белели квадраты двух палаток.

— Пора спать, — сказал Анатолий сонным голосом.

Мы причалили к противоположному берегу. Кто спит в палатках напротив нас, нам было совершенно безразлично. Едва держась на ногах, мы расстелили брезент на гальке, развернули спальные мешки и заснули мертвым сном.

Неожиданные спутники

Проснулись мы от жары: солнце, давно уже поднявшееся над тайгой, нагрело спальные мешки. На противоположном берегу возле палаток по-прежнему никого не было. Дымил костер. Возле берега стояли две лодки.

— Кто бы это мог быть? — сказал Анатолий, глядя сонными глазами на палатки.

Палатки стояли на ровном мысу у впадения в Подкаменную Тунгуску большого притока. Похоже было, что мы находились против устья речки Тайги. Отсутствие обитателей в незнакомом лагере нас озадачило.

Но вот в глубине леса за палатками прогремело несколько выстрелов.

— Охотники, наверно, или экспедиция какая-нибудь, — сказал Толя.

В любом случае встреча с людьми меня радовала.

— Ну что ж, вставать будем? Костер разведем, еду приготовим.

Сварили традиционную гречневую кашу с мясной тушенкой. На десерт — чай с сухим молоком.

Вскоре к палаткам на противоположном берегу вышли три человека, увешанные ружьями. Сбросив на землю трофеи, они посмотрели в нашу сторону. Было ясно, что и мы их заинтересовали.

Один из охотников сел в лодку, завел мотор и направился к нашему берегу. Вскоре к нам подошел молодой светловолосый парень среднего роста, в очках.

— Здравствуйте, товарищи, — проговорил он басом.

Мы поздоровались и пригласили его разделить с нами завтрак.

— Спасибо. Далеко ли направляетесь? — спросил гость.

— Вниз по Подкаменной.

— Смелое путешествие! — улыбнулся он.

— А вы давно здесь?

— Третий день. Завтра думаем тоже плыть вниз.

— Вам не встречалась экспедиция Сыроечковского?

Парень улыбнулся и, показав рукой на палатки, ответил:

— Это и есть экспедиция Сыроечковского.

Неожиданное известие радостно ошеломило меня.

— А как мне повидаться с вашим начальником? — спросил я гостя.

— Он перед вами, — пробасил парень.

— Как?! Вы?!

— Я Сыроечковский, — спокойно ответил басом гость.

На какое-то мгновение я был в замешательстве: Сыроечковского я представлял себе человеком почтенного возраста, с бородой, как у Флоренского. А передо мной сидел молодой парень с загорелым лицом, в ковбойке, в высоких болотных сапогах, в туристской штормовке.

Мы весело рассмеялись. Я представился Сыроечковскому и рассказал ему о цели своего путешествия.

— Присоединяйтесь к нам, — пригласил он, — будет веселее. Мои ребята приготовят дичь, закусим вместе. А завтра можем общим караваном направиться вниз по реке.

Предложение обрадовало меня. Я мог теперь заснять интересный эпизод об исследователях фауны берегов Подкаменной Тунгуски.

Вскоре мы собрали свой скарб и переплыли к палаточному лагерю экспедиции.

Экспедиция Сыроечковского оказалась совсем маленькой. Евгений Евгеньевич, как звали начальника, познакомил нас со своими спутниками — высоким Володей Радиным и небольшого роста Сергеем Пугачевым, такими же молодыми, как он сам.

В лагере возле палаток лежали большие ящики, на них были расставлены пробирки, колбы, склянки и банки с заспиртованными животными — ящерицами, змеями и прочими. Внутри одной из палаток на протянутых веревках висели чучела птиц и зверьков.

Пока Толя и двое ребят потрошили уток, Евгений Евгеньевич рассказывал мне о работе зоологической экспедиции.

Евгений Евгеньевич Сыроечковский — научный сотрудник Института географии Академии наук СССР в Москве. Этот молодой ученый — опытный путешественник, искусный охотник и рыболов и страстный поклонник Сибири. Он побывал уже на Алтае, на Енисее, на Нижней Тунгуске, в горах Путорана, на Байкале и во многих других местах.

Я с интересом смотрел на него и невольно вспоминал своих неудачных спутников в прошлых экспедициях вроде вышеупомянутого Давида. Какая огромная разница! Один горожанин всецело отдает себя природе, путешествиям, научной работе, другой — ненавидит природу.

Экспедиция имела своей целью научный отстрел животных и птиц в бассейне реки Подкаменной Тунгуски. Здесь же, в полевых условиях, готовились чучела. Оказалось, что Сергей и Володя — искусные препараторы. Чучела — дело их рук.

Ящики, стоящие у палаток, были уже заполнены чучелами и склянками с заспиртованными животными.

Для отстрела экспедиция специально выбирала лесистые места на устьях притоков Подкаменной Тунгуски. Так было выбрано и устье речки Тайги. Речка вполне оправдывала свое название: вдоль этого большого притока тянутся огромные лесные массивы. Еще в Ванаваре мне говорили, что на этой речке лучшие токовища глухарей.

В те времена, когда здесь проезжал Тугаринов, в устье речки Тайги было расположено стойбище эвенков. Невольно обращаешь внимание на то, что охотничьи избышки здесь почти всегда стоят на устьях речек. Рыбаки знают, что при впадении притока в большую реку скапливается рыба, особенно таймень и ленок. Охотникам

известно, что в береговой тайге вдоль ручьев скорее, чем где-нибудь, встретишь рябчиков, глухарей и других промысловых птиц.

Все это прекрасно знал Евгений Евгеньевич, и экспедиция его всегда останавливалась в таких изобилующих животными местах.

В разговорах и знакомстве с хозяйством Сыроечковского незаметно прошла остальная часть дня. Ярко горел костер между тремя палатками. Возле огня нас теперь было пятеро. Царило веселье. Рассказывались всевозможные истории.

Вспоминая о только что состоявшейся метеоритной экспедиции, я назвал проводников-эвенков Андрея и Афанасия.

— Андрей Дженкоуль — мой большой приятель, — сказал Сыроечковский.

Оказывается, Евгений Евгеньевич и в прошлое лето был на Подкаменной Тунгуске и ходил с Андреем Дженкоулем в тайгу на охоту.

Я стал припоминать: действительно, Дженкоуль что-то рассказывал мне о Сыроечковском.

— Постойте! Вспомнил! Андрей говорил, что он вывихнул ногу и вы вынесли его из тайги на своих плечах.

— Было такое дело...

— Дженкоуль называл вас хорошим человеком.

Евгений Евгеньевич скромно улыбнулся.

Сыроечковский и его спутники могли рассказать много интересного: они каждый день на охоте, в походах по тайге.

Анатолий спросил у Володи:

— Не надоело стрелять?

— Не-ет! Вот только на плече уже синяки от приклада, — шутя пожаловался Володя.

— Не сходить ли нам с вами на киноохоту? — спросил я Сыроечковского.

Евгений Евгеньевич хитро посмотрел на меня сквозь очки.

— Сказать по правде, нежелательно: вы распугаете дичь шумом киноаппарата.

— А я думаю наоборот: вы своими выстрелами испортите нам киноохоту.

— Ну вот видите, мы с вами разные охотники, хотя ваша работа для зоологов может быть очень полезной. Съемка живой природы для

науки — дело ценное.

— Да, мое «ружье» никого не убивает на охоте.

Сидящий рядом Анатолий толкнул меня локтем и шепнул:

— Не напрашивайтесь: мы сами недурно поохотимся.

Сыроечковский был, конечно, прав: у них определенная задача, и мы будем только мешать им. Снимать процесс отстрела животных мне не хотелось. В том, как падает сраженная дробью дичь, нет ничего привлекательного.

Здесь мы можем заснять быт исследователей, процесс изготовления чучел в экспедиционных условиях. А для съемки птиц и животных в лесу нам выгодно ходить без единого выстрела. Поэтому зоологи для нас плохие попутчики: разгонят дичь своими ружьями, а потом ищи ее по тайге!

На этом мы все сошлись единодушно.

На западе у самого горизонта небо горело ярко-красным цветом. Цветные полосы веером расходились по небу от того места, где зашло солнце. Был тот переломный момент от вечера к ночи, когда еще не наступила темнота и все вокруг хорошо видно, — «режимное время», как выражаются кинооператоры.

— Толя, будем снимать!

Мы предупредили зоологов, что заснимем коротенький эпизод у вечернего костра на цветную киноплёнку.

— Может ли у вас что-то получиться? — спросил Сыроечковский.

— Объясню потом, — ответил я, торопливо готовя кинокамеру.

Мы с Анатолием быстро приготовили аппарат для съемки. Я рассадил у костра людей, рассказал, что должен делать каждый, инсценируя отдых в вечерние часы в лагере.

Я открыл максимально диафрагму светосильного объектива и сбавил ход кинокамеры до самого замедленного — тахометр показывал четыре кадра в секунду. Всех участников съемки я строжайшим образом предупредил, чтобы они — берут ли чайник с костра, пьют ли из кружки, разговаривают ли друг с другом — делали очень медленные движения.

— Теперь я, кажется, вас понимаю. При таких условиях действительно может получиться, — сказал Сыроечковский.

Я включил киноаппарат, и он стал работать так же медленно, как при съемке луны. «Актеры» добросовестно выполняли все мои

требования. Точки съемки я выбирал так, чтобы в кадре был светлый участок неба, на фоне которого рисовались бы полусилуэтами люди у костра.

Через какие-нибудь десять минут я заснял несколько общих, средних и крупных планов.

Теперь я мог объяснить Сыроечковскому, чего я добивался.

Для такого рода съемок нужно помнить следующее. Прежде всего надо поймать «режимное время», когда еще не темно и в то же время не светло в полном смысле. Момент этот короткий, и его надо успеть использовать, потому что через пять — десять минут будет уже поздно: наступит темнота.

Следует полностью открыть диафрагму объектива, а ход киноаппарата поставить на минимальное количество кадров в секунду. И при этом надо не забыть попросить своих товарищей, участников съемки, двигаться как можно медленнее.

Почему, спросите вы, если не совсем улавливаете смысл этого условия. Да потому, что вы фактически производите покадровую мультипликационную съемку, при которой нормальные движения человека на экране будут выглядеть неестественно быстрыми. А когда вы заставляете товарищей двигаться очень медленно и снимаете с замедленной частотой, при проекции на экран все их движения будут казаться почти нормальными.

Спустя несколько минут после того, как я закончил съемку, наступила темнота. Небо на западе потухло; осталось только слабое красноватое пятно.

Еще долго сидели мы у костра, разговаривали, пили чай. Первым направился в палатку Володя, за ним пошел Сергей. Скрылся в нашей палатке и Анатолий.

Мы с Евгением Евгеньевичем еще немного посидели у костра. Он рассказал мне о планах своей экспедиции.

После речки Тайги они должны направиться вниз по Подкаменной до Чуни, по ней поднимутся до села Тычаны. Село будет базой их экспедиции. По Чуне они совершат несколько маршрутов, произведут в ее русле отстрел, потом спустятся по Подкаменной Тунгуске до Енисея.

Мы договорились отправиться завтра общим караваном и тоже улеглись спать.

Среди ночной тишины слышался треск сучьев в костре. Красный отсвет пламени еще долго плясал на брезенте палатки.

От Тайги до Турамы

Утро было пасмурное. Сплошная серая пелена на небе предвещала дождь.

— Не случайно закат был вчера красный — вот и ненастье, — сказал Анатолий.

По старинной народной примете, оранжевый, с мягкими теплыми тонами закат обещает хороший солнечный день, а зловеще красный почти всегда сулит пасмурную погоду. В большинстве случаев эта примета оправдывается.

Мы собираемся в дальнейший путь. У нас с Анатолием не так уж много груза. Но каково зоологам? У них две большие палатки, несколько ящиков с чучелами. Пришлось, конечно, помочь нашим новым спутникам.

Но вот все уселись в лодки. Разом взревели два мотора. Громкий рокот огласил тихие утренние берега таежной реки.

Сказать по правде, шум моторов не украшает лодочное путешествие. Он неприятен там, где сама природа располагает к тишине, к благодатному отдыху.

С появлением лодочных моторов рыбаки и охотники выгадали только в одном — они стали намного быстрее передвигаться по реке. Моторы — большое удобство, но вместе с тем они принесли и неоспоримое зло: зверь стал более пуглив, рыбы нет в реке там, где часто плавают моторные лодки. Об этом говорят сами рыбаки и охотники.

Не раз приходилось встречать такое: моторная лодка плывет еще где-то далеко, за пять — восемь километров, а рев двигателя уже слышен, как будто лодка совсем рядом.

Мы с Анатолием мчались впереди. Наши спутники немного отставали: они буксировали вторую лодку, тяжело груженную ящиками. Приходилось кричать, чтобы слышать друг друга.

Темные тучи нависали над унылыми лесными берегами. Казалось, серая нижняя кромка облаков касается прибрежных

деревьев. В глубине леса стояла туманная дымка.

— А дождичек все-таки будет! — прокричал Толя.

Мы проплыли несколько притоков, в том числе речку Черемо, впадающую в Подкаменную Тунгуску слева. После ее устья река резко поворачивает, круто огибая небольшую сопку, и дальше течет среди низких берегов, вытянувшись в длинный и широкий плес.

Унылы и однообразны были здесь берега, от природы веяло предосенней печалью, но и в этом, пожалуй, была своя прелесть.

Прогноз Анатолия оправдался. Дождь подкрался к нам незаметно, исподтишка. Сначала мельчайшей моросью он стал оседать на одежде, потом заморосил мелкими-мелкими капельками, покрыв поверхность реки замысловатым рисунком из маленьких кружочков. Это был не тот ураганный дождь из крупных капель, под который мы с Анатолием попали недавно и который налетел внезапно и так же внезапно кончился, этот дождь обещал растянуться надолго.

Анатолий сбавил ход, и мы приблизились к лодкам зоологов. Евгений Евгеньевич сидел за рулем. Он молча показал рукой вперед. На правом берегу сквозь водяную дымку вырисовывалось строение.

С ревом наши лодки направились к берегу; там, вблизи устья небольшого притока, стояла ветхая охотничья избушка.

— Это речка Чандымба, — сказал Сыроечковский. — Переждем здесь дождь.

Мы обследовали наше пристанище. Изба была пуста. Вдоль одной из стен тянулись нары. В углу за дверью на земляном высоком фундаменте была устроена маленькая железная печка. У окна стоял примитивный стол. На нем валялись пустые консервные банки, кружки и котелки.

— Это охотничье зимовье, — обвел взглядом избу Толя.

— Здесь и ночевать неплохо, — добавил Сергей.

Но Сыроечковский возразил:

— Нет смысла. Переждем дождь и поплывем дальше.

Все взглянули на часы. Был еще полдень. До вечера можно проплыть большое расстояние.

— Но погреться чаем не мешает и здесь! — сказал Анатолий.

С этим согласились все. Из лодок была принесена посуда, и мы расположились в избе по-домашнему.

Дождь не переставал. Листва и хвоя на деревьях были обильно смочены водой. Ветки кедров и лиственниц искрились множеством капелек. На каждой хвоинке висела крупная слеза; время от времени она скатывалась на землю, и ее место на конце хвойной иглы тут же занимала другая капелька. По лужам беспрестанно сыпала мелкая дождевая дробь.

Чем дольше я смотрел на эти детали дождевого пейзажа, тем больше они мне нравились.

— Толя, поснимаем?

— Что вы! Зальет аппарат водой!

— Давай попробуем!

Еще во времена немого кино известный голландский кинорежиссер Йорис Ивенс снимал город при дожде. Эти съемки были тогда шедевром киноискусства и вызвали немало удивления.

Я смотрел на мокрые листья кустарников, на хвою, сплошь усыпанную водяным бисером, на ягоды голубики, с которых капля за каплей падала вода. А что, если попытаться заснять киноэтиюд «Тайга в дождь»?

Тем временем Анатолий сходил к лодкам и принес в избу киносьемочную аппаратуру.

— Неужели вы и в дождь отважитесь снимать? — спросил Сыроечковский.

— Попробуем!

Мы накрыли аппарат большим куском целлофана и вышли с Толей из избы. Хотелось заснять ветки, усеянные водяными каплями, падающие в лужи дождевики... Лужи надо было снимать в первую очередь, так как дождь мог внезапно прекратиться.

К нашему счастью, дождь был в самом разгаре. Мы облюбовали наиболее живописную лужу, в которой отражался лес. Затем перешли к веткам кедров и лиственниц, засняли висячие капли на концах хвойных игл. С этим кадром тоже нужно было спешить: капли могли внезапно обрушиться.

Анатолий держал надо мной кусок целлофана, защищая меня и аппарат от дождя. Тем не менее кинокамера скоро покрылась влагой. На передних линзах объективов уже искрились мелкие водяные бусинки.

Крупно, во весь экран, я заснял мокрые ягоды брусники и голубики. С них "падали большие дождевые алмазы. Это выглядело забавно: ягоды словно плакали.

Неподалеку от избушки мы нашли огромный развесистый куст черемухи. Он весь был усыпан спелыми черными ягодами. Омытые дождем плоды черемухи сверкали особым блеском, и с них беспрестанно падали на землю капли. А рядом с черными плодами под ударами капель шевелились красные листья — первые вестники приближающейся осени.

Что же еще заснять на киноплёнку? В дождевом лесу было столько интересных деталей, столько бесподобных картин! Я уверен, что в солнечный день не было бы той кинематографической живописности, которой дышала каждая веточка при дожде. Природа, обильно напоенная влагой, жила. Во всем ощущалась особая динамичность, придающая прелесть киноизображению.

Дождевую натуру требовалось оживить проходами людей среди мокрых кустов и травы. Мы попросили своих спутников попозировать нам. Ноги зоологов крупным планом прошли перед самым объективом по краю лужи, потом три человеческие фигуры цепочкой удалились по направлению к охотничьей избушке. На этом мы закончили съемку.

Совершенно вымокшие и озябшие, мы с великим удовольствием вошли в наше гостеприимное пристанище.

— Вот это работенка — часа три будем сушиться, — сказал Анатолий.

Сыроечковский, помогая нам раздеться, говорил:

— Послушайте, это же трудная работа! Я никогда не согласился бы снимать в дождь!

— Зато на экране будет настоящий дождь!

Время уже шло к вечеру, а дождь все не переставал.

Сыроечковский посмотрел через окошко на реку. Признаков улучшения погоды не было.

— Пожалуй, есть смысл переночевать в избушке, — сказал он.

Вскоре мы перетащили вещи и снаряжение в дом и основательно устроились на ночлег.

Рано утром первым проснулся Анатолий.

— Погода — блеск! — крикнул он на всю избу.

Зашевелились спальные мешки на нарах. Мы выглянули в окно. Над рекой поднималось солнце. Ветки кедров и лиственниц раскачивались: дул легкий ветерок. На них уже не было водяного бисера. Только на земле кое-где блестели лужи да трава была мокрой.

На железную печурку был водружен чайник. После традиционного чаепития собрались в дорогу. Вскоре рев двух моторов снова нарушил таежную тишину берегов Подкаменной Тунгуски.

Хороша природа после дождя! Промытое небесной водой, все вокруг блестело, было ярким и жизнерадостным, веселило и рождало хорошее настроение.

Ниже речек Южной и Северной Токуры, впадающих в Подкаменную Тунгуску с двух сторон почти в одном месте, потянулись тихие и широкие плесы. В утренние часы здесь царила озерная тишь.

— Вот где рыбка-то водится! — крикнул Толя. — Две речки сразу вливаются в Подкаменную!

— Останавливаться не будем — надо наверстать километры! Порыбачим в другом месте!

Анатолий сделал недовольную гримасу.

Впереди на левом берегу показался поселок. Это Усть-Камо. В двадцатые годы здесь была заброшенная заимка из нескольких домиков, но теперь поселок может поспорить с Оскобой и Мирюгой,

Сразу же за селом слева в Подкаменную Тунгуску впадает речка Камо. Это тоже большой приток Подкаменной. На много километров он углубляется в таежные просторы Эвенкии. Вдоль него, как и вдоль Тайги, расположены богатые охотничьи угодья, на берегах много охотничьих изб.

Подкаменная Тунгуска стала заметно шире. Высокие лесистые берега обступили реку. Вдали показались плоские вершины, сплошь заросшие лесом. Места вокруг стали более живописными.

Каждый раз, когда мы проходили мимо устьев речек, впадающих в Подкаменную, Анатолий громко выражал сожаление:

— Опять проплываем мимо рыбных мест!

Река повернула вправо, и перед нами открылся широкий плес, тянувшийся более чем на десять километров. Здесь можно было легко маневрировать лодкой. Анатолий развернулся, и вскоре мы оказались рядом с караваном зоологов. Началась переключка между лодками.

— Чаевать не пора ли?

— В конце плеса!

На широких плесах течение реки сильно замедляется. Кажется, что сокращается и ход моторной лодки. Берега проплывают медленно-медленно. То ли дело в узком русле реки с крутыми поворотами! В таких местах лодка мчится птицей.

Плес кончился, река начала поворачивать вправо. Сыроечковский показал на левый берег, где между двух небольших возвышенностей из тайги вытекала речка. Все лодки направились туда.

Причалили к берегу. Нужно было развести костер, вскипятить чай, подкрепиться и половить рыбу.

— Э-э! Да тут рыбки не будет! — сказал Толя.

— Это почему же?

— Здесь уже такие обосновались рыбаки, что после них лучше не рыбачить. — Он показал на стоящий у леса эвенкийский чум, который мы сначала не заметили.

В стороне паслось несколько северных оленей.

Из чума высунулись две детские головки, потом выглянула женщина. Вскоре к нам подошел пожилой эвенк.

— Здравствуйте, — сказал он по-русски.

Мы поздоровались. Завязался обычный разговор, какой бывает при встречах путников: «Откуда плывете? Куда направляетесь? Чем занимаетесь?»

Нашего нового знакомого звали Василий Монго; он колхозник из поселка Куюмбы, который находится от нас в шести километрах. Вместе с женой и детьми он собрался на охоту, на заготовку мяса диких животных для зверофермы.

— Далеко ли пойдете на охоту? — поинтересовался Сыроечковский.

— На озеро Хой, — ответил эвенк.

Он рассказал нам, что озеро Хой расположено в самом истоке речки, у которой мы остановились, среди плосковершинных сопок. Вокруг него большая тайга и много солончаков, к ним часто выходят дикие северные олени и лоси. Соляные ключи есть и на речке, поэтому речка называется Рассолкой.

Несколько позже к нам подошли два мальчугана. Рты у ребят были синие от ягод голубики, а зубы совершенно черные от черемухи.

Отец, оглядывая своих детей и как бы извиняясь за их вид, сказал:

— Ягод тут много — вот ребятишки и вымазались.

В десяти метрах от костра, в прибрежной тайге, вся земля была буквально усыпана ягодами. Их было несметное количество, собирать по яголке невозможно. Мы брали кусты ладонями, тянули на себя — и пригоршня была полна спелых плодов. Наелись до боли в зубах.

— Кому нужно в лесу столько ягод! — сказал я.

— Как кому? — удивился эвенк. — Рябчик ест, глухарь ест, они осенью только ягодами и кормятся. Ягоду и медведь любит.

Здесь были голубика, клюква, брусника, красная и черная смородина, черника. Голубика растет почти всюду: в сырых и сухих местах, у болот и на склонах гор, а то и на вершинах гольцов. Брусника предпочитает сухие поляны среди лесов. Заросли красной смородины можно встретить почти вдоль каждого таежного ручья, так же как черемухи. А клюква — на каждом болоте.

Лесные ягоды — это полезная пища для путешественника. Из них на костре можно готовить кисели, компоты и варенье. Намного вкуснее простой воды ягодный морс, приготовленный здесь же, в тайге. Рецепт приготовления прост: вода, давленные ягоды, немного сахара. Северные таежные плоды с успехом заменяют южные фрукты: они также содержат в себе все необходимые витамины.

А грибы! В тунгусской тайге в предосеннюю пору их полно. Их можно и солить, и мариновать прямо в тайге. Только для этого нужно иметь в запасе лавровый лист, перец, уксус и, конечно, соль. Запас этот совсем не обременителен в путешествии.

В таежной кухне процесс приготовления грибов можно упростить и ускорить. Самый скорый способ — тушить грибы. Это лакомое блюдо можно приготовить на костре с маслом, лавровым листом, чесноком и перцем.

Засолка — более длительный процесс; но для ускорения его нужно грибы прокипятить в соленой воде — и через день их уже можно употреблять в пищу.

Все эти процедуры с грибами я сам проделывал в своих путешествиях. Между прочим, хорошо приготовленные грибы нравились и местным жителям, с которыми я встречался в пути. Один из моих спутников, шестидесятилетний старик манси с берегов Северной Сосьвы, как ни был убежден, что грибы не пища,

попробовав однажды моей грибной кухни, остался доволен и говорил: «Хорошо-о... Кусно, кусно».

Коли уж я завел речь о том, что может дать путешественнику тайга, следует также сказать о рыбной ловле и охоте.

Ружье и спиннинг или удочки должны быть вашей постоянной принадлежностью в таежном походе. Ружье необходимо не только для промысла — помните наши неожиданные встречи с медведями? Спиннинг и удочки дадут вам возможность питаться свежей рыбой. Ягоды, грибы, а также дичь и рыба всегда большое подспорье в питании путешественника.

Голубика

Однако вернемся к нашему костру.

Евгений Евгеньевич, развернув карту, стал рассматривать ее. До Байкита нам оставался день плавания. Однако до вечера мы сможем одолеть только половину этого пути. Где же устроить следующую ночевку?

Стоявший здесь же Василий Монго, видя наше затруднение, сказал:

— Плывите до устья Турамы. Место хорошее. Там есть озеро. Уток постреляете.

Сыроечковский свернул карту.

— Правильно. Плыдем до Турамы! Спасибо, Василий.

Мы простились с эвенком и его семьей и отправились в путь.

Река круто повернула влево, и на правом берегу мы увидели поселок Куюмбу. Он ничем особенно не отличался от Таимбы или Мирюги: те же деревянные дома, в беспорядке разбросанные по берегу, те же серые крыши, сливавшиеся с необозримыми просторами тайги.

Зоологи направили свои лодки к берегу. Мы последовали за ними.

— Зайдем в магазин: запастись продуктами надо, — объяснил Сыроечковский, когда весь караван причалил у деревни.

Товарищи наши поднялись на берег и ушли в деревню. У нас с Анатолием запасы еще есть, до Байкита нам хватит.

Через полчаса они вернулись, нагруженные кулками и пакетами, держа под мышками несколько буханок хлеба. Из карманов торчали пачки папирос.

— Теперь можно плыть дальше! — весело сказал Володя.

С левой стороны, против деревни, в Подкаменную Тунгуску впадала речка Куюмба. Красные глинистые берега ее круто обрывались к самому устью. Об этих красных ярах упоминал в своих путевых записях орнитолог Тугаринов.

Мы стремительно пронеслись по Куюмбинской шивере, и перед нами опять открылся длинный и широкий плес. Опять однообразные лесные берега окружили реку. Правда, они здесь были еще более круты и холмисты. Вдоль плеса простирались бесконечные леса. Дышалось легко, полной грудью, как будто с каждым вздохом в легкие входило само здоровье. Сколько чистого, целительного воздуха над этим зеленым царством!

Я дежурил с кинокамерой на носу лодки.

Подул ветерок. По реке заходили волны. Водяные брызги стали окатывать лодку. Плыть посредине реки стало трудно. Мы направили лодки к левому берегу, защищенному от ветра высоким лесом, — там было спокойнее.

Небо затягивалось какой-то мутной пеленой. Солнце временами совсем пропадало в ней. Подул ветер.

— Как бы не надул дождичка этот ветерок! — сказал Толя.

Прошло часа два. Ветер стих. Низкое солнце теперь скорее походило на луну — было тусклым и окрашенным в пурпурный цвет.

Мутная пелена заполнила лесную даль. В воздухе запахло гарью.

— Где-то горит тайга, — сказал Толя.

Тайга, очевидно, горела далеко от нас, но дым распространялся на многие десятки километров и окутывал весь лес вокруг реки. Солнце малиновым пятачком висело над горизонтом.

— Таким солнце бывает во время лесных пожаров, — объяснил мой спутник.

Зрелище было красивое. Я решил заснять его на киноплёнку.

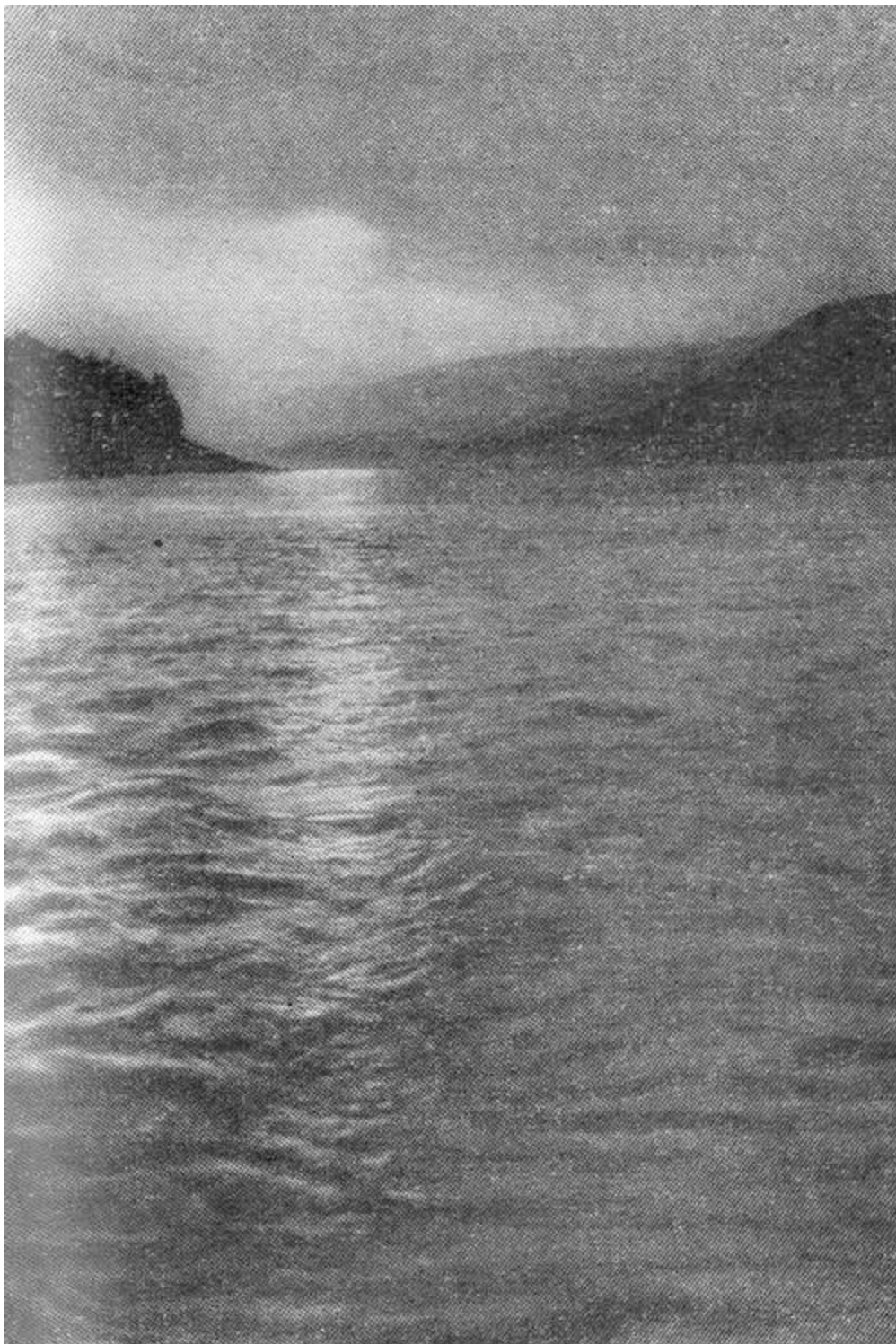
Многие знают, как трудно снимать пейзажи с диском солнца в кадре. Как обидно, когда ваш снимок испорчен бликом или световыми кольцами от яркого солнца! Я сам испытал это, когда учился фотографировать.

Дело в том, что самые лучшие пейзажи с солнцем в кадре получаются именно при мутном воздухе. Ослабленное задымленной средой светило в этом случае не дает тех бликов, которые портят снимки многим фотолюбителям. Такое задымленное состояние вечернего воздуха бывает не обязательно при лесном пожаре, оно возникает и от других, чисто атмосферных причин. Нужно только не пропустить этого момента — и вам обеспечен хороший снимок с заходящим солнцем.

Вскоре малиновый солнечный диск окунулся в толщу облаков на горизонте. Все вокруг стало медленно погружаться в темноту. Черная стена тайги словно наступала на реку. Далеко-далеко мерцал огонек одинокого охотничьего костра.

Река круто повернула влево. Уже в темноте мы прошли знаменитый Паркетный перекат. Увидеть его по-настоящему не пришлось. Название Паркетный, говорят, произошло от того, что дно его уложено плоскими каменными плитами.

Снова крутой поворот реки, теперь уже вправо, и на левом берегу мы увидели устье реки Турамы. Анатолий направил лодку в самое устье, за нами поплыли зоологи. Мы облюбовали для ночевки опушку леса на берегу.

Вечерняя тишина

Из-за выбора места для лагеря разгорелся спор. Зоологи хотели поставить палатки на открытом и высоком месте, а Анатолий доказывал, что лагерь надо строить вон там в небольшой ложине, защищенной от ветра стеной леса.

— Костер надо прятать от ветра!

Володя и Сергей утверждали, что из этой ложины не будет видно стоящих у берега лодок, в которых лежат ценные научные грузы.

— Да никто не возьмет ваше добро! Вы понимаете, здесь же Сибирь!

В Сибири народ не привык закрывать на десять замков свое жилище, прятать лодку, вещи. В сибирских селах так: оставите свою вещь на улице — ее никто не возьмет, не закроете на замок свое жилище — в него никто никогда не войдет. Иной приезжий человек из центральной части страны, проявляя излишнюю осторожность, нередко попадает в смешное положение в глазах сибиряков.

Наконец Володя и Сергей согласились устроить лагерь там, где предлагал Анатолий. Я полностью доверял его таежному опыту. Евгений Евгеньевич тоже не возражал.

Общими усилиями мы нарубили и натаскали толстых лесин для костра. Анатолий расположил их звездой. В центре звезды скоро запылал огонек. Такой костер не потухнет до утра.

День на Тураме

Под утро на свежем воздухе спится крепко.

Еще вчера мы договорились порыбачить на зорьке. А вставать лень. Как прогнать сон, который властно сковывает веки, наливает свинцом все тело?

Я энергично вылез из спального мешка, быстро разделся и с разбегу плюхнулся в ледяную воду. Студеная вода обожгла тело, перехватила дыхание, и я с воплями выскочил из реки. Сонливость как рукой сняло.

От моих криков проснулись остальные. Я еще раз окунулся в холодную, освежающую воду. Мой пример подействовал, и вскоре все купались в реке.

В устье Турамы была устроена коллективная рыбалка. Анатолию, как всегда, повезло первому. Размахивая пойманной рыбиной, он прибежал ко мне.

— Смотрите, ленок!

Я впервые видел эту рыбу, которую эвенки называют майгой. Это была некрупная рыбина с многочисленными черными пятнами по туловищу. У самого хвоста находился мясистый жировой плавничок, который имеется у всех лососевых и сиговых рыб.

— Эта рыбка у нас считается лучше, чем таймень!

Вскоре и у Сыроечковского туго натянулась леска, на блесне забила первая добыча. Я бросил свой спиннинг и подбежал к нему. Ему также попался ленок.

— Сегодня мы с ухой! — весело сказал Евгений Евгеньевич.

Володя и Сергей, ушедшие вверх по Тураме, тоже вытаскивали каких-то рыб. Только мне ничего не попадалось.

— Смените свою блесну! — кричал Анатолий. — Ленок иногда любит желтую!

Но и это не помогло. Позже мне объяснили, что рыбаку прежде всего нужно угадать, где может скапливаться рыба. Кроме того, надо не стоять на одном месте, а все время ходить по берегу, периодически закидывая блесну.

На быстром течении под перекатами, при впадении ручья в реку, в глубоких ямах — там обычно стоят ленки и таймени. Но часто бывает и так, что именно в этих местах рыба не берет, — значит, ее там нет или она почему-то не реагирует на блесну. Сибиряки рассказывают, что иногда ленков и тайменей видно в ямах, но на проплывающую перед самой их мордой блесну они не обращают внимания. Настоящий рыбак должен иметь всевозможный набор блесен разных цветов и разной формы. А вдруг рыба обратит внимание на перемену!

Иногда приходится нацеплять на крючок кусок беличьей шкурки — рыба моментально бросается за мнимой добычей: ленок и особенно таймень не брезгуют водяными крысами и любой мелкой живностью, плавающей на поверхности реки.

Через час рыбалка закончилась. Сыроечковский и Анатолий принесли по паре мясистых ленков. Володя и Сергей тоже поймали по ленку. Не повезло только мне.

В это утро мы наслаждались жирной ухой из ленков и печенными на костре рыбьими шашлыками.

Уха была хороша! Наваристая, вкусная, хотя и без всяких специй, с маленькими угольками и хвоинками, случайно попавшими в котелок, она благоухала ароматами тайги и была не сравнима ни с чем!

Настроение у всех было приподнятое. Этому способствовало и погожее утро, обещавшее нам хороший день.

А ведь скоро мы должны расстаться с зоологами. Ближе и мое расставание с Анатолием: Байкит не за горами.

Речка Турама, в устье которой мы устроили лагерь, — левый приток Подкаменной Тунгуски, впадающий в реку в шестидесяти километрах выше Байкита.

Как и многие другие притоки Подкаменной, Турама протекает среди плоскогорья, сплошь покрытого труднопроходимой тайгой. Эти глухие, безлюдные места как будто самой природой предназначены для охоты.

Сегодня с устья Турамы мы впервые увидели на горизонте резкие контуры гор. Мы приближались к самой интересной части Подкаменной Тунгуски. Но там я уже должен плыть без зоологов и Анатолия.

Что за люди будут моими новыми спутниками?

Мы сидели у костра, доедая запеченных на палочках ленков. Евгений Евгеньевич долго присматривался к лесным берегам Турамы, потом сказал мне:

— Пожалуй, мы задержимся здесь на денек. Хороший день даст хорошую охоту.

— Не возражаю! И для нас будет работа, — ответил я и, повернувшись к своему спутнику, спросил: — Как ты относишься к этому, Толя?

— Что за вопрос?!

— В такую погоду да с такого места грех уезжать, — сказал Сергей.

— Кстати, после дождя надо просушить ящики, — добавил Володя.

Не теряя драгоценного времени, все быстро собрались на охоту. Зоологи с ружьями ушли вдоль русла Турамы.

Мы с Анатолием тоже идем на охоту. Только у меня на плече кроме ружья еще висит кинокамера, а у Толи — штатив.

Мы направляемся к тому озеру, о котором говорил нам Василий Монго. Оно находится в километре от устья Турамы, на левом берегу Подкаменной Тунгуски, у подножия небольшой возвышенности.

В этот поход мы с Толей отправляемся специально для съемки животных, которые могут встретиться нам в тайге. У Анатолия с собой пищик, маленькая металлическая трубочка, издающая звук, похожий на свист рябчика. Мы возлагаем большие надежды на встречу с этой птицей, потому что рябчиков, как никакой другой дичи, много в тунгусской тайге.

Анатолий выбирает самые низкие места, в которых скорее всего можно встретить рябчиков. Идя впереди меня, он посвистывает пищиком. Время от времени он останавливается и прислушивается к лесным звукам.

Вот он сделал знак рукой. Я остановился. Где-то вдалеке откликнулся на его свист рябчик.

— Готовьте аппарат, — шепнул Анатолий.

В моем рюкзаке за плечами спрятан аккумулятор, запас кассет с пленкой и набор телеобъективов. Я быстро привел в готовность кинокамеру.

Не успел я закончить приготовления, как в хвое елей и лиственниц над нами раздался знакомый звук: «фыр-р-р-р». Мы присели к земле и притихли.

Обнаружить рябчика не так-то просто. Сколько было случаев, когда охотник, долго и упорно разыскивая птицу, был обманут самым нелепым образом — рябчик слетал с дерева над его головой. Не хотелось, чтобы то же самое случилось и с нами.

Сколько я ни пытался увидеть притаившуюся птицу, мне это не удавалось. Толя осторожно полз на четвереньках по мху, вглядываясь в хвою деревьев.

Вот он снова сделал жест, означающий «идите сюда». С приготовленной к съемке кинокамерой я подполз к нему; он показал пальцем на ветвь ели, на которой я едва различил рябчика. Ах вот ты где, долгожданный!

...Мы стараемся не делать резких движений, иначе рябок улетит, и тогда пропала охота. Осторожно ставим штатив с аппаратом, я навожу

на фокус и снимаю первый кадр. Рябчик, услышав шум кинокамеры, вытянул шею, внимательно посмотрел в нашу сторону.

Я быстро меняю объектив и снимаю птицу крупнее, во весь экран... Но что же сделать, чтобы рябчик двигался? Запустить в него палкой или просто спугнуть? Жалко: улетит и не скоро найдешь другого.

Мы с Анатолием сидим без движения, ждем, что будет делать птица. Как будто угадывая наши мысли, рябчик начинает ходить по ветке, что-то клевать. Я ловлю кинокамерой и этот момент.

— Спугни его чем-нибудь, чтобы он слетел, — шепчу я Анатолию.

Толя кивает головой. Я включаю аппарат, мой спутник вскакивает на ноги, громко хлопает в ладоши и кричит; рябчик испуганно слетает с ветки. Кадр заснят.

— Пожалуй, охота с киноаппаратом гораздо интереснее, чем ружейная, — сказал Анатолий.

— Чем же это? — схитрил я.

— Как же! Я сейчас испытывал такой же азарт, как на настоящей охоте. И насмотрелся на рябчика досыта. А с ружьем я и не стал бы его особенно разглядывать, скорее на мушку — и — бац по нему.

— Правильно, Толя! И трофей остался у нас на киноплёнке, и съемка его принесла нам больше удовольствия, чем если бы мы подбили рябчика из ружья.

— Купить и мне киноаппарат, что ли? — сказал в раздумье Анатолий.

Действительно, на киноохоте часто увидишь такое, чего тысячи людей не увидят никогда. Ведь многие совсем не представляют, как выглядит и как ведет себя дикая птица в естественных условиях, они знают только одно — рябчики вкусны.

Охота с кинокамерой — занятие увлекательное и доступное людям различных возрастов.

Уже то, что на киноохоте вы никого не убиваете, делает это занятие чрезвычайно полезным для сохранения природы. А ведь многим туристам, отправляющимся в далекие интересные походы, может представиться случай поохотиться с кинокамерой.

Вы были свидетелями маленького эпизода киноохоты на рябчика. На других птиц, таких, как глухарь, тетерев, охотиться с кинокамерой

труднее: птицы эти более осторожны, чем рябчик.

Рябчик

Да и вообще с кинокамерой охотиться часто труднее, чем с ружьем! В последнем случае вы ловите только момент для выстрела, и

этим выстрелом охота заканчивается. С киноаппаратом иное: вам необходимо, чтобы дичь как можно дольше оставалась перед объективом вашей кинокамеры. С момента, когда вы навели объектив, момента, которому предшествовало долгое затаивание и даже, может быть, ползание на четвереньках, только начинается киноохота. И как обидно, если птица улетит до того, как вы нажмете кнопку киноаппарата и начнете снимать!

Где-то далеко прогремело несколько выстрелов.

— Зоологи промышляют, — сказал Толя.

Перед нами сквозь деревья поблескивало озеро. Осторожно подкравшись к берегу и выглянув из-за деревьев, мы увидели на воде большую стаю нырков. Чуткие птицы, оказывается, давно заметили нас и предусмотрительно отплыли от берега на середину.

Мы поставили на кинокамеру самый большой телеобъектив с фокусным расстоянием пятьсот миллиметров. Через него, как через бинокль, утки казались совсем близко от нас. Они ныряли в воду и на время пропадали в ней. Вынырнув, долго следили за нами, потом снова исчезали под водой.

Несколько таких моментов мы и засняли. Но снимать уток было не так интересно, как рябчика. Там мы испытывали напряжение, трепет, боязнь, что рябчик вот-вот улетит. Утки же, отплыв на безопасное расстояние, вовсе и не думали улетать.

— Пойдем-ка, Толя, в лагерь, — сказал я. — Нам еще нужно поснимать зоологов.

Мой товарищ с сожалением посмотрел на уток.

Мы вернулись в лагерь. Зоологи были уже там. Володя и Сергей сидели за ящиком, который служил им столом. На нем было разложено много тушек мелких птиц, разных по величине и окраске. Сыроечковский в стороне чистил ружье.

— О, да у вас богатые трофеи! — удивился Анатолий.

— А вы чем можете похвастаться? — спросил Володя.

— Наши трофеи на кино пленке! Рябчик в разных позах и ныряющие утки.

— Неужели рябчика удалось заснять?

— Да! Он специально прилетел, чтобы сняться в кино.

— Молодцы! — сказал Сыроечковский, слушавший в стороне этот шуточный разговор.

Мы уселись возле Володи и стали наблюдать за его работой. Он потрошил птичек.

— Что это за пичуги? — спросил я.

Володя взял птицу с белыми полосами на крылышках и с изогнутым крест-накрест клювом:

— Это клест белопоясный, или лиственничный.

Другая пичуга походила на первую, но только полосы на крыльях у нее были не белые, а нежно-розовые.

— А это клест краснопоясный, или краснокрылый. Редкая птичка.

Мы установили кинокамеру и стали снимать зоологов за работой в окружении всего их научного хозяйства. Съемка затянулась до самого вечера.

Еще один день нашего путешествия догорал последними лучами солнца. На Тураме сгущались сумерки.

Впереди Байкит

Трудно расставаться с людьми, к которым привыкаешь. И тем более прощаться с теми, кто провел с тобой много памятных дней в пути. Грустно от сознания, что, может быть, с этими спутниками никогда уже не встретишься в жизни.

С такими невеселыми думами я проснулся на следующий день. Не знаю, что происходило в душе моих товарищей, но я остро ощущал предстоящую разлуку. Ведь скоро я расстанусь с ними, и мне придется продолжать путь с другими, незнакомыми людьми!

Мы не спешили со сборами. Как будто каждый из нас хотел побыть лишний час на гостеприимном берегу Турамы. Зоологи долго и тщательно паковали свои грузы. Мы с Анатолием помогали им.

Часам к десяти утра мы были готовы к отплытию.

— Отправимся в наш прощальный путь, — сказал Евгений Евгеньевич.

— Жалею, что не могу с вами плыть на Чуню, — проговорил я.

— А то свернем вместе?

— К сожалению, не могу: боюсь, не успею проплыть до снега всю Подкаменную Тунгуску.

— Да, на Чуне мы можем задержаться надолго.

Любопытно побывать на одном из самых интересных притоков Подкаменной Тунгуски — Чуне. Но моя главная задача — проплыть и заснять горную и порожистую часть Подкаменной Тунгуски от Байкита до Енисея. Я не мог согласиться на заманчивое предложение Сыроечковского.

Мы отплыли от берегов Турамы. Широкое русло реки спокойно петляло среди высоких лесных склонов. Между ними вдали маячили горы. Пейзаж совершенно изменился по сравнению с теми местами, которые мы уже проплыли.

— А здесь стало намного интереснее! — сказал Анатолий. — В Ванаваре таких гор нет!

— Да, здесь красиво!

— Жаль, не могу я плыть с вами дальше. Отпуск кончится, не успею порыбачить, а мне рыбки надо запасти на зиму.

Перемена пейзажа вселяла в меня надежду увидеть впереди что-то необычное, интересное.

Река здесь широкая, полноводная и спокойная. В таких местах всегда кажется, что и лодка медленно плывет, и время тянется долго-долго...

Мы плывем рядом с зоологами. Молча оглядываем высокие зеленые горы, лесистые склоны, круто спускающиеся к воде.

Невольно вспоминаю весь маршрут от Ванавары. У Байкита будет половина пути, который я должен проплыть по Подкаменной Тунгуске.

Мои раздумья прервал внезапный звук — на всю реку прогудела сирена. Из-за поворота Подкаменной Тунгуски показался голубой катер, тянувший за собой две илимки. Мы поравнялись с этим неожиданным караваном. В илимках сидело много людей с чемоданами и рюкзаками, в основном молодежь.

— Братва на работу едет, — констатировал Анатолий. — Ох и не сладко же покажется им на первых порах в нашей глухомани!

Катер троекратно прогудел. Водитель снял свой картуз, потряс им и улыбнулся нам. С илимок помахали руками.

Вскоре караван скрылся за поворотом.

Мы проплыли устье речки Еробы. В трех километрах ниже ее, на берегу маленького ручья, стояла одинокая охотничья избушка.

— Причалим? — я показал рукой на избу.

— Нет! — отрицательно помахал рукой Евгений Евгеньевич и показал вперед: — Дальше!

Еще поворот реки, и впереди показалось устье большого притока. Горы перед ним расступились, образовав широкую долину.

— Подплываем к Чуне!

Зоологи направили свои лодки к мысу.

— Чайку поьем на прощание, — сказал Сыроечковский, когда лодки ткнулись в берег.

— Пора и закусить основательно, — добавил Толя.

С мыса, к которому мы причалили, Чуня была хорошо видна. Несколько выше по течению ее на одном из берегов виднелись возвышенности с россыпями и скалами на вершинах.

Чуня — один из самых больших притоков Подкаменной Тунгуски. Своими истоками — Северной и Южной Чуней — она сравнительно близко примыкает к району Ванавары. Из тех глухих таежных мест она долго течет параллельно Подкаменной Тунгуске и сливается с ней только перед самым Байкитом.

На Чуне много порогов. Особенно порожиста она в своей нижней части. Очевидцы рассказывают, что здесь славятся пороги Чунский Замок и Чунские Ворота.

Я никогда не был на этой реке, но, казалось, знаю ее не хуже той части Подкаменной Тунгуски, которую мы только что проплыли: много раз изучал на карте ее извилины, много слышал о ней от людей, бывавших на ее берегах, и видел фотографии с видами этой таежной реки.

Пока я ходил к устью Чуни с киноаппаратом, на мысу уже запылал костер, на нем пыхтел чайник, в котелке булькало какое-то варево.

У костра мы сидели задумчивые: вряд ли кто веселится при расставании.

— Может быть, я вас еще встречу на Подкаменной: тоже думаю спуститься вниз по реке, — сказал Сыроечковский.

— А где эта встреча может произойти? Я совсем еще не представляю, как буду добираться до Енисея: лодкой ли, катером ли?

— В Байките вы обязательно найдете себе транспорт и спутника.

Сыроечковский подвинулся ко мне поближе:

— Хочу вам сказать вот что, — начал он тихо. — Знаю я одно озеро в глухой части Эвенкии. На берегу его стоит ветхая избушка. На озеро по утрам выходят на водопой лоси. Лебеди гнездятся на нем, уток много всяких. В тайге — непуганая дичь. Нередко на берегу озера появляются и медведи. Все это можно наблюдать прямо из окна избушки. Вот где заснять бы животных!

— Что же вы молчали до сих пор?! Я мог бы перестроить план своего путешествия!

— Я и сейчас не скажу вам названия этого озера; стоит ли заранее открывать тайну? Не хочу, чтобы браконьеры узнали об этом благодатном месте и нарушили бы там всю нетронутость природы.

Я чувствовал, что настойчиво спрашивать, где находится озеро, неудобно. Евгений Евгеньевич, как бы угадывая мои мысли, сказал:

— Вам хочется знать, где это озеро? Потерпите. В Москве мы обязательно встретимся, и я расскажу вам все. Я хотел бы когда-нибудь вместе с вами побывать на этом озере. Для меня там есть работа, а вы заснимете удивительные сцены из жизни животных.

— Буду очень рад! Вы преподнесли мне на прощание приятный сюрприз. Берегитесь, если не выполните обещанного!

— Постараюсь выполнить, — пробасил Сыроечковский.

Этот разговор в какой-то степени развеял невольную грусть расставания.

Мы дружески распрощались. Зоологи сели в лодки и направились вверх по Чуне.

— Счастливый путь! — в несколько голосов неслось с лодок.

— Большой вам удачи! — отвечали мы с берега.

Мы помахали руками нашим недавним спутникам, проводили взглядом их лодки, пока они не скрылись за поворотом реки.

И вот снова мы вдвоем на берегу. Спешить нам не надо: Байкит от нас всего в десяти километрах, доплывем до села засветло.

Еще часа два мы проводим на устье Чуни.

— Ну что ж, поплывем и мы с тобой в наш последний маршрут, — говорю я Анатолию.

— Поплывем, — отвечает он без особого энтузиазма.

...К вечеру мы прибыли в Байкит. Прямо на берегу перед селом устроили палатку.

Байкит расположен среди высоких сопок, вблизи береговых утесов. За крайними его домами течет ручей Байкитик. В окружении лесистых склонов, круто обрывающихся к Подкаменной Тунгуске, село выглядит живописно.

Байкит, как и Ванавара, районный центр. Он связан регулярным воздушным сообщением с Красноярском и Турой на Нижней Тунгуске. На улицах села много больших домов. В самом центре возвышается двухэтажное здание школы. Ближе к берегу расположены районный Дом культуры, здания столовой и районной больницы.

Познакомиться с селом более подробно я хотел после проводов Анатолия. Мой спутник готовился к обратному рейсу. Я рассчитался с ним за помощь, оказанную в путешествии, и помог закупить кое-какие продукты в дорогу. В байкитской столовой мы распили с ним традиционную бутылку вина и пожелали друг другу счастливого пути.

Он торопился до наступления темноты к устью Турамы, которое так гостеприимно приютило нас.

— Поживу там денек-другой, подержаю ленков.

В Байките он достал себе небольшой бочонок и купил соли.

— Неужели уж я за четыреста километров не наловлю рыбы и не привезу домой!

— Желаю тебе удачи!

Мы расцеловались. И вот он дернул пусковой шнур на моторе; лодка отошла от берега. Анатолий поплыл в свою далекую Ванавару...

Я долго сидел на берегу, провожая взглядом медленно удаляющуюся лодку своего недавнего спутника. Увидимся ли мы с ним еще когда-нибудь?

Под вечер я сидел в конторе у председателя Байкитского райпотребсоюза Петра Николаевича Вавилова, к которому меня направили из райисполкома. Он мог помочь мне в дальнейшем передвижении: весь транспорт здесь подчинен ему.

— Хорошее у вас село, — сказал я.

— Да. А ведь лет тридцать назад здесь был только глухой лес да несколько избенок на берегу. Фактория Байкит — называли это место.

Петр Николаевич рассказал, что было время, когда на месте поселков Ванавара, Оскоба, Мирюга, Таимба, Куюмба и Байкит стояло всего по несколько изб, в которых жили приемщики пушнины.

В отдаленных местах тайги такие приемные пункты существуют и сейчас, но их мало кто называет факториями. Старое название употребляется теперь редко и постепенно забывается.

— Наш Байkitский район — один из основных поставщиков пушнины. У нас много замечательных охотников, которые каждый год сдают государству шкурки соболей, белок, ондатр и других зверей на тысячи рублей. Обычное дело для таежных мест. А вот смотрите.

Он взял с полки толстый альбом с надписью «Колбасное производство». При виде этого названия я невольно улыбнулся.

— В Великую Отечественную войну у нас в Байките работал колбасный цех. Он изготавливал для госпиталей генерального штаба колбасу. Какую, вы думаете?

— Вероятно, какую-нибудь особую?

— Медвежью!

— Из настоящего медвежьего мяса?

— Да! Это же лечебный продукт! Пробовали когда-нибудь?

— Нет.

— Обязательно попробуйте!

Я вспомнил, что в «Записках охотника-натуралиста» А. А. Черкасова сказано: «...медвежий жир употребляют от многих болезней, как наружных, так и внутренних. Особенно он хорош от грудных болезней... Словом, медвежина в народном употреблении слывет как средство оживляющее, обновляющее, возрождающее...»

— Да, эвенкам это давно известно, — согласился Вавилов, — они считают, что, если питаться медвежьим мясом, никогда мерзнуть не будешь и силы будет много.

— Тогда есть смысл разводить медведей на зверофермах! — заметил я шутя.

— А что, может быть, вы и правы! Медведей в тайге становится все меньше...

Я повернул разговор в другом направлении:

— Ну, а как у вас насчет транспорта для меня?

— В неудобное попали вы время: один наш катер давно уплыл вниз по Подкаменной, другой только вчера ушел вверх по реке. Вернется и тоже пойдет вниз.

— С каким-то катером мы встретились вчера.

— Вот с ним и поплывете до самого Енисея.

Уходя с работы домой, Петр Николаевич предложил перевезти мое снаряжение в одну из комнат конторы и расположиться в ней как дома.

СРЕДИ КАМЕННОЙ ФАНТАЗИИ

А какие тут берега, какие скалы! На сто с лишним метров поднимаются они над рекой. Совершенно отвесные, гордые, неприступные, они принимают в сумерках самые причудливые очертания.

Казимир Лисовский

— Ну, вам повезло! — встретил меня однажды утром Вавилов. — Вы поплывете с лучшим водителем на всей Подкаменной Тунгуске — Григорием Губенко!

Я не знал Губенко, но по тону Вавилова можно было понять, что в моем предстоящем путешествии это удача.

— Сегодня к вечеру он отправляется вниз до Енисея. Увидите интересные места!

К назначенному для отплытия часу я был с аппаратурой на берегу. Там с тремя нагруженными илимками стоял знакомый голубой катер. На палубе одной из илимок на чемоданах сидели пассажиры — эвенки и русские. Среди них особенно выделялись три молодые девушки, явно прибывшие сюда откуда-то издалека.

Несколько мужчин, очевидно из команды сплавщиков, возились с тросами. Высокий человек отдавал распоряжения:

— Так, дядя Лука! Вяжи! Саня, опусти немного!

Увидев меня, он спросил:

— Вы кинооператор?

— Да.

— Губенко, — протянул он руку, — Мне приказано помогать вам в съемке.

Я был приятно удивлен: лучшему водителю катера приказано помогать мне!

Передо мной стоял рослый, крепкого телосложения молодой человек. Он прямо смотрел мне в глаза, в его взгляде чувствовалась смелость, воля, бесстрашие. Весь он был какой-то плотный, с крупными и сильными руками — настоящий сибиряк!

— Что же вы снимаете? — спросил он.

— Цветной фильм о Подкаменной Тунгуске.

— О! Давно бы пора! Это же река-красавица!

— Вы плывете сразу до Енисея? — спросил я.

— Нет. Сначала я свезу груз и пассажиров в Полигус, потом доставлю грузы на факторию Большой Порог, а оттуда спущусь до устья.

Он вкратце рассказал обо всех интересных местах, которые мы будем проплывать на участке Байкит — Полигус.

— Вы мне будете говорить, где вам нужно снимать, там я и остановлю караван. Только на порогах, вы уж извините, помогать вам не смогу: там смотреть нужно в оба.

— Много ли будет порогов?

— Самых серьезных три: Дедушка, Мучной и Семиверстный, или Большой. До Полигуса проплываем только один — Дедушку.

Отплытие каравана задержалось надолго — грузили товары для села Полигуса, расположенного от Байкита примерно в ста двадцати километрах вниз по реке.

Мы отплыли, когда в Байките уже зажглись огни. Красные точки одиноких рыбацких костров замерцали по берегам. Темные силуэты высоких прибрежных гор обступили реку. К воде из долин береговых ручьев выползал туман.

В тумане и темноте плыть дальше было опасно. За речкой Юдуконом — это всего в двенадцати километрах от Байкита — караван причалил к берегу на ночевку.

Ранним утром река снова была в тумане. Вдоль правого берега сквозь мутную пелену просматривалась высокая горная гряда — Соболиный хребет. Под вершинами ползали длинные белые облака.

На илимках все еще спали. Но Губенко уже был на ногах. Увидев меня, он помахал мне рукой и скрылся в трюме катера. Вскоре послышался звук работающего мотора.

Туман еще не разошелся, когда караван тронулся с места. На кормах илимок у рулей появились сплавщики.

В тумане еле-еле начали различаться причудливые очертания отвесных береговых скал. Неожиданно луч солнца прорезал молочную пелену. Туман вихрями стал уноситься с реки, прятаться в логах и

долинах ручьев. Обнажились берега. Я увидел над лесом странные
каменные колонны — это были Столбы.

На катере загудела сирена. Губенко что-то прокричал мне и показал на Столбы. Потом он взял рупор и на всю реку громко спросил:

— Снимать будем?

— Будем, будем!

Катер развернулся и стал направляться к берегу. Разбуженные громким разговором, пассажиры один за другим появились на палубах.

На берегу Григорий сказал мне:

— Вы обязательно заберитесь во-он на тот столб и заснимите с него Подкаменную. Отменный вид!

— Никола! Петро! — крикнул он в сторону одной из илимок.

Из трюма сплавщиков выглянули двое молодых ребят.

— Надо помочь оператору!

Ребята с большой охотой взяли мой штатив, аккумулятор и повели меня вверх к утесам. Идти по сыпучему склону было трудно, но мы скоро преодолели его. Вот и подножие столба. По узким расщелинам мы осторожно выбрались к лесу и по карнизам скал долго карабкались к вершине намеченного утеса.

Действительно, с вершины столба открывался изумительный вид на Подкаменную Тунгуску. Под нами стояли каменные великаны, растресканные, исколотые, замшелые. Из расщелин в небо тянулись молодые кедры. Рядом с ними краснели кусты рябины. Далеко внизу виднелась река. Илимки и катер у берега казались совсем маленькими.

Мы засняли несколько живописных кадров. Но в пейзаже не хватало движения. Я подозревал одного из своих молодых спутников:

— Петя, спустись-ка вниз, попроси Григория проплыть перед Столбами.

Петя стал быстро спускаться по круче. Мы с Николаем остались на скале.

Минут через десять внизу прогудела сирена. Губенко вывел караван на середину реки и дважды проплыл мимо нас.

Это было совершенно захватывающее зрелище! Между огромными каменными руинами, еще больше подчеркивая их колоссальность, проплывал совсем игрушечный катер с илимками.

— Ну как? — спросил Губенко, когда мы спустились со скал.

— Во кадры! — ответил за меня Никола.

Все пассажиры были уже на верхней палубе илимки. Три девушки отдельной группой сидели на ящиках и с интересом оглядывали причудливые береговые утесы. В стороне сидел молодой красивый парень с гитарой. Его я раньше не видел. Кроме этих людей на илимке было несколько мужчин и женщин.

Наш караван плыл по реке. На палубе под лучами солнца было тепло. Скалистые берега радовали глаз своей живописностью.

После Столбов берега реки на какое-то время стали менее интересными, леса скрыли утесы в своей зелени. Я сдвинул рукав штормовки, чтобы взглянуть на часы.

— Сколько у тебя? — услышал я голос рядом.

Передо мной стоял парень с гитарой.

— Девять.

Парень театральным жестом задрал рукав куртки и сказал:

— А у меня без десяти девять. Не веришь? Смотри!

Он поднял руку. Вместо часов у него на руке была татуировка — череп с костями.

Я рассмеялся. Рассмеялся и парень.

— Дай закурить, — попросил он.

— Не курю.

— О! Ты хороший человек!

Я посмотрел на него. Откуда такой весельчак?

Парень взял несколько аккордов на гитаре и пропел какой-то глупый куплет; потом он громко пробренчал струнами и сказал:

— Вот ты не куришь. И правильно! А что нас губит? Водка, табак и... — он покосился на девчат и добавил шепотом: — Мадеполам!

Бросая взгляды на девушек, он продолжал напевать, бренча на гитаре. Внезапно оборвав песню, он спросил:

— Куда держат путь эти три грации?

Я пожал плечами.

Девчата, улыбаясь, слушали балагура. Одна из них очень внимательно смотрела на него. Парень это заметил.

— Что смотришь? Все равно не боюсь!

Девушка смутилась и покраснела.

— Куда едешь? — спросил я его, чтобы отвлечь от девчат.

— В Полигус! — он махнул рукой, состроив кислую мину.

Позже мы разговорились с девушками. Одну из них зовут Людмила, другую — Элла, третью — Валя. Они закончили педучилище в городе Орджоникидзе и пожелали ехать в Сибирь. В Полигусе будут работать воспитателями в интернате. Им едва исполнилось по девятнадцать-двадцать лет.

Гитарист удивленно смотрел на юных подруг.

— Девочки,— он сделал жест в сторону берегов, — как вам нравится этот пейзаж после Кавказа?

— Очень! Здесь так красиво! — с восторгом ответила Валя.

— Эх, живое бросили, мертвое искать едут. Был бы я ваш папа...

Девчата весело рассмеялись.

Звук сирены прервал разговор. Губенко из катера показывал на правый берег, где стоял одинокий, почти круглый отвесный столб. Он отдаленно напоминал известную скалу Разбойник у горы Карадаг в Крыму. Мы долго провожали взглядом это оригинальное творение природы, пока оно не скрылось за поворотом.

Вскоре русло реки сузилось; караван стремительно проносился по неглубокому бурлящему перекату.

— Шивера! — крикнул стоявший за рулем Петр.

Сквозь прозрачную воду было видно, как под илимкой мелькали лежащие на дне валуны и каменные плиты.

Рулевой внимательно смотрел вдаль, временами бросая безразличные взгляды на берега. Реку он, по-видимому, знал хорошо.

По берегам потянулись скрытые лесом скалы. Река начала петлять из стороны в сторону. Слева в Подкаменную впадала большая речка.

— Это Юкта, — объяснил Петр. Он явно был рад блеснуть передо мной знанием реки. — В ней рыбка есть, — добавил он. — Наши байкитские часто рыбачат здесь.

Снова загудела сирена катера. Губенко поворачивал караван к правому берегу, на котором красовалась группа скал.

— А это речка Гаинда, — продолжал объяснять Петя.

Караван долго причаливал к каменистому берегу. Губенко, выглядывая из окна катера, выбирал наиболее глубокое место для причала. Катер обходил стороной подводные камни, на которых могли застрять илимки.

Но вот караван остановился. Пассажиры устремились на берег. Ко мне подошел Губенко со спиннингом.

— Это тоже живописное местечко на Подкаменной. Поснимайте, а мы тем временем порыбачим.

Радуюсь новой возможности заняться съемкой, я пошел осматривать место нашей остановки.

Близ устья Гаинды, шумно впадающей в Подкаменную Тунгуску, на берегу стоят каменные плиты, напоминающие знаменитые Перья в заповеднике Красноярские Столбы. Ниже устья этой речки Подкаменная Тунгуска круто поворачивает влево и скрывается среди высоких лесистых склонов. У подножия скал на устье разместились густые заросли черемухи с гроздьями спелых ягод. Это лесное лакомство привлекло многих наших пассажиров.

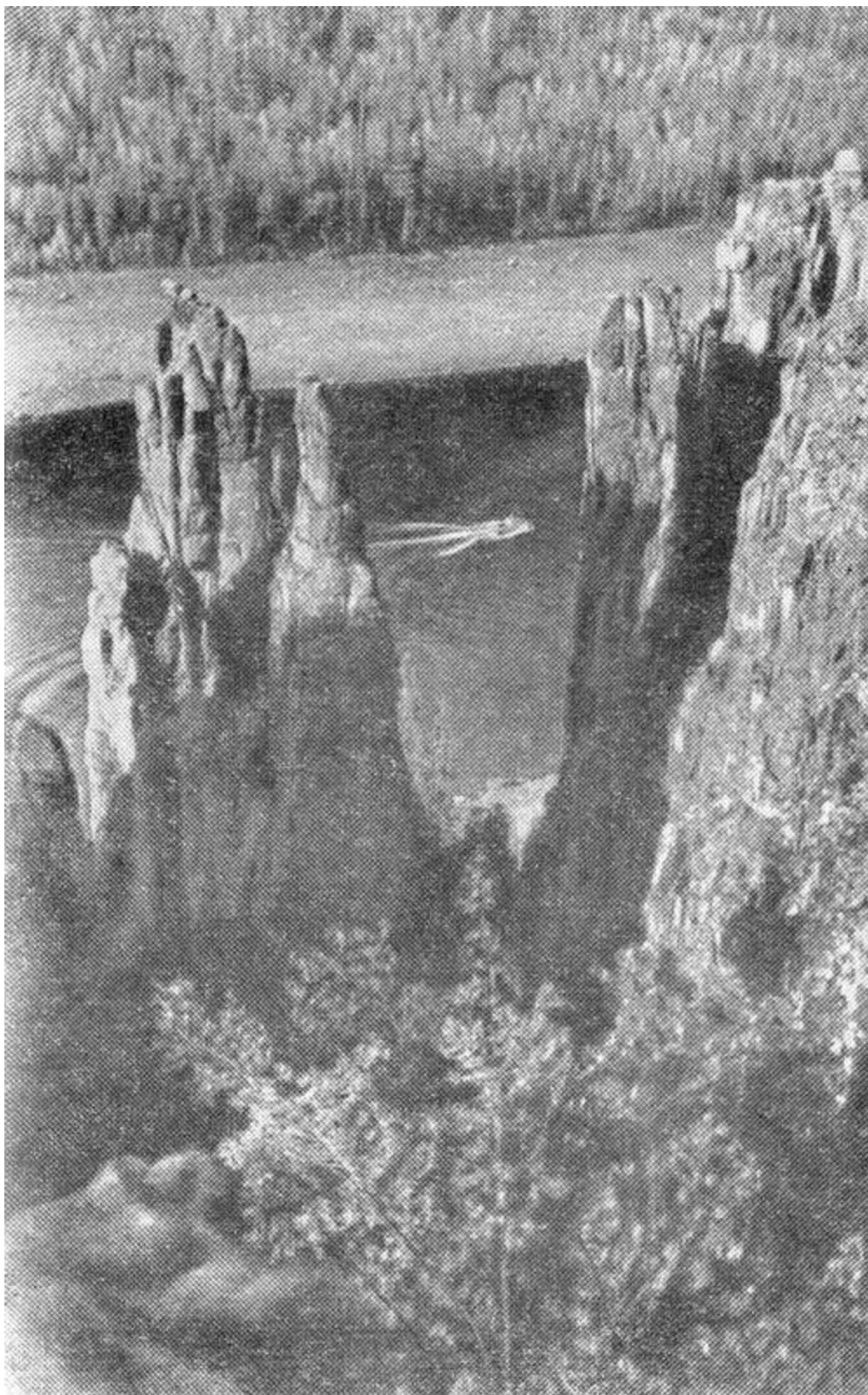
Когда я кончил снимать, Губенко снова подошел ко мне:

— Не хотите ли проплыть со мной в катере?

— С удовольствием!

Я забрал с илимки киносъемочную аппаратуру и уселся в голубой катер рядом с Григорием. Громкий звук сирены оповестил об отплытии, и наш караван отправился в путь.

Берега реки — это сплошные скалы. Трудно определить, чего здесь больше: леса или каменных шпилей, стоящих то на одинаковом уровне с деревьями, то гораздо выше их; бесчисленное множество тонких, как иглы, утесов с заостренными вершинами упирается в небо.

Далеко внизу виден катер...

На одном из береговых столбов, стоящих близко в реке, видна белая надпись: «Миру — мир!»

Губенко заметил мой взгляд:

— Это мое художество. В большую воду, весной, вода здесь поднимается к самым скалам. Как-то плыли мы, я и написал.

Время от времени Григорий показывал мне какую-нибудь интересную башенку, поднимающуюся среди леса, или причудливый шпиль, или тонкий наклоненный столб, готовый, кажется, вот-вот упасть.

— Падают ли когда-нибудь эти столбы? — спросил я.

— Э-э! — махнул рукой Григорий. — Стоять им еще тысячу лет. Падают они, конечно, но мы не видим. Скалы эти очень крепкие.

Скалистый берег справа внезапно раздвинулся; показалось устье речки Малой Нирунды. Каменный лес сменился сплошной тайгой.

— Батя мой недалеко здесь живет, — сказал Григорий. Достав откуда-то газету, он подал ее мне.

— Это он.

Газета называлась «Новая жизнь». Издается она в Байките. С ее страницы на меня смотрел дед с хорошими, добрыми глазами, большой седой бородой и аккуратно причесанными волосами.

Отец Григория родился в 1885 году на Украине. До революции он попал в Сибирь как политический ссыльный, полюбил ее суровую природу и остался здесь навсегда. Женился на сибирячке. Здесь и родился Гриша.

В годы становления Советской власти в глухих сибирских уголках Никита Герасимович Губенко был партийным работником; долгое время он работал председателем одного из колхозов, потом был председателем Байкитского райнотребсоюза. Подошла старость. Старик ушел на пенсию, занялся охотой, стал знатным промысловиком Байкитского района.

— А впрочем, вы сейчас увидите его сами, — сказал Григорий.

Вновь загудела сирена. Перед большим бурным ручьем, впадающим слева в Подкаменную Тунгуску, Губенко круто повернул катер к правому берегу. Я разглядел крохотную охотничью избушку возле леса. Рядом с избой стояла одинокая человеческая фигура. От избушки к воде бежала черная собака.

Когда причалили и высадились на берег, Григорий сказал:

— Перекусим малость, Михаил Александрович.

Перепрыгнув по камням через шумный ручеек, мы поднялись к избушке. Навстречу нам шел симпатичный бородатый старик.

— Ну как, батя, жизнь? — приветствовал его сын.

— Живу помаленьку, промышляю. Вот только грыжа не дает покоя — ходить далеко не могу.

Старик приветливо поздоровался со всеми и спросил:

— Вы, ребята, наверно, есть хотите? Гриша, там, — он кивнул в сторону лога, — в бочке есть харюзы, сигов малость. Давай, хозяйничай, угощай гостей-то.

Вскипятили чай. На столе, устроенном перед избушкой, появились малосольные хариусы и сиги, кружки и черный хлеб. Мы сели за стол.

Я невольно огляделся. Крутые, заросшие лесом склоны спускаются к реке. Рядом с избушкой, в логу, протекает маленький шумливый ручеек. Выше простирается неоглядная тайга, над ней высятся скалистые обрывы. Что заставляет старика жить одиноким среди этой таежной глухомани?

Григорий заметил, что я оглядываю места, наклонился ко мне и прошептал:

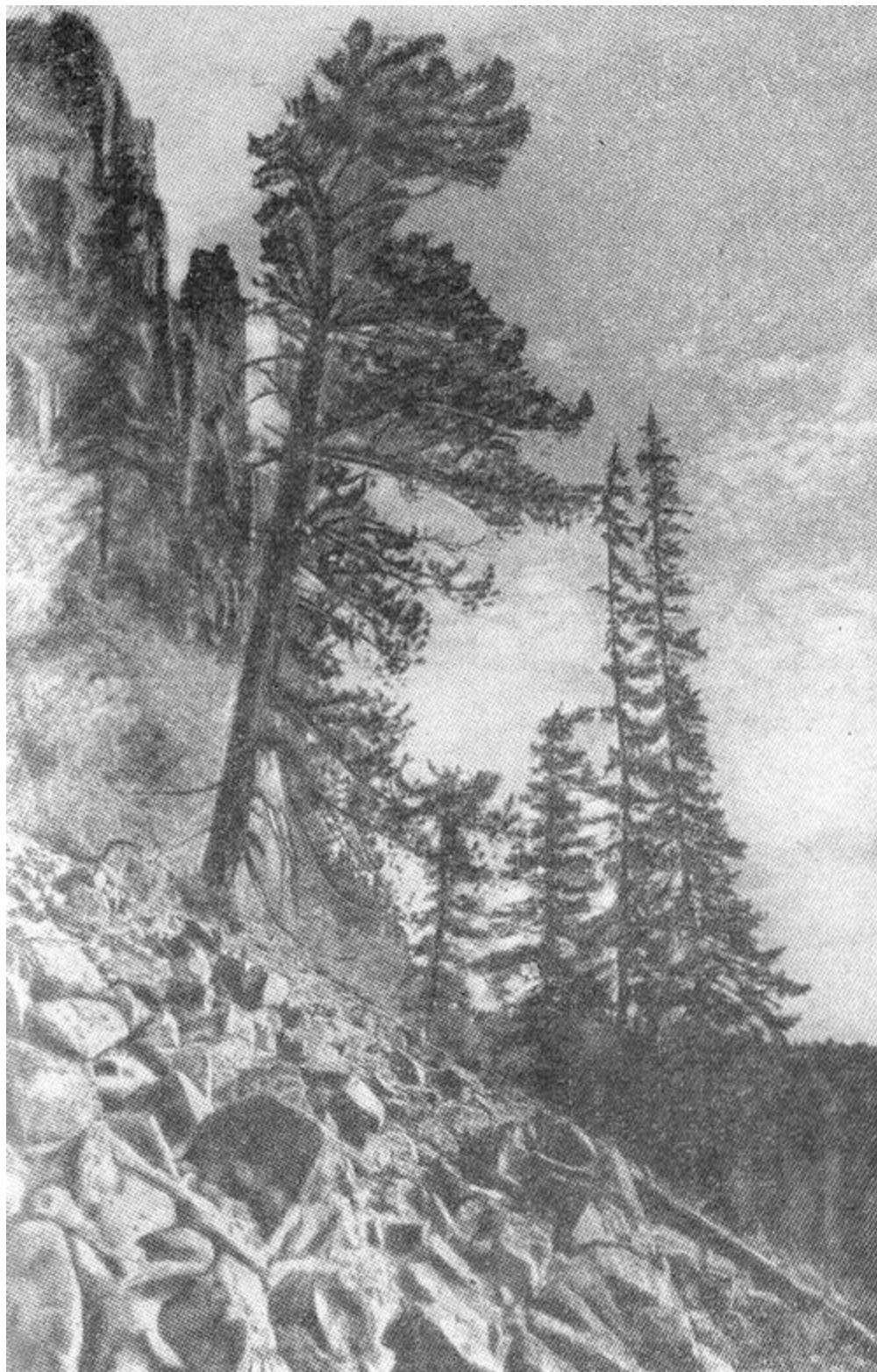
— Как наступает лето, батя говорит мне: «Вези меня, Гриша, в мою избу». Мать ворчит на него, а он — вези и только!

Действительно, что может быть для старого человека лучше отдыха в таком уединенном месте? Да только ли для старого! Кто бы отказался провести со стариком лето в его избушке! И вам было бы хорошо, и ему не скучно. Помогли бы ему в рыбалке, в охоте — и полный стол еды к вашим услугам. От избы можно совершить немало интересных дальних маршрутов по тайге. Рядом студеная прозрачная река. В тайге тьма ягод и грибов, непуганая дичь. Над вами чистейший воздух. Дыши полной грудью, очищай легкие от городской копоти!

Много таких одиноких избушек по рекам Сибири. Немало старых рыбаков и охотников проводят в них лето и осень, добывая для государства пушнину. Провести свой отпуск в такой охотничьей избе со старым охотником, прожить с ним месяц на берегу глухой реки — такое запомнится на всю жизнь!

— Не хотите ли посмотреть, чем промышляет мой старик? — спросил меня Григорий.

Я согласился.

Деревья среди скал

— Покажи-ка нам, батя, как ловишь соболей.

Никита Герасимович повел нас в тайгу к местам, где у него расставлены ловушки, так называемые плашки. Плашка — это доска, которая, будучи определенным образом установлена (насторожена), падает на зверька, если он подползет под нее и схватит прикрепленную приманку. Для тяжести на плашку еще кладется лесина.

Узенькая тропка, тянущаяся среди темного леса, скоро привела нас к одной из ловушек.

Здоровье уже не позволяет Никите Герасимовичу промышлять ружьем, и он успешно добывает зверьков плашками. До двухсот ловушек расставил он на многие километры вокруг избы. Периодически он обходит их и просматривает.

От избушки старого Губенко до Полигуса примерно пятьдесят километров по реке. Не доплывая до села километров двадцать, в узком скалистом месте находится порог Дедушка. Григорий Губенко хотел еще засветло пройти этот порог, чтобы вечером быть в Полигусе.

Я плыву на последней илимке, чтобы можно было заснять весь караван, когда он будет проходить через порог. Километрами двумя ниже приюта старика с левого крутого берега в Подкаменную красивым каскадом впадает бурная речка Огнё. Под каскадом разлилась большая тихая заводь. В ней и ловит старик тех крупных хариусов, которыми он угощал нас.

Впереди по Подкаменной Тунгуске виднеется широкий и тихий разлив. Там находится остров Польшоро. Река огибает его двумя широкими мелкими протоками. Более полноводная из них левая, но по ее руслу разбросаны опасные подводные камни. Тихое на первый взгляд место, но коварное.

Губенко то и дело высовывается из катера, зорко просматривает левую протоку, по которой наш караван должен обойти остров.

Тихим ходом мы приближаемся к мели. Вот уже передняя илимка подпрыгнула от удара о подводный камень, задрожала. Вторая, следующая за ней, миновала камень. Губенко что-то кричит рулевым и машет рукой. Те вцепились по двое в рули и судорожными движениями пытаются изменить направление каравана.

Снова задрожала первая илимка. Вторая наклонилась, и под ее бортом мы увидели большой черный камень. Илимка с треском переползла через него.

Рулевые на третьей, последней барке схватились за руль, чтобы отвернуть в сторону, но было уже поздно. Наша илимка глухо ударилась о камень, нос ее тяжело подпрыгнул, послышался треск. Буксирная веревка туго натянулась и оборвалась. Илимка остановилась на камне как пригвожденная: дно ее было пробито.

Катер с двумя другими барками удалялся от нас.

На какое-то мгновение сплавщики не могли опомниться. Потом кто-то из них крикнул:

— Вода в трюме!

Люди бросились внутрь илимки, которая была загружена мешками с мукой. Там находилась и моя киноаппаратура. Вода быстро прибывала. Ящик с аппаратом был почти наполовину в воде, среди кулей с мукой плавал спальный мешок. Почти все вещи были подмочены, в том числе и коробка с чистой кинопленкой.

Тем временем Григорий причалил две илимки к острову и на катере спешил к нам на помощь. Он хмуро осмотрел камень, на котором сидела илимка. Один из команды, щупленький старичок, суетился вокруг Григория:

— Я ее хотел, понимаешь, влево турнуть, а она, подлая, прямо на камень...

— Брось оправдываться, дядя Лука!

— Елочки-палочки, да разве я нарочно...

— Я тебе специально махал рукой и кричал еще когда? Две-то илимки прошли ведь хорошо!

— Да я, Гриша...

— А еще говоришь — старый сплавщик! Муки-то сколько попортили!

Губенко долго бился, силясь катером сдвинуть илимку с камня. Он старался и развернуть ее, и стащить с камня по течению — все безуспешно: илимка сидела, как на гвозде.

Григорий принял новое решение:

— Вот что, братцы, разгружай муку!

На лодке, которая буксировалась вместе с нами, стали перевозить мешки на берег острова. Весь остаток дня был посвящен авральным

работам. К вечеру илимка была полностью разгружена. Перевезли на остров и мои киногорузы.

По словам Григория, авария произошла по вине рулевых последней илимки: они не успели вовремя отвернуть от коварного камня. Рулевые передних илимок сделали это своевременно, и барки лишь скользом ударились о камень.

— Понимаете, местечко-то пустяковое, а вот один- два камня портят все дело.

Широкий разлив Подкаменной Тунгуски у острова Польшпоро действительно кажется тихим и совершенно безопасным местом. Крутые берега здесь далеко отошли от реки, посреди которой находится плоский и длинный остров. От всего пейзажа веет спокойствием, словно вырвавшаяся из скал Подкаменная Тунгуска отдыхает и набирает сил для прорыва следующей горной преграды.

Мы заночевали на острове. Утром Губенко еще раз попытался сорвать илимку с камня, но и на этот раз безуспешно.

— Плыдем в Полигус! — сказал он. — Через день вернусь сюда за грузом.

Мы отправились вниз по реке.

Посредине широкой протоки на камне осталась торчать одинокая илимка. На берегу острова белели штабеля мешков с мукой.

У острова Польпоро

После Польшпоро облик берегов резко изменился: русло Подкаменной Тунгуски сузилось, по обеим сторонам реки вырос сплошной каменный лес — массив причудливых скал.

Каких только замысловатых фигур не создала здесь природа! Оригинальные башенки, головы каких-то фантастических зверей, развалины древних замков...

Поистине удивительны эти творения невидимого скульптора!

Установив кинокамеру, я снимал телеобъективом самые примечательные камни. Возле меня стоял дядя Лука.

— Снимай, снимай, — говорил он. — Нигде не увидишь больше таких скал, как у нас на Подкаменной.

Правый берег неожиданно раздвинулся: показалась большая речка, вливающая свои воды в Подкаменную Тунгуску. Устье ее обрамляли зубцы живописных скал.

— Большая Нирунда, — сказал дядя Лука. — Медвежьих углов на ней полно!

Речка вытекала из красивой долины, сжатой высокими скалистыми сопками. Быстрая вода перекатывала свои бурные струи через камни, разбросанные по всему ее руслу.

Сразу за Большой Нирундой Григорий включил сирену (он теперь всегда включал сирену, когда хотел обратить мое внимание на что-нибудь интересное). Впереди, на левом берегу, мы увидели утесы в виде высоких тонких колонн. Над ними парил орлан-белохвост. Губенко заглушил мотор и на всю реку прокричал:

— Здесь самые красивые скалы! Будем причаливать? Кстати, у меня есть работа минут на пятнадцать!

— Приставайте! — крикнул я.

Григорий был прав. Столбы действительно были непохожи на все, что мы видели до сих пор. Их всего пять-шесть, и стоят они отдельно друг от друга. Особенно интересен самый крайний столб. Это отвесная скала, очень тонкая, высотой метров сорок. На ее вершине примостилась развесистая березка. На макушке соседней скалы во все стороны торчали прутья гнезда большой птицы.

Григорий причалил караван к невысокому, но обрывистому берегу.

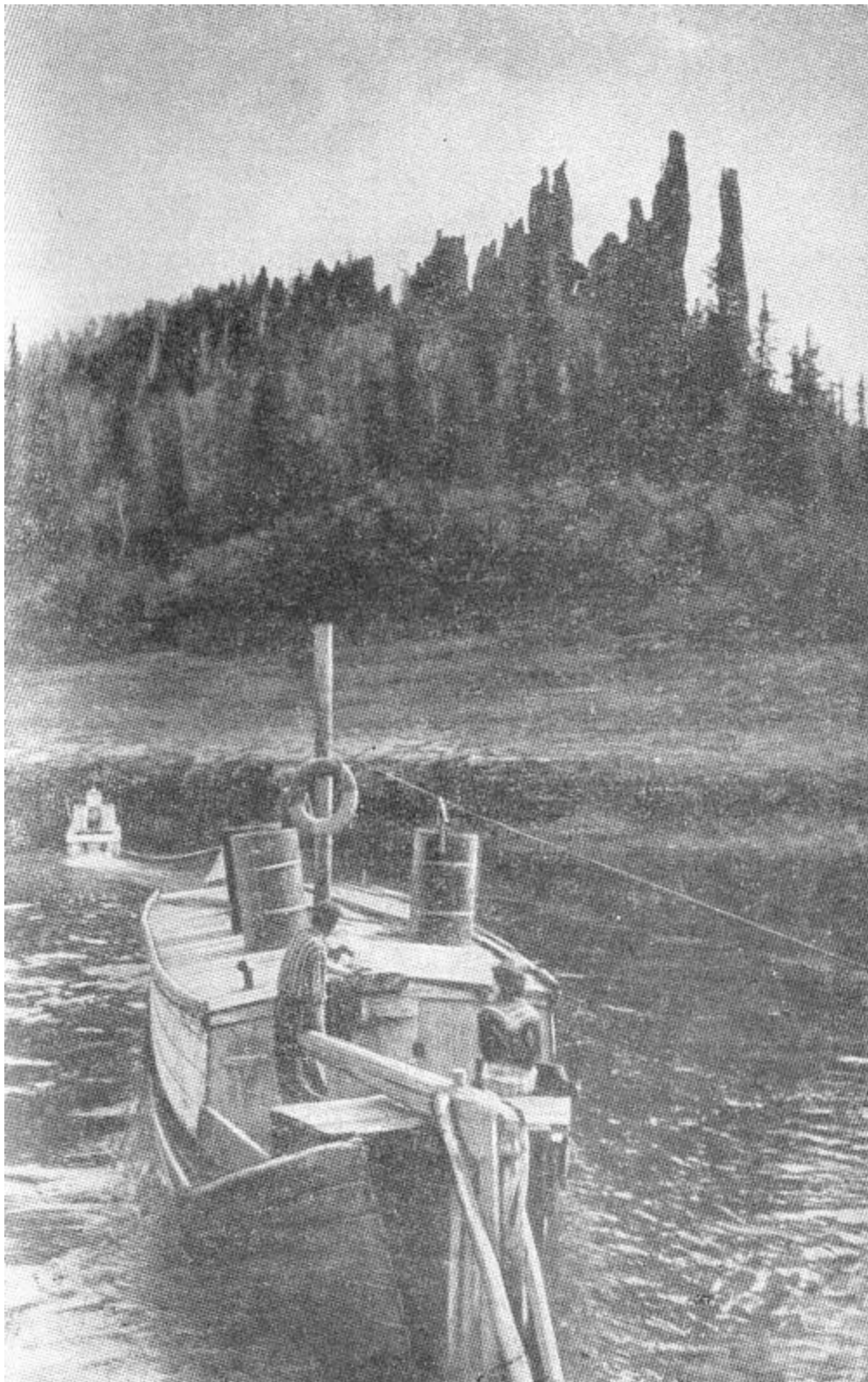
— Беркут здесь жил когда-то, — сказал он, показывая на гнездо. — Какой-то варвар его убил. Теперь в гнезде квартирует орлан-белохвост.

Мы поднялись к подножию утесов. Дождавшись, когда орлан усядется на свое гнездо, я заснял вершину скалы вместе с ее обитателем.

Каменные колонны под Большой Нирундой — самые оригинальные скалы на всей Подкаменной Тунгуске. Ниже реку сжимают крутые скалистые берега. От отвесных утесов до самой воды спускаются россыпи, русло сдавлено массой огромных валунов. Течение здесь бешеное. Это самое узкое место на Подкаменной, так называемое Горлышко.

По обе стороны Горлышка много причудливых скал. Я заснял некоторые камни и даже зарисовал в записную книжку силуэты наиболее интересных утесов.

Река петляет между крутыми берегами и выходит к отвесному скалистому гребню. Этот гребень тянется на четыре километра по всему правому берегу. Здесь природа тоже изрядно потрудилась. Башни, пики, остовы разрушенных замков, химеры, прямо как на соборе Парижской богородицы, — чего только нет среди этой каменной фантазии!

Береговые скалы вблизи устья Большой Нируды

В начале скалистого гребня находится шивера Бабушка, в конце — порог Дедушка, самый бурный и опасный на участке Байкит — Полигус.

Мне рассказали легенду об этих странных названиях.

На этих берегах когда-то жили старик, со старухой. Занимались они рыболовством. Однажды старуха поехала на лодке и утонула возле шиверы. Старик на другой лодке стал искать старуху. У порога его лодка перевернулась, и он тоже утонул.

С тех пор и стали называть шиверу Бабушкой, а порог Дедушкой.

Есть и другое объяснение. Напротив шиверы среди скал якобы есть камень, напоминающий сгорбленную старушку. По нему-то и называют шиверу Бабушкой. А у порога один из береговых утесов напоминает будто бы профиль старика, поэтому и называют порог Дедушкой.

...После случая у острова Польшоро дядя Лука больше не стоит за рулем. Теперь он обычно находится где-нибудь неподалеку и занимает меня разговорами.

Наш караван проходит мимо Бабушки, но я не успеваю рассмотреть каменную старуху. Перед порогом Дедушка я прошу Луку показать мне утес, похожий на деда.

— Подожди-ка, дорогой: не до Деда сейчас, — отвечает дядя Лука, устремив глаза на приближающиеся белые буруны порогов.

На илимке все притихли.

Там, где скалы правого берегового гребня близко подходят к воде, находится порог Дедушка. Узкое русло реки перегорожено многочисленными подводными камнями. Их не видно. Только вода клокочет и пенится над ними.

Первые камни, едва скрытые водой, проскочили мимо каравана. Некоторые из них коснулись бортов. Илимка содрогнулась — под дном ее проползает каменная глыба.

— Пронеси господи! — шепчет, стоя рядом со мной, дядя Лука.

Я слежу за катером. Губенко направляет его между бурунами, под которыми скрыты подводные камни. Сплавщики на илимках точно повторяют маневр Григория. Катер делает поворот влево — рулевые следующей за катером илимки поворачивают ее в ту же сторону, вторая илимка повторяет маневр первой, и караван цепочкой обходит опасные места в пороге.

Все это происходит в считанные секунды. Караван на бешено несущихся струях выносится в тихое место. Наступает тишина. Я оглядываюсь назад — река падает словно с гигантской ступени. Оттуда доносится равномерный гул.

Я вспомнил знаменитый Панолик, который мы недавно проплывали с Савватеевым, и невольно сравнил его с Дедушкой. Дедушка не кажется таким грозным, как Панолик: валы Панолика гораздо мощнее, и подводных камней там, кажется, больше, но нависшие над Дедушкой фантастические скалы и сжатое огромными камнями русло реки придают ему необычный и внушительный вид.

За многими порогами на Подкаменной Тунгуске держится дурная слава. Немало жизней поглотили их грозные валы. В чем же именно опасность и сложность прохождения через пороги? Я думаю, что любителям путешествий это нужно знать.

Крупный порог опасен для любого транспорта, и особенно для одинокой лодочки, которая становится здесь почти неуправляемой.

При движении вверх по реке, когда из-за сильного напора воды лодка или караван илимок идут через порог очень медленно, опасность несколько меньше. При такой малой скорости легче обходить камни и маневрировать между ними, а в случае неудачи можно просто сплыть вниз.

Совсем иная картина, когда вы спускаетесь через большой порог вниз по реке. Бешеное течение подхватывает илимки и несет их прямо на камни. Поэтому нужно умело и быстро маневрировать между камнями, иначе илимка, ударившись о камень, может перевернуться. Человеку, попавшему в ревущие буруны, трудно спасти свою жизнь: он беспомощен среди мощных потоков воды.

Для лодки большой порог особенно опасен. Со своими малыми габаритами она здесь становится просто щепкой, Которую легко захлестывает большая волна. Если илимкам на пороге опасно соприкоснуться с подводными камнями, то для лодок это тем более губительно. Удар лодки о подводный камень на большой скорости может быть роковым: дно наверняка будет проломлено, лодку может резко развернуть и перевернуть набегающим валом.

Надо уметь по характеру поверхности воды определять, в каком месте лежит подводный камень. Бурлящую воду над камнем

сплавщики называют бурунами. Буруны видны издалека. Вода в таких местах кипит, переливается с ревом и шипением.

До Полигуса оставалось не так уж далеко.

Пройдя порог, Губенко включил сирену и помахал нам фуражкой. Он поздравлял сплавщиков и пассажиров с благополучным прохождением порога — так уж заведено на Подкаменной Тунгуске.

Высокие зеленые горы со скалистыми обрывами у вершин обступали реку. Русло ее стало шире, течение было быстрое, но спокойное.

На илимках снова царит оживление. Команда радуется: порог пройден благополучно. Дядя Лука смешит пассажиров своими рассказами. Он подозрительно весел: видимо, втихомолку хватил водочки.

Три подружки уселись рядышком и смотрят на незнакомые берега. Рядом с ними опять появился гитарист. У него опухшие глаза: когда проходили порог, он спал.

— Прелестные, где же ваш Полигус? — спросил он, делая ударение на «у».

Девушки хихикнули. Парень безразлично оглядел берега:

— В какую глушь завезли нас!..

Подкаменная Тунгуска круто повернула влево. На самом изгибе с правой стороны впадала небольшая речка, в долине которой виднелась столообразная гора. Ее плоская вершина по краям обрывалась отвесными скалами. От подножия их спускались крутые, покрытые серыми осыпями склоны.

— Как называется гора? — спросил я дядю Луку.

— А шут ее знает! Гора, да и только. А речка называется Дягдагли. Чуть пониже будет другая — Дилисма.

Уж очень примечательна столовая гора в долине Дягдагли. Ее можно сравнить и со шкатулкой, и с усеченной пирамидой. Взглянуть бы с ее скалистых обрывов на просторы эвенкийской тайги! Взору предстало бы обширное пространство с многочисленными плоскими вершинами — необозримое Средне-Сибирское плоскогорье...

Из-за поворота реки на невысоком берегу показались домики.

— Вот и ваш Полигус, — сказал дядя Лука девочкам.

Девушки стали внимательно рассматривать место своего будущего жительства. Трудно сказать, что они испытывали. Может, они были рады, что поживут и поработают в отдаленном уголке настоящей Сибири. А мне хотелось бы пожить на этих пустынных берегах Подкаменной Тунгуски...

Густо заросшие лесом горы окружали деревню. Домиков в ней было не так уж много — десятка три, не больше. Среди строений выделялись три-четыре крупных здания.

От домов к воде спускались люди. Губенко включил сирену. Народ повалил еще гуще. Вскоре на берегу уже стояла большая толпа. Среди встречающих особенно много было эвенкийских ребятишек и подростков.

Наших девушек встречали местные девчата. Очевидно, они уже знали о приезде трех подруг с Кавказа. Они увели наших спутниц в деревню. За ними ушел и парень с гитарой. Все пассажиры покинули илимки. Команда местных грузчиков вместе с нашими рулевыми начала выносить грузы на берег.

Прошло часа полтора. Разгрузка кончалась. На берегу появились переодетые и принаряженные подруги. Они подбежали к нам с Григорием и радостно поделились новостями:

— А нам уже дали комнату!

— И с полной обстановкой: кровати, стол и стулья!

Девушки радовались, что в Полигусе есть кино и радио, магазин и почта.

— Не такая уж здесь глушь! — сделала заключение Людмила.

— Элка! — с ужасом сказала одна из девушек. — Картошка-то подгорит!

Подруги побежали обратно в деревню. На высоком берегу они остановились, поговорили между собой и крикнули:

— Приходите к нам в гости!

В ПОЛИГУСЕ

Чуть забрезжил рассвет — по железной палубе катера застучали тяжелые сапоги. Раздался голос Губенко:

— Дядя Лука! Петро! Никола! Саня! Поднимайся, братва!

Через минуту загудел мотор. По крыше илимки затопали сплавщики.

— Топоры, доски, гвозди! Паклю не забудьте! — командовал Григорий.

Послышались всплески падающих в воду канатов.

— Крепи буксир!

Вскоре заскрипели друг о друга бортами илимки. С одной порожней баркой Губенко поплыл к острову Польшоро за оставленными там грузами и за той илимкой, которая осталась торчать на камне.

Утро было туманное. По крутым оврагам между высоких береговых возвышенностей стояла густая молочная пелена. Медленно двигаясь, она оплывала лесистые склоны гор, наполняя собой тайгу. Туманная дымка покрывала и реку. В ней скоро скрылся катер Григория. Был слышен только гул мотора.

Я остался в Полигусе, чтобы не пропустить солнечного дня для съемки поселка.

Поселок расположен при устье маленького шумливого ручья, вытекающего из тайги со стороны скалистого обрыва. Там среди леса торчат причудливые каменные столбы, похожие на скалы у Большой Нирунды. На другом берегу Подкаменной Тунгуски, против села, тянется гряда высоких лесистых гор с плоскими вершинами.

Незаметно подкравшаяся осень разукрасила лиственничные леса вокруг Полигуса. Зеленое хвойное море за три-четыре дня стало желтым. Тайга теперь кажется ярче, веселее.

Полигус после Байкита — самое большое село в горной части Подкаменной Тунгуски. Вдоль берега протянулись два ряда добротных жилых домов с единственной широкой улицей посередине. В селе есть больница, детские ясли, туберкулезный санаторий, интернат для эвенкийских детей и Дом культуры.

А вот как писал орнитолог А. Я. Тугаринов о фактории Полигус, которую он видел в 1921 году: «Удаленная от ближайших факторий и населенных пунктов, зимой она совершенно разобщена с внешним миром... Товары сюда завозят с устья, тянут вверх бечевой в илимках, причем редко дело обходится без аварий и порчи груза».

Туман на реке немного развеялся и поднялся к горам. Громко заговорил репродуктор на столбе в самом центре села. На крыльце одного из домов показались наши спутницы. Помахав мне полотенцами, они побежали умываться к реке. Завмаг открыл ставни на окнах магазина. Начальник почты распахнул настежь двери отделения связи.

Улица поселка оживилась. На единственном дощатом тротуаре, греясь в лучах утреннего солнца и не обращая никакого внимания на проходящих, разлеглись собаки.

Идя по тротуару, я в замешательстве остановился перед неожиданным скопищем свирепых на вид псов: а вдруг бросятся на незнакомого человека!

С замиранием сердца прошел я мимо огромного пса. Не меняя положения, он открыл один глаз и безразлично посмотрел на меня. Его взгляд не принес мне успокоения. Идущий навстречу мужчина остановился:

— Не бойтесь их. Они не кусаются.

— А кто их знает, что у них на уме!

— Вы человек, видимо, новый и не знаете нравов наших сибирских лаек. Они ведь у нас зимой и летом на воле. Мы не держим их на цепи, и поэтому они добродушны к любому человеку.

Я недоверчиво покосился на псов.

— Ходите спокойно по деревне!

Я прошел мимо десятка лежащих на тротуаре собак, и действительно ни одна из них не удостоила меня своим вниманием.

В полдень я зашел в интернат для эвенкийских детей. Наши знакомые девушки занимались с малышами. Ребятишек было много. При шуме киноаппарата они таращили на меня свои раскосые глазенки. Это были дети охотников и оленеводов, которые с колхозными оленьими стадами вынуждены надолго уходить в тайгу.

Интернаты сейчас есть во всех крупных поселках Эвенкии. Эвенки, занятые охотой и выпасом оленей в тайге, теперь спокойны за

своих малышей.

Весь день я провел в съемке села и его окрестностей. К вечеру на реке прогудела знакомая сирена. Губенко возвращался с острова Польшоро с двумя илимками. На одной из них белели мешки. Как ему удалось снять с камня барку с пробитым дном?! Я восхищался сибирской настойчивостью и умением Григория.

Пробитая барка требовала еще некоторого ремонта: в таком виде она не могла идти через пороги, которые расположены по реке ниже Полигуса. Команда забила пробойну, законопатилла все щели.

Вода в Подкаменной Тунгуске из-за сухих дней сильно упала. При малой воде Губенко не решался плыть с караваном через опасные пороги.

— Нужен хороший дождикек денька на три, — сказал он, — тогда мы можем спокойно плыть через Мучной и Семиверстный.

Несмотря на то что давно наступил сентябрь, стояли погожие дни, и на дождь не было никакой надежды.

Бывает так осенью — затихнет вся природа в каком-то прощальном упоении, разукрасит золотом и киноварью тайгу; на небе ни облачка, тепло и спокойно, нет комаров. В эти дни так хорошо живетcя людям в таежных селах! Все стараются как можно лучше использовать золотое время: собрать урожай с огородов, поохотиться и порыбачить, запастись на зиму ягодами и грибами. Да мало ли дел у трудового человека!

Осень — лучшее время в Сибири.

В один из вечеров нас с Григорием пригласил к себе полигусский заготовитель Петр Константинович Сорокин. Повода не было никакого — просто захотелось посидеть за столом и поговорить с приезжими людьми. В сибирских селах это любят.

Григорий сказал мне:

— Не пойти нельзя, обидим человека.

Мы направились к дому Сорокина. У входа в избу нас встретила супруга заготовителя. В ней я узнал одну из женщин, плывших с нами на илимках из Байкита. Она провела нас в горницу. Хозяин тоже оказался знакомым: с ним мы встретились на улице, когда я с опаской обходил собак. Это был средних лет мужчина, крепкий, низкого роста, видимо бывалый таежный охотник.

Мы разговорились о пушнине, которую он принимает от охотников и в которой, безусловно, знает толк. Петр Константинович показал нам шкурки соболей, белок, ондатры — мягкое золото тунгусской тайги. Тем временем жена Сорокина гремела на кухне посудой. Через некоторое время мы услышали ее голос:

— Мужики, идите к столу!

Хозяин повел нас в просторную кухню. У стены перед окном стоял большой стол. Пока мы разговаривали в горнице, хозяйка успела заботливо накрыть его. Чего тут только не было! В глубоких тарелках дымился суп с лосятиной, на деревянном блюде было разложено еще горячее отварное мясо, стояли миски с малосольными хариусами и тугунками, с кусками жареного тайменя и ленка. В блюдцах была насыпана голубика с сахаром. Тут же были и соленые грибы с луком. Среди этих сибирских яств стояли стеклянные банки с темно-красным брусничным соком, разведенным вькокоградусной жидкостью.

— Вот это красота! — сказал Гриша Губенко.

— Ну, вы уж не обессудьте: у нас все очень скромно, — оправдывалась хозяйка.

— Хорошенькое «скромно»! Стол скоро подломится от снеди!

За ужином было рассказано много интересных историй, особенно о медведях и сохатых. Места вокруг Полигуса очень богаты зверем, рыбой и дичью. Во всех окружающих таежных речках в изобилии водятся таймени, ленки, хариусы и сиги, не говоря уже о щуке, окуне и прочей рыбе. По долинам рек можно запросто встретиться с медведем.

Разговор невольно перешел на извечный бич тайги — комаров, гнус.

— Вот вы говорите, — начал Петр Константинович, — что надо уничтожать комаров. Об этом много пишут в книгах и журналах. Комары, конечно, человеку не нужны. Житья ведь нет таежнику от этой нечисти! Но вот что я вам скажу...

Сорокин взял вилкой кусок малосольного хариуса и, помахивая им, продолжал:

— Хариус-то, он ведь без комаров, пожалуй, и не проживет: это его основная еда летом.

Он заметил недоумение на моем лице.

— Как же! Давно известно всем — жрет хариус комара прямо из воздуха.

— Верно, — подтвердил Гриша.

— Настоящая рыба акробатика! — продолжал Сорокин. — Вылетит хариус из воды головой вверх, схватит комара в воздухе, красиво этак перевернется и головой вниз обратно в воду. Танцует, пляшет рыба, когда охотится за комаром.

Григорий добавил:

— На Колыме, говорят, есть озеро, которое так и называется — озеро Танцующих Хариусов.

— Что и говорить, — продолжал Сорокин, — циркач- рыба! А когда чистишь хариуса, у него желудок прямо забит комарами. Настоящий комариный фарш! Вот теперь и думайте: уничтожить комаров — а хариус чем питаться будет? Лишится пищи рыба, и ее самой, может, не станет.

— И все-таки комаров надо как-то уничтожать, — сказал я.

— Оно, конечно, комар не дает спокойно работать людям в лесах — и охотникам, и геологам, и оленеводам. Но комарье полностью уничтожать нельзя, да и не нужно! Важно не уничтожить комаров в тайге, а оградить от них человека и оленьи стада хотя бы так, чтобы комары не могли подлетать к ним на определенное расстояние.

— Да, это, пожалуй, главное, — поддержал Гриша, — лишь бы комар не кусал тебя, не мешал работать. А кругом хоть тучами он вейся!

— Я, как заготовитель, категорически возражаю против уничтожения комаров. Не хочу, чтобы люди лишились замечательной рыбы хариуса! — шутливо закончил Петр Константинович.

Он еще раз потряс вилкой и с удовольствием съел кусок рыбы. То же самое сделали и мы с Гришей. Вкус малосоленного хариуса был бесподобным. С этой минуты я стал противником полного уничтожения комаров.

— Хотите, сходим в тайгу на охоту? Покажу вам места, где водится дичь, — неожиданно предложил мне Сорокин.

— С удовольствием! Только ведь мое «ружье» не стреляет и во время киноохоты выстрелы отменяются!

— Хорошо, — согласился, смеясь, заготовитель. — Мы хотя и возьмем ружья, но не будем мешать вашей съемке. Когда пойдем?

— Хоть завтра!

Места вокруг Полигуса глухие, таежные. На сотни километров вокруг раскинулись охотничьи угодья. Особенно славятся дичью и зверем долины рек Енгида и Кондромо, самых больших притоков Подкаменной Тунгуски в этом районе. На их берегах устроены охотничьи избы, в которых живут во время промысла полигусские охотники. К избышкам ведут из села тропы. По одной из троп мы и решили отправиться на киноохоту.

На другой день утром у избы Сорокина собралась небольшая компания. Кроме Петра Константиновича здесь были двое местных ребят. Одного звали Тимка, другого Федор. Они были с рюкзаками и ружьями.

— Куда пойдем, ребята, на Кондромо или на Енгиду? — спросил заготовитель.

— Конечно, на Кондромо. Там копалух и глухарей навалом! — сказал Федор.

Гуськом мы направились по маленькой узенькой тропинке в гору к живописным столбам, которые высятся над Полигусом. С этих каменных утесов открывается прекрасный вид на долину Подкаменной Тунгуски с прилепившимся на ее берегу крохотным поселком. Далеко простираются сплошь заросшие лесом плоские горы.

Осенние краски оживили таежный океан. Казалось, будто земля накрыта вывернутой мехом вверх шубой: огромные острова пожелтевших лиственниц — светлая шерсть, а пятна вечнозеленых кедров и елей — темная.

Тропа ведет нас в глубь тайги. Километра три она поднимается в гору, потом столько же спускается вниз, в долину небольшого ручья. У ручья тропа раздваивается. Сорокин показал на правое ответвление тропы:

— Это дорога в верховья реки Кондромо, в заимку Манкур и озеро Хаталанда. Километров восемьдесят отсюда будет.

Все эти названия звучат для меня как-то особенно, говорят о местах, доступных только смелым охотникам...

На берегу речки мы остановились на привал.

— А теперь пойдем в сторону заимки Кондромо, — сказал Сорокин.

Тропа теперь пошла вдоль речки, по склону лесистой долины. Весь склон был покрыт мягким и глубоким мхом. На нем, как рассыпанные рубины, лежали ягоды еще не совсем спелой клюквы. Немного выше по склону попадалась голубика, а еще выше краснели целые полянки брусники. Тяжелые, темно-красные, переспелые ягоды лежали во мху, неудержимо притягивая к себе.

Мы увлеклись было брусникой, но наше занятие неожиданно прервал тревожный свист рябчиков. Прямо перед нами с земли взлетели два рябка.

Ребята взяли за ружья, но Сорокин остановил их:

— Дайте сначала кинооператору отстреляться!

Мы стояли, прислонившись к деревьям, и с интересом наблюдали за птицами. Рябки, нахохлившись, сидели на березе и, не обращая на нас внимания, лениво клевали листву. Один из них даже закрыл глаза и, казалось, дремал. Это было интересно, такого кадра у меня еще не было.

— Снимайте быстрее, а то улетят, — шепнул Петр Константинович.

Я вскинул кинокамеру и прицелился, но что-то не понравилось мне: уж очень мелки по масштабу были рябчики в кадре, захотелось подойти поближе. Однако не успел я сделать и двух шагов, как рябки вспорхнули и скрылись в лесу. Какая обида!

— Я же говорил вам! — с досадой воскликнул Сорокин.

Я и сам негодовал на себя: на киноохоте снимать надо сразу, не ждать, когда будет лучше. А потом уже, когда снят первый вариант, можно подходить ближе. Если птица и улетит, не обидно: кадр снят.

Наши молодые спутники убежали преследовать рябчиков. Спустя некоторое время впереди раздался выстрел.

— Вот я им сейчас задам! — сердито сказал Петр Константинович и направился к ребятам.

Послышался второй выстрел. Повесив кинокамеру на плечо, я с раздражением стал пробираться сквозь заросли в сторону этого звука. Приходилось раздвигать тонкие стволы березок и пролезать между ними. Гигантские корни вывороченных пней, как разметавшиеся щупальца осьминога, преграждали путь. Зацепившись ногой за корягу, я упал и растянулся на земле. Еще этого не хватало!

Я поднял голову — и замер: шагах в пятнадцать от меня среди ветвей молодой лиственницы сидела глухарка. Не поднимаясь с земли, я прицелился аппаратом и увидел в окуляре, что птица с любопытством вытягивает шею и присматривается ко мне. «Сиди, ради бога сиди!» — уговаривал я ее про себя. Сняв первый кадр, я осторожно поднялся с земли и начал приближаться к лиственнице, крадись, как кошка, и еле дыша.

«Только бы не улетела, только бы не улетела!» — стучало в моем мозгу.

Прячась за стволы, я переместился ближе. «Довольно, довольно!» — твердил я сам себе. Сделав упор о дерево, я навел на фокус и успел снять еще один кадр. Внезапно глухарка сорвалась с дерева и улетела в глубь леса.

Я направился в сторону улетевшей птицы. Вдруг над моей головой захлопали крылья, и с дерева с квохтаньем слетела еще одна глухарка. Я остановился и увидел совсем рядом сидящую на сушине копалуху — уже третью! На секунду я замер, потом стал осторожно готовить аппарат к съемке. Глухарка вначале беспокоилась, суетилась, но, видя, что я не двигаюсь, опять спокойно уселась на суку.

Сделав шаг в сторону, я неожиданно заметил на другом суку еще одну птицу, которую скрывало от меня стоящее впереди дерево. Обе глухарки сидели спокойно, не проявляя никакой боязни. Я перестроил кадр и заснял обеих птиц. Потом я начал шуметь, махать руками, кричать, чтобы спугнуть копалух, но птицы почему-то не реагировали на мои усилия. Тогда я крикнул на всю тайгу:

— Петр Константинович! Федя!

— А-а-а! — отозвался один из парней невдалеке.

— Идите сюда, здесь копалухи!

Видимо, привыкнув к моему присутствию, глухарки и тут не шелохнулись. Скоро захрустели сучья.

Увидев приближающегося Федора, глухарки забеспокоились и завертели головками.

— Иди скорее! — крикнул я. — Я хочу тебя заснять вместе с птицами!

Рядом раздался выстрел. Глухарки заклохотали, как перепуганные куры, и спорхнули с дерева.

— Ты с ума сошел! — закричал я.

К счастью, мои актрисы улетели невредимыми.

— Извините, не выдержал, — оправдывался Федя.

— Вскоре к нам подошли Петр Константинович с Тимкой.

— Что за пальба здесь? — напустился Сорокин на Федора. — Ведь условились искать дичь только для киносъемки! Для охоты будет особое время, вечером, когда снимать нельзя.

Мы продолжали свой путь по тропе к верховьям речки. Дичь больше не встречалась. Солнце скрылось за горы. В тайге наступили сумерки.

Вблизи шумящего потока мы выбрали место для ночлега. Развели костер. Ребята занялись устройством шалаша.

— Дядя Петя, как насчет того, чтобы пострелять к ужину? — спросил Федор.

Мы посоветовались с Петром Константиновичем, как сделать, чтобы дать ребятам возможность поохотиться и в то же время не распугать дичь перед завтрашней съемкой.

— Вот что, братва, — сказал заготовитель. — Вверх по речке не ходите. Не портьте нам дело на завтра. Идите обратно по тропе километра на три, на четыре, там и палите.

Вскинув ружья на плечи, ребята бодро зашагали вдоль речки.

— Теперь заснять бы вам самого глухаря, — сказал Петр Константинович.

— О! Это моя давняя мечта — заснять глухаря, особенно токующего.

— Э, брат, его стрелять-то сложно, а не только что снимать. К нему ведь чуть не на брюхе ползешь, дышать перестаешь. Приезжайте к нам в апреле — мае, сведу вас на далекие токовища. Там глухарей собирается десятками. Вот это зрелище! Вы знаете, как надо подкрадываться к токующему глухарю?

— Нет, никогда не приходилось.

— Вот слушайте. Во-первых, скажу, что название глухарь совсем не подходит к этой птице. В шутку, что ли, кто назвал ее так? Птица эта очень чуткая. Слышит приближение охотника за десятки метров и не подпускает его к себе близко. А во время тока чутье у глухаря еще тоньше. Что же происходит на токовище? Рано на рассвете глухарь начинает петь. Это песня не песня, так что-то вроде шелеста, шороха и

потрескивания, как иногда в костре слышишь. Вот прислушайтесь, — показал на костер Петр Константинович.

Между сучьями и бревешками, объатыми пламенем, что-то шипело, щелкало, трещало, пело тоненько на разные голоса.

— Вот примерно такое издает глухарь, — продолжал Сорокин. — Песня его начинается редким щелканьем. Упаси бог нечаянно пошевелиться в это время или просто кашлянуть. Улетит глухарь! Нужно тихо стоять и ждать. После щелканья песня переходит во второе колено, слышишь звук, словно топор на точиле точат. В это время глухарь действительно ничего не слышит. Пускайся со всех ног, но не более трех-четырех шагов. Замирай опять, потому что вторая часть песни очень короткая.

До нас долетели звуки далеких выстрелов. Петр Константинович прервал рассказ, прислушался:

— Ребята промышляют... Не дай бог, если во время токования глухарь услышит такой выстрел. Все, улетит.

— Что могут ребята видеть в сумерках? — спросил я.

— Увидят. Глаз у них зоркий. Глухаря-то стрелять на току приходится тоже почти в сумерках, едва его различаешь.

— Значит, под первую половину песни глухаря совершенно нельзя двигаться? — спросил я, горя желанием до конца выслушать прерванный рассказ.

— Ни в коем случае! Испортите всю охоту! Замереть нужно и переждать щелканье, а с началом второй половины песни бежать. Так можно подобраться под самое дерево, на котором сидит глухарь.

— Сложная тактика...

— А что ты думал, паря! Ведь это охота! Иногда глухарь, дьявол, молчит, прислушивается, вот и стоишь чуть ли не на одной ноге минут десять. Отекет ведь нога-то вся. А он возьмет да и улетит. Пропала охота! Ищи другого глухаря.

Из лесной темноты на костер вышли наши ребята и положили на землю четырех рябчиков.

Петр Константинович поворошил птиц рукой:

— А рябчиков стрелять — одно баловство. У нас их в тайге, как воробьев на ваших городских улицах.

— Ну, не скажи, дядя Петя, — возразил Тимка, — Мы этих-то четырех нашли с трудом.

— Так ведь птица спать улеглась, притаилась. Вы, может, под целыми выводками ходили сейчас, а они припрятались и не думали слетать с деревьев. Вы что, не знаете рябчиков?

Едва в тайге рассвело, Петр Константинович разбудил меня.

— Вставайте, сейчас самая пора охоты.

Легкая сизоватая дымка пронизывала всю тайгу. На востоке алело небо.

Федор с Тимкой еще спали. Сорокин махнул рукой:

— Пусть спят. А мы тем временем сходим с вами в одно местечко. Знаю я тут ручеек, глухари часто на гальку прилетают. Известно ли вам, для чего глотает глухарь гальку?

— Для перетирания пищи в желудке.

— Правильно. Пойдемте, может, удастся посмотреть, как птицы гальку собирают.

Хорошо в осенней сибирской тайге даже в самые тусклые предрассветные минуты! Весь лес полыхает красками. Кругом рассыпано золото лиственничной хвои. Тайгу украшают красные листья осин, черемух и рябин. Среди этого осеннего цветного хоровода особняком стоят никогда не меняющие своей окраски ели и кедры.

Мы прошли километра два вдоль речки, потом свернули влево к небольшому ручью, вытекающему со стороны плосковерхой возвышенности. Огромные ели обступили русло ручья. Осторожно пробирались мы под лапами хвойных исполинов. В этом лесном уголке царил полумрак.

Неожиданно за нашими спинами послышался шум. Мы быстро оглянулись. Вдоль ручья, снижаясь, тяжело летела большая черная птица с длинной, вытянутой шеей. Мы разом припали к земле.

— Слетаются на гальку, — шепотом сказал Сорокин.

Трудно было увидеть, куда сел глухарь: мохнатые ветви елей скрывали от нас русло ручья. Вдруг снова послышалось хлопанье крыльев. Над самыми вершинами елей пролетел огромный черный красавец и с размаху сел на одно из деревьев. Под его тяжестью закачались ветви.

— Готовьте свой аппарат, — прошептал Петр Константинович.

Я судорожно раскрыл рюкзак, вынул кинокамеру и вставил в нее телеобъектив. Руки тряслись, сердце колотилось часто-часто.

Сорокин погрозил мне пальцем и начал почти на четвереньках передвигаться в сторону дерева, на котором уселся глухарь. Я точно повторял все его движения: он остановится — я тоже, он пригнетса — я поступаю так же.

В одном месте он задержался и долго всматривался в хвою ели, где затаился глухарь; потом поманил меня рукой и шепотом сказал:

— Сам волнуюсь не меньше вашего: улетит ведь, дьявол!

Мы поползли дальше, скрываясь за стволами.

Наконец Сорокин прошептал:

— Больше двигаться нельзя. Теперь надо увидеть птицу. Будьте готовы с аппаратом.

Я проверил кинокамеру, осмотрел объектив.

— Вижу, — шепнул Петр Константинович.

Вытянув аппарат вперед, я приготовился к съемке.

А вдруг глухарь сорвется с дерева! Тогда я засниму его хотя бы летящим.

— Смотрите, хвост из-за сучка выставляется, — показал Петр Константинович. — Теперь вы оставайтесь здесь, а я поползу вон туда — там глухарь будет весь виден.

Я остаюсь на месте и слежу за хвостом птицы. Сорокин медленно и долго ползет в сторону, видимо старается обойти глухаря со спины. Хитер старый заготовитель!

Вот он остановился и, осторожно вытянув руку в мою сторону, снова поманил меня. Этот жест означает — ползти нужно кошкой, едва подавая признаки жизни. Вытянув вперед кинокамеру, медленно ползу к заготовителю. Пот струйками течет по лицу, заливает глаза. Вот это охота!

— Снимайте, — прошептал Сорокин, когда я поравнялся с ним.

Прицеливаюсь аппаратом, едва нахожу среди ветвей темный силуэт птицы, навожу фокус...

Неожиданный шум нарушает тишину леса. Глухарь тяжело срывается с ветви и улетает вдоль по ручью.

— Э, черт! — громко выругался заготовитель. — Пропали даром все труды!

Какая досада! Был такой великолепный случай заснять живого глухаря! И вот, извольте, улетел из-под самого носа...

— Ну, теперь знаете, как охотиться на эту птицу?

— Да... — протянул я с огорчением.

— Ну ничего, удача все равно когда-нибудь будет. Пойдем поищем еще.

Мы направились дальше по ручью.

Первые лучи утреннего солнца уже осветили вершины прибрежных елей. Шумливый горный ручей отражал в своих струях чистое голубое небо. На береговых песчаных отмелях виднелись следы глухарей, видимо птицы были здесь недавно.

Наши дальнейшие поиски не увенчались успехом — ни одного глухаря мы больше не увидели.

Вдалеке раздался выстрел. Сорокин прислушался.

— Ребята охотой занялись или беспокоятся за нас, дают сигнал.

Оказалось, что мы далеко отошли от лагеря. Ребята копошились у костра. На треноге над костром висел котелок с варевом из вчерашних рябчиков.

— Где вы пропадаете? Мы уже забеспокоились! — сказал Федя.

— Кого засняли-то? — спросил Тимка.

— Упустили глухаря... — ответил с досадой Петр Константинович.

— Дядя Петя, разрешите, мы за ним сходим, — попросил Федя.

— Браконьеры чертовы, вам бы только стрелять! Ищите-свищите теперь его по тайге.

Однако все решили, что днем лучше не охотиться, а провести время за другим занятием. Что касается меня, то я намеревался заснять красочные таежные пейзажи, крупно — ягоды брусники, голубики и многое другое, что встретится в осеннем сибирском лесу. Кстати, мне хотелось заснять бурундука. Я сказал об этом ребятам.

— Да мы этого «страшного зверя тайги» в два счета вам найдем! — воскликнул Тимка.

После завтрака все три охотника повели меня по тропе к речке. Федор и Тимка бегали от одного поваленного дерева к другому и стучали по ним палками. Они выбирали такие деревья, у которых уже давно сгнила сердцевина и широким дуплом зияло трухлявое отверстие. Из одной такой колоды с громким свистом выскочил маленький зверек. Он пулей понесся по земле и моментально забрался на дерево.

— Вот он, снимайте его! — крикнул Петр Константинович.

Мы окружили дерево, на котором устроился бурундук. Зверек сидел на самой нижней ветке, с любопытством глядя на нас. Он чесался, что-то хватал с ветки лапками и смешно жевал или вдруг начинал забавно умываться и прихорашиваться.

Бурундук

Мы стояли под деревом в трех метрах от бурундука и громко разговаривали. Я готовился к съемке. Сорокин рассказывал:

— Ребята-школьники ловят их петлями на конце удилица. Как на рыбную ловлю ходят в лес.

— Это что! — сказал Тимка. — Вы, дядя Петя, расскажите, как медведь ловит бурундуков.

Бурундучишка при этом сидел смирно и, казалось, прислушивался к нашему разговору. Петр Константинович продолжал:

— Да, интересные вещи рассказывают охотники, как медведь ловит этих дурачков. Вы понимаете, если стоять неподвижно, то бурундук может бегать у самых ваших ног, а, чего доброго, еще и заберется на вас. Топтыгин это дело знает. Встанет на задние лапы и стоит как вкопанный и при этом широко растопырит когти на лапах. Зверек осмелеет и заберется на него, бегаёт по мишке. Потом подбежит к концу лапы и сунется между когтями. А медведю только этого и надо: он сожмет когти — и бурундук попался. Съест медведь его и снова стоит как истукан, ждет другого дурачка.

На бурундука мы потратили много пленки. На этого зверька нельзя смотреть без улыбки: такие забавные штуки он выделяет перед охотником.

Бурундуки действительно очень любопытны. Снимать их легко, при этом почти не нужна телеоптика. Часто их можно снимать обычными объективами с фокусными расстояниями в пятьдесят и семьдесят пять миллиметров, за исключением кадров, когда нужно показать крупно мордочку животного.

Вскоре мы ушли от дерева, оставив бурундука в покое. Решили постепенно продвигаться в сторону Полигуса, чтобы до вечера прийти в село.

— Какого же зверя вам еще заснять?.. — подумал вслух Сорокин.

— Разумеется, медведя.

— Есть они на Кондромо. И на Енгиде их много. Но мы на медведя охотимся только зимой, когда он спит в берлоге.

Белка

Как убивают медведя — это снимать неинтересно, — сказал я. —
Интересно заснять его за каким-нибудь занятием: как он ходит по

берегу речки и выворачивает камни, как лакомится ягодами в лесу и тому подобное.

— Это очень трудно да и опасно. На такую съемку надо ходить с опытными охотниками. Если встретишь медведицу с медвежатами, она, чего доброго, может броситься на людей.

— А соболей здесь можно заснять?

— Почему бы и нет! Только ведь надо долго жить в тайге, каждый день ходить на охоту, терпеливо выслеживать — тогда и удача подвернется. Вот не удалось вам заснять сегодня глухаря, а если бы недельку пожить здесь, такой подловили бы момент!

— Жаль, что не могу я остаться у вас надолго: связан с караваном Губенко.

— Да! Для съемки к нам надо приезжать на месяц-два, на всю осень. Уходить с охотниками далеко в тайгу и жить с ними до самого снега. Только тогда вы и заснимете что-нибудь интересное: глухарей, сохатых, соболей, медведей. Приезжайте-ка ко мне на будущую осень, поведу вас на Енгиду, проживем с вами там месячишко.

— Завидное приглашение! При случае обязательно воспользуюсь им! Спасибо, Петр Константинович.

Мы задержались еще в нескольких местах: я снимал осенние пейзажи. Встречались нам и рябчики, и копалухи, и бурундуки, и белки. В одном месте даже выскочил на нас заяц. Во всех случаях мое киноружье было готово к действию.

На этой охоте я лишний раз убедился, как важно, чтобы кинокамера всегда была готова к съемке, — только тогда можно успеть схватить момент встречи с диким животным в лесу.

Несмотря на неудачу с глухарем, я и на этот раз выносил из тайги богатые трофеи на киноплёнке. Мой киноматериал о Подкаменной Тунгуске пополнялся все больше и больше.

ВПЕРЕДИ ГРОЗНЫЕ ПОРОГИ

Главнейшее препятствие при этом плавании представляют шесть порогов и четырнадцать шивер, из которых самая легкая для перехода шивера труднее, чем Осиновский порог на Енисее.

И. А. Лопатин

В конце сентября погода резко изменилась. Часто лили дожди. Каждое утро мы спускались под берег к установленной Григорием мерке и с радостью замечали, что вода прибывает.

— Пока не прибудет на десять сантиметров — не поплыву! — сказал Губенко.

После случая у острова Польшоро он не решался плыть дальше — через пороги Мучной и Семиверстный.

Мучной порог расположен в двадцати пяти километрах ниже Полигуса. Название свое он получил после того, как на нем потерпел крупную аварию караван с мукой. Здесь о подводные камни разбилось несколько илимов. Берега реки возле порога, говорят, были усыпаны мукой. Это было очень давно, однако память об этой истории навсегда сохранилась в названии порога.

В один из пасмурных дней, когда на мерке уровень воды чуть коснулся цифры десять, мы отплыли вниз по Подкаменной. Сорокин проводил нас в путь и долго смотрел вслед удаляющемуся каравану. Наши бывшие спутницы — три подружки стояли на берегу и махали платочками.

Домики Полигуса скоро скрылись за высоким берегом. Вдоль реки потянулись скалистые обнажения. Слева показалось широкое устье Енгида.

Промелькнули километры, и вот вдали уже виднеются белые барашки порога. Мы пристаем к левому берегу, где высятся причудливые утесы-столбы. Правый берег, крутой и скалистый, тянется вдоль реки крепостной стеной. Трудно сказать, чего здесь больше, леса или скал, — все смешалось в каком-то хаосе.

Идем по гигантским булыжникам к самому порогу, чтобы оценить обстановку. Гриша Губенко и дядя Лука долго советуются, разглядывают русло. По словам Григория, Мучной — самый опасный порог на Подкаменной Тунгуске. Здесь огромные камни в беспорядке разбросаны по всему руслу реки и очень трудно нащупать фарватер.

Воды было явно мало. Григорий задумался: здесь легко разбить илимки с грузом. Может быть, стоит пожить несколько дней у порога и подождать большой воды? А вдруг вода начнет, наоборот, убывать?

— Э-э, елочки да палочки, сколько раз ходили через Мучной! Была не была! — высказался дядя Лука.

И опытные сплавщики все-таки решились плыть через порог. Я стал готовить кинокамеру. На этот раз долой штатив: буду снимать с рук.

Погода меняется каждые десять — пятнадцать минут: то светит солнце, то льет дождь. Мы отчаливаем от берега и медленно приближаемся к порогу. На илимках все притихли. Я стою с аппаратом на носу и с негодованием поглядываю на затянутое облаками небо.

Но вот снова появляется солнце и освещает правый скалистый берег. Первый кипящий бурун над подводным камнем с шумом приближается к нашему каравану. Я включаю аппарат. Катер начинает вилять из стороны в сторону, выбирая русло между камнями. Шумящие валы проскакивают то слева, то справа. Рулевые илимок едва успевают повторять маневр катера.

Все сплавщики напряжены. Я прильнул к визиру аппарата. Первый скользкий удар о камень заставил илимку содрогнуться. Второй удар сбоку резко наклонил ее. Сплавщики насторожились.

— Под левым бортом камень! — крикнул кто-то.

Нос нашей барки вздыбился и тотчас же опустился, глубоко канув в бурлящую воду. Илимка, наклонившись в правую сторону, с хрустом переползла через гладкий подводный камень. Белый кипящий бурун остался за кормой...

...Быстро проносятся по сторонам последние подводные камни. Наступает непривычная тишина, лишь приглушенно шумит удаляющийся порог. Мы выплываем из затененного каньона в солнечную полосу света.

— Ура! — кричат на илимках.

Дядя Лука на всю реку выдает очередную порцию крепких
бранных слов и размашисто крестится.

— Слава тебе господи! Пронесло...

Искусство Григория на этот раз превзошло все ожидания. Караван прошел порог, не задев почти ни одного камня!

По правому берегу тянется высокая гора со скалистым частоколом. Высоко в скалах виднеется оригинальный утес со сквозным прямоугольным отверстием — знаменитое на всю Подкаменную Окно. Удивительное творение природы!

Солнце снова норовит запрятаться в тучи. Губенко дает сигнал сиреной и начинает разворачивать катер: он знает, что Окно нужно заснять.

Вскоре солнце скрылось в тучах и не появлялось уже весь вечер.

Мучной порог позади. Впереди еще один — Семиверстный. Это на завтра. А сегодня пора отдохнуть. Мы причаливаем к устью небольшой бурлящей речки на ночлег.

Рано утром я проснулся от крика. Кричал Губенко:

— Лука, разбуди кинооператора!

Послышался топот.

— Михаил Александрович, Гриша поймал тайменчика, просил разбудить вас.

Я быстро оделся и вышел на берег. В легком тумане вдали стоял со спиннингом Григорий.

Увидев меня, он махнул рукой в сторону большой глубокой лужи на берегу и сказал:

— Есть один артист для вас.

Я подошел к луже. Там плавал только что пойманный таймень, метровый красавец с красноватым наполовину туловищем. Он смотрел на меня страшным круглым глазом и, широко разевая пасть, жадно глотал воду.

В это утро рыба ловилась плохо. Мы поместили тайменя в бочку и отплыли дальше.

...Впереди на левом берегу показались домики.

— Что за селение? — спросил я дядю Луку.

— Какое там селение! В нем теперь ни души! Коченята назывались раньше.

— Куда же разбежались люди?

— В Полигус да в Байкит, — безразлично ответил старик. — Я здесь тоже пожил малость.

Наш караван приблизился к заброшенной деревне. Осиротевшие избы смотрели уныло.

— Порыбачим малость, здесь должна быть рыба, — сказал Григорий.

Губенко направил катер к берегу. После чаепития все занялись рыбалкой. Под шиверой против деревни хорошо ловились на блесну ленки. Ловить ленка спиннингом — одно удовольствие.

Мы выпустили нашего тайменя в большую глубокую лужу на берегу, где он свободно разгуливал. Преследуемый объективом киноаппарата, он забился под камень и тем самым дал мне возможность приблизиться к нему и заснять очень крупно.

В естественных условиях увидеть тайменя почти невозможно: эта очень чуткая рыба всегда держится на дне глубоких ям и редко обнаруживает себя.

За рыбалкой время пролетело незаметно. От Коченят мы отправились с полным бочонком ленков.

После широкого плеса ниже деревни, у так называемых Царских Ворот, к реке вплотную подходит высокая гора Боярина. Плес этот — пристанище перелетных птиц. Впереди на воде мы заметили огромную стаю диких уток. Похоже было, будто крупная птицеферма решила разом переселиться на юг. В стороне плавало несколько белоснежных птиц.

— На этом плесе всегда лебеди отдыхают, — сказал дядя Лука.

У горы Боярина русло реки становится узким, берега каменистыми. За горой в Подкаменную впадает речка Кондромо. Это в ее верховьях глухомань и звериные уголья.

Все больше сжимают реку крутые склоны. Мы подплываем к Большому порогу. Григорий выбирает место для причала чуть выше порога при впадении бурной речки. Шумными каскадами с ревом спускается она по гигантским каменным ступеням в Подкаменную Тунгуску. Над речкой высится группа живописных скал.

Эта речка, как и та, которая течет возле избы старого Губенко, называется Огнё (в переводе с эвенкийского — сухая, пересыхающая). Это название встречается во многих местах Эвенкии.

— Попробуйте половить тайменчиков здесь, под Огнё, пока мы с Лукой сходим на разведку, — предложил Григорий.

Впереди шумит Семиверстный порог. Он считается менее опасным, чем все предыдущие, и поэтому не вызывает у команды особого волнения.

— Порог этот — ерунда! — заявляет Лука.

И вот после небольшого отдыха мы плывем к этому последнему серьезному препятствию.

Порог состоит из двух огромных ступеней, расположенных на расстоянии семи старых верст одна от другой. Отсюда и его название. Первая ступень порога самая мощная. На дне ее торчит несколько громадных камней. Наша последняя илимка, на которой я стоял с кинокамерой, буквально переползла через них, содрогаясь и треща.

Судя по серьезным лицам рулевой команды, момент был опасный. Я настороженно следил за поведением сплавщиков. Мощные буруны, каких, пожалуй, нет нигде больше на Подкаменной Тунгуске, с шумом и кипением проносились возле бортов. При одном из крепких ударов лодки о камень я даже отложил в сторону киноаппарат. Здесь оказалось пострашнее, чем на Мучном.

— Вот так «ерунда порог»! — сказал я, вглядываясь в растерянное лицо Луки.

— Пронесло! Слава тебе господи! — изрек свою любимую фразу старик, когда мы наконец миновали порог.

Ниже Большого порога расположена фактория, или база, носящая то же название. Здесь мы задержимся, пока будут разгружать товары.

На крутом берегу разместились три небольших домика и длинный склад. Над ними высилась большая гора, увенчанная скалистыми обрывами. По крутым склонам ее простиралась бесконечная тайга. У причала толпилась кучка людей — обитателей фактории.

После обычных приветствий посыпались вопросы:

— Чего привез, Губенко?

— Патроны есть? Ведь охота на носу!

— А как насчет пороху и дроби?

— Все есть! — отвечал Григорий.

В одном из домов фактории расположилась метеостанция. Здесь проходили практику несколько молодых специалистов. Другие обитатели фактории жили здесь постоянно, занимаясь охотой и принимая пушнину от охотников. Охотой занимались и сотрудники метеостанции.

Ранним утром мы покинули факторию. Ниже ее характер реки резко изменился: русло стало широким, берега низкими. Места здесь были такие же необжитые, как и в горной части, если не считать двух-трех изб, где живут староверы. На наших илимках есть груз для одной такой избы, затерянной среди просторов тайги.

На этот раз я сидел в катере рядом с Григорием.

— Хочу показать вам кое-что, — сказал он загадочно.

Наш караван миновал несколько поворотов реки. По берегам, стиснутым стенами темнохвойного леса, тянулись длинные песчаные отмели.

— Приготовьте на всякий случай киноаппарат, — предупредил Григорий, внимательно вглядываясь в утреннюю дымку. — В этих местах я часто встречаю большие стаи глухарей. Как воронье, рассядутся на песочке и смотрят на мой катер, не улетают. Может, и сейчас увидим такую картину!

В ожидании интересной встречи я сжимал в руках кинокамеру.

— Да вот, кажется, ждут меня старые приятели! — воскликнул радостно Губенко.

На песчаной отмели неподвижно сидели большие черные птицы. Я приложился к окуляру киноаппарата, используя телеобъектив как бинокль. Действительно, глухари! Их было штук семнадцать. Все они настороженно следили за нашим караваном. Это было удивительное зрелище.

— Снимайте, пока наши не открыли пальбу, — сказал Григорий.

Я оглянулся на караван. Сплавщики уже сустились на илимках, готовя ружья. Я начал снимать. Через некоторое время глухари один за другим стали тяжело подниматься в воздух. На песчаной полосе осталось несколько птиц. Запоздавшие глухари приняли на себя несколько беспорядочных залпов с илимок, но выстрелы были неудачными, и берег скоро опустел.

— Это что, — сказал Григорий, — Бывает, соберется тут штук до тридцати. Как стадо черных баранов!

На левом берегу из-за поворота показалась одинокая изба.

— А вот и жилье старика Щеголева. Старовером его называют.

От избы к реке спускался стройный человек с большой бородой, с выправкой военного. Григорий, кивнув на него, сказал:

— Смотрите, какой идет молодец. А ведь ему почти семьдесят!

Губенко включил сирену и стал разворачивать караван для причала. На гудок из избы вышли еще двое: пожилая женщина и девушка.

Катер приткнулся к берегу, к тому месту, где у воды стоял бородач.

— Привет, старина!

— Здравствуй, Гриша. Чем порадуешь?

— Да вот, на год продуктов тебе привез.

— Давно ждем.

— Весь караван для тебя. Буржуем жить будешь!

Старик усмехнулся, обнажив удивительно сохранившиеся зубы. Теперь я мог рассмотреть этого таежного исполина. Ростом он был с нашего Григория, плечист, строен. Ни следа старческой полноты и обрюзглости. Здоровьем веяло от этого пожилого человека.

— С дороги-то надо сперва в избу зайти, — сказал он Григорию.

— Нет, старина, сначала выгрузим товары.

Вся команда принялась за дело. Вскоре на берегу выросли штабеля ящиков с порохом, дробью, патронами, мылом, солью. Рядом — мешки с мукой, сахаром, крупами.

Когда разгрузка илимок была закончена, старик Щеголев снова обратился к Григорию:

— Пошли в избу, Гриша. Приглашай своих приятелей.

Все направились к дому. На пороге нас приветливо встречали старушка, два рослых сына, тоже с бородками, и восемнадцатилетняя дочь старика.

В доме было просторно и опрятно. Вдоль стен стояло несколько кроватей с высокими башнями из подушек. В одном из углов висели иконы, украшенные расшитыми полотенцами. На большом столе у стены надрывался музыкой приемник. Старик почему-то поспешно выключил его.

Посреди жилья помещалась массивная русская печь с лежанкой и полатями. Огромной пастью зияло черное отверстие печи; в нем толпились массивные чугунки.

Нас посадили за стол. Старик со старухой засуетились. Бородач усердно расставлял стаканы.

— Брашонки испейте с устатку.

На редкость вкусное и приятное питье было принято с восторгом. Щеголев то и дело подливал.

— Брашонку-то вы, ребята, пейте вволю, нам потчевать, кроме вас, больше некого.

Я с удивлением смотрел на старика и думал: откуда столько здоровья у этого старого человека?

Сурова сибирская природа, но сильных духом людей она делает еще крепче и здоровее. Живет этот семидесятилетний человек в таежной глуши, к его услугам чистая горная вода, не отравленный ничем лесной воздух. Грибы и ягоды его семья заготавливает бочками, кедровые орехи — мешками.

Здесь же, рядом с домом, луга с сочной травой для домашних животных. А в тайге дичь, зверье — сколько хочешь. В реке — самая ценная рыба: ленки, таймени, хариусы, сиги, тугунки.

— Земля-то, наша матушка, жирная. Эко место, сколько растет тут всякого добра, — говорит Щеголев.

У Щеголева шесть взрослых сыновей и не перечесть внуков. Эта семья, видимо, не чувствует себя оторванной от жизни. Благодаря радиоприемнику она в курсе событий, происходящих в стране и в мире. Музыка всегда звучит в этой избе. Охотники иногда посещают ее и находят здесь приют. Караваны, везущие весной грузы в Ванавару, тоже останавливаются здесь.

Обитателей таких домиков в таежной глуши называют кержаками, староверами, старообрядцами. Возможно, еще многие из них верят в бога — это их дело. Не это главное. Живя в отдаленных частях тайги, они прекрасно изучили свои глухие районы, давно освоили охотничьи угодья, и теперь они активные поставщики ценной пушнины, ягод, кедровых орехов. Поэтому государство помогает им, снабжает всем необходимым.

Кроме того, многие из староверов помогают геологам находить полезные ископаемые в самых сокровенных таежных уголках. Они прекрасные проводники и следопыты, участники многих экспедиций.

После двух-трех выпитых стаканов Губенко встал из-за стола:

— Братва, пора плыть дальше.

Сплавщики с заметным трудом поднялись со своих стульев, слегка покачиваясь, вышли из избы.

— Вот так брашонка! — сказал Григорий.

— Ну, сидеть нам опять на камне! — пошутил кто-то. — Вельминский порог на носу!

Провожать наш караван вышла вся семья во главе с бородатым хозяином. Дочь старика, с длинными косами, в небрежно накинута на голову платочке и цветастом платье, застенчиво поглядывала на наших парней. Те также, стесняясь, украдкой бросали на нее взгляды.

Сердечное прощание — и мы отплыли. Скоро одинокая изба, со стоящими на берегу ее обитателями, скрылась за поворотом реки.

Перед Вельминским порогом мы снова причалили к берегу. Гриша Губенко отправился обследовать фарватер. За ним следовал Лука. Не вытерпел и я: решил поучиться у сплавщиков. По руслу торчали камни, но по средней части порога, где довольно хороший слив, можно, пожалуй, провести караван.

Снова трепетное чувство перед возможной опасностью; караван стремительно проносится по сливу.

Миновав небольшую Майгунскую шиверу, к вечеру мы подплыли к длинному лесистому острову Кукуй и уже в сумерках пристали у пустынной деревни Кузьмовки.

К ПРОСТОРАМ ЕНИСЕЯ

Люблю я утро в тайге, в глухом лесу, где воздух чист, холоден и насыщен запахом хвои. Иным нравится раннее утро в городе, пустынные, подернутые дымкой улицы. В этом, конечно, есть своя прелесть. Но что вы поделаете со мной — не лежит мое сердце к городу, мне кажется, что даже утренняя дымка там напоена отстоявшимися за ночь выхлопными газами от автомашин.

Человеку надо обязательно жить вблизи лесов. Мы убеждаемся в этом слишком поздно, когда вся наша жизнь уже прожита в городе. От пожилых горожан можно часто слышать возгласы сожаления: «Ах, как я был глуп — не поехал в свое время жить и работать в село!» И на склоне своих лет эти люди начинают тянуться к лесу, к природе, стараясь наверстать упущенное...

Эти мысли владели мной, когда на другой день рано утром мы плыли вниз по реке.

Речные берега здесь однообразны. Но ярко разукрашенная осенью тайга радовала глаз. На склонах небольших возвышенностей вдали от берегов желтели березы и лиственницы, краснели осины и черемуха. На этом золотом фоне с красными пятнами четко выделялись шапки вечнозеленых кедров. А над всем этим лесным ковром сияло чистое осеннее небо.

Я сидел в катере рядом с Григорием.

— Послушайте, Михаил Александрович, — сказал вдруг Гриша, — чего вы живете в Москве? Ехали бы в Сибирь, а?

Я был застигнут врасплох. Что я мог ответить Григорию? Конечно, у меня определенная специальность, я крепко осел в столице, но... ведь все это ложь, которой больны многие. Сибирь тянет меня к себе, и, если бы я очень захотел переехать сюда жить, я бы, конечно, это сделал...

Губенко продолжал:

— Вот построили бы в селах жилые дома с теми же удобствами, как у вас в Москве, народ ни за что не тянулся бы в город.

— Гм... Может быть, — согласился я.

— И еще: если бы наши села так же хорошо снабжались, как большие города, разве уезжали бы отсюда люди?

— Гриша, а почему же вы-то не перебрались в город?

— Ну что вы! Не могу я там, не моя это стихия.

— Наверно, все-таки дело еще и в убежденности человека. Вы убеждены, что более полезны здесь, а не в городе. Побольше бы таких людей на селе, как вы!

— Побольше бы желающих переехать из городов в села! И нам легче стало бы тогда.

Григорий показал на бесконечные зеленые увалы по берегам. Там тянулись леса, леса, леса...

— Посмотрите, сколько зелени, сколько здорового, чистого воздуха! Ехали бы сюда горожане, набрались бы они здесь здоровья!

Перед самым устьем природа поставила на пути Подкаменной Тунгуски последнее препятствие — так называемые Щеки. Река здесь вдруг резко сузилась, с обеих сторон ее обступили скалистые утесы. Она снова обрела облик горной реки.

В самом начале Щек на левом берегу высится ряд невысоких каменных столбов. Особенно выделяются два довольно оригинальной формы. Возле них из тайги вытекает маленький, но очень шумный ручей с каскадами, напоминающими миниатюрные водопады.

Правый берег похож на разрушенные ступени гигантской каменной лестницы, постепенно поднимающейся к скалистой отвесной стене, увенчанной частоколом фантастических каменных фигур.

Река делает здесь очень крутые повороты. Временами она так круто уходит в сторону, что противоположный берег как бы преграждает ей путь.

Вертишь головой и ничего не можешь понять: то ли вправо ушла река, то ли влево или совсем исчезла под землей!

— Вы знаете, как говорят эвенки про это место? — сказал Григорий. — «Река кончался, земля начался...»

Но вот наш катер поворачивает вправо, и мы снова видим сжатое утесами русло Тунгуски.

— Снимайте: это последние скалы на реке, — предупреждает Губенко.

Позднее я убедился, что Щеки — самое живописное место в низовьях Подкаменной Тунгуски. Здесь река как бы шлет прощальный привет путешественникам и напоминает им: посмотрите последний раз на мои берега и запомните меня, Подкаменную!.. А дальше снова низкие берега, простор и ширь речная...

Завтра будем на Енисее, — говорит Григорий. — А теперь надо бы местечко для лагеря выбрать.

— Мой последний лагерь... — произнес я задумчиво. — Давайте причалим здесь.

Гриша посмотрел на утесы Щек и сказал:

— Место красивое, но для привала не годится: на берегу голый камень, за дровами высоко, ни дичи, ни рыбы. Без рыбалки да охоты какой лагерь!..

— Тогда где же?

— Спустимся до Большой Тайменьки, там тайга рядом, а в устье речки рыба есть.

Река повернула вправо, и на левом берегу мы увидели два чума и дымящий костер. Приблизившись, мы заметили груды бочек и развешанные на кольях сети.

— Кеты ловят тугунков, — сказал Губенко и включил сирену.

Меня озадачило незнакомое слово, но момент для расспросов был неподходящий: Гриша причаливал караван к берегу.

Из чумов вышли люди. Они помогли привязать катер к стоящей невдалеке лесине, потом подтянули караван за веревки к берегу.

Обитатели чумов оказались знакомыми Григория. Это были четверо мужчин низенького роста с типичными для эвенков чертами лица. Я бы не смог отличить их от эвенков, если бы Григорий не сказал, что это кеты — особая народность.

Это были рыбаки из ближнего села Суломая. Они действительно занимались ловлей тугунков. Несколько бочек уже были доверху наполнены засоленной мелкой, как килька, рыбой.

Запылал костер. Над пламенем повесили ведро, наполненное тугунками. Как только в ведре закипело, его тотчас же сняли с костра — уха готова. Крохотные, но мясистые и жирные тугунки оказались на редкость вкусными, а навар от них — такого я еще никогда не пробовал!

После ужина Григорий рассказал мне о кетах. Их очень немного — человек шестьсот, а может, и того меньше. Живут они в низовьях Подкаменной и еще где-то на Енисее. Возможно, что это племя имеет что-то общее с североамериканскими индейцами — в языке индейцев и кетов якобы есть схожие слова. Поговаривают, что их предки пришли в Сибирь с Американского континента. Все это Григорий слышал от

научных работников, которые занимались изучением кетов: ему приходилось возить ученых в эти места.

Все это было очень интересно.

— Чем же кеты отличаются от местных народов? — спросил я.

— Да ничем! Такие же охотники, рыбаки, как и эвенки. Работают в колхозах, в артелях.

Теперь я с особенным интересом смотрел на рыбаков. Дядя Лука что-то рассказывал им. Рыбаки заразительно хохотали. Что уж там старик такое выдумывал?..

Вечером произошло смешное событие. Балагур Лука, прервав разговор с кетами, вдруг закричал:

— Мужики, глухарь летит!

Мы все, сколько нас было, взглянули в ту сторону, куда показывал старик. Из-за реки почти прямо на лагерь летел большой черный красавец. Несмотря на наши крики, он уселся на сосне, стоящей на высоком пригорке метрах в семидесяти от чумов. Что его привлекло сюда? Не огонек ли костра понравился ему?

Лука схватил ружье и, поспешно заряжая его, побежал к сосне. За ним ринулись Петька и Никола. Еще один из команды сплавщиков взял ружье.

Я бросился было к киноаппарату, но вспомнил, что быстро наступающая темнота не позволит снимать.

Нам хорошо была видна сидящая на сосне птица. Гордо вытянув шею, глухарь смотрел на наш лагерь, временами поворачивая голову. Охотники, пригнувшись к земле, медленно подкрадывались к дереву. Вдруг один из них громко закашлял.

Глухарь внезапно взмахнул крыльями и, резко снижаясь, словно падая, скрылся в тайге. Послышался ворчливый голос Луки:

— Все дело ты испортил, Петька! Такого упустили глухарину! Он, можно сказать, сам просился в котел!

Все сидящие у костра весело рассмеялись.

— А ведь мне жалеть надо больше, — сказал я. — За все путешествие я так и не сумел снять глухаря.

Гриша махнул рукой.

— Когда-нибудь заснимете... Ну, довольны вы своим путешествием по нашей реке? Расскажите, что вы засняли у нас?

— Что ж, я уже могу подвести итоги моей киноэкспедиции. Скоро будет четыре месяца, как я странствую по вашим краям.

Я стал припоминать детали своего путешествия.

— Поход с учеными к месту падения Тунгусского метеорита дал мне интересный киноматериал. Несколько дней с геологами на Чамбе — это тоже было интересно. Съемка луны, эпизоды у вечернего костра и ранним утром, съемка в дождь, киноохота и плавание с группой зоологов — это дало большой материал для экрана. Наконец, с вами, Гриша, заснят самый живописный участок Подкаменной Тунгуски: пороги, скалы. А сколько интересных людей я встречал в пути! Заснял я около шести тысяч метров цветной и черно-белой пленки. Материал для будущего фильма о Подкаменной Тунгуске собран. Теперь можно и заканчивать путешествие.

— Значит, лето и осень у вас не пропали даром.

— Нет, не пропали... Такого интересного путешествия с киноаппаратом я еще никогда не совершал.

Тем временем горе-охотники вернулись к костру, подшучивая друг над другом. Рыбаки-кеты еще долго смеялись над Лукой.

Последнюю ночь, несмотря на приглашение рыбаков переспать в чумах, мы решили провести в стоге сена, стоящем в стороне от лагеря.

...Утро было пасмурное. Темные тучи закрывали небо. Дул холодный ветер. Приближалась зима.

Меня разбудил Губенко:

— Поднимайтесь, на охоту пойдем. Слышите, глухарки квохчут.

Я оглядел лесистый пригорок над лагерем. В стороне от знакомой сосны в тайге царило оживление: с дерева на дерево перелетали крупные птицы.

— Копалух не хотите ли заснять? — спросил Григорий.

Я поспешно вылез из спального мешка и приготовил кинокамеру с телеобъективом. Умываться не стали: некогда. Гриша повесил на плечо ружье, я — тоже, и мы направились к лесу.

На пригорке перед нами с земли взлетели две большие птицы. Я не успел их разглядеть: они быстро скрылись за деревьями.

— Тьфу, черт! — выругался Губенко, — Это же глухари!

Мы постояли, прислушались.

— Так пойдем, — показал он в ту сторону, откуда доносились голоса копалух.

Шли осторожно, стараясь не ступать на сучья и не задевать кустов. Губенко часто останавливался и прислушивался.

— Раскудахтались, как куры!

Скоро мы подошли к деревьям, с которых раздавались птичьи голоса.

— Прицеливайтесь, — показал Григорий на лиственницу.

Я увидел копалуху. На соседних деревьях тоже сидели птицы, похожие на кур. При нашем появлении они завохтели сильнее. Это был выводок молодых глухарок.

Мы замерли, стараясь не шевелиться. Птицы, вытягивая шеи, следили за нами. Одна из них, очевидно мать, беспокоилась больше других. Ее тревожное «квох-квох» разносилось по лесу.

Я заснял каждую птицу в отдельности. Но глухарки не собирались улетать. Мне надоело тратить пленку на неподвижно сидящую дичь.

— Почему они не улетают? — спросил я.

— Да они всегда так: когда их много, подпускают охотника близко. Но к одинокой копалухе без собаки подкрасться куда труднее!

Посмотрев на киноаппарат, Григорий спросил:

— Всех засняли? Может быть, одну птичку добудем на варено?

— Только не из этих, Гриша!

— Тогда я отойду в сторонку.

Григорий бесшумно, скрываясь за деревьями, ушел в тайгу.

На моем плече висело ружье, но я не дотронулся до него: стрелять в доверчивых птиц мне не хотелось.

Невдалеке раздался выстрел, и весь выводок копалух как рукой сняло — разом вспорхнули и улетели в чащу.

Вскоре показался Губенко с подстреленной глухаркой.

— Пойдемте готовить завтрак.

В тайге прозвучало несколько выстрелов.

— Не Лука ли это старается? — с улыбкой прислушался Григорий.

Мы вышли к лагерю. Там не было ни души: все ушли на охоту. Ждать спутников пришлось недолго. Первыми вернулись Петр и Николай и положили у костра по копалухе. За ними явились рыбаки-кетты с остальными сплавщиками. Возле костра выросла горка дичи.

Последним приплелся дядя Лука. У него на поясе болтался рябчик.

— Угостим кинооператора напоследок, чтобы не забывал нашу Сибирь! — Он бросил рябка в общую кучу трофеев.

Это был мой последний таежный завтрак на берегу Подкаменной Тунгуски, по-сибирски обильный и вкусный, в кругу хороших людей. Я мысленно прощался с каждым из них. Эти люди со всеми их недостатками и слабостями стали мне дороги...

Глядя на них, я вспоминал и других своих спутников: ученых из метеоритной экспедиции — Флоренского, Вронского, Палея, Янковского, проводников-эвенков Афанасия и Андрея, геологов на далекой Чамбе, зоологическую группу Сыроечковского, радиста Толю Савватеева. В памяти моей всплыли дни и ночи в тайге, беседы у костров, незабываемые походы по дремучим лесам.

Как я счастлив, что мне удалось заснять на пленку неповторимую природу тунгусской тайги! Теперь этот далекий уголок Сибири зрители увидят в цветном фильме, у которого пока еще нет названия. То ли это будет «По берегам Подкаменной Тунгуски», а может быть, просто «По тунгусской тайге»...

— Чего призадумались? — толкнул меня локтем Гриша Губенко. — Поплывем!

Мы простились с рыбаками. Дядя Лука не забыл приобрести у них ведро соленых тугунков.

— Старухе своей привезу гостинца!

Наш караван снова выплыл на речную ширь. Опять потянулись равнинные берега. В небе клубились зловещие тучи. Редко выглядывавшее из-за них солнце уже не грело. Иногда шел снег и даже град.

И вот впереди заблестела широкая водная полоса.

— Снимайте последний кадр! — сказал Гриша.

На правом берегу показалась небольшая деревня Подкаменная Тунгуска. Спустя некоторое время мы выплыли на широкий простор могучего Енисея.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

Примечание

Примечание

В 1961 и 1962 годах экспедиции Академии наук СССР под руководством К. П. Флоренского продолжали изучать место падения метеорита. Сейчас ученые достаточно ясно представляют себе картину взрыва Тунгусской кометы.